МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

Квалификационная научная
работа на правах рукописи

ЧЖОУ ХУНВЕЙ

УДК 81:39

ДИССЕРТАЦИЯ
СЛОВО *СЕРДЦЕ* В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ

10.02.02 – русский язык

Подается на соискание научной степени кандидата филологических наук

Диссертация содержит результаты собственных исследований. Использование идей, результатов и текстов других авторов имеют ссылки на соответствующие источники

_____

(подпись, инициалы и фамилия соискателя)

Научный руководитель: Джинджолия Гигла Паршаванович, кандидат филологических наук, доцент

Старобельск – 2017

АНОТАЦІЯ

Чжоу Х. Слово *серце* в лінгвокультурологічних характеристиках. – Кваліфікаційна наукова праця на правах рукопису.

Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук за спеціальністю 10.02.02 – російська мова. – Луганський національний університет імені Тараса Шевченка МОН України, Старобільськ, 2017.

Харківський національний педагогічний університет імені Г.С. Сковороди МОН України, 2018.

Класифікація змістових аспектів мовних одиниць, категорій, систем і підсистем різних мовних рівнів дозволяє виявити через мову категоризувальну і концептотвірну роботу людської свідомості. З огляду на це актуальність дослідження мотивується насамперед загальним інтересом сучасної лінгвістики до визначення ролі людського чинника в мові.

Серце – основний орган кровоносної системи, один із життєво важливих органів і, мабуть, єдиний з внутрішніх органів, діяльність якого так помітна і відчувається людиною протягом усього життя.

Для безлічі мов, у тому числі й для мов різноструктурних, що мають типологійні розбіжності, характерними є уявлення про серце як про цінність, уразливість і щось украй важливе. Серцем часто називають центральну або важливу частину чогось. Серце відповідальне за емоційне й духовне життя людини, її характер та індивідуальні риси. Безсумнівний інтерес для дослідження становить аналіз контекстуальних реалізацій лексеми *серце* в різних мовах, що дозволяє виявити подібне та відмінне в національних картинах світу на підставі мовних фактів; зрозуміти й пояснити, як і чому одне й те саме поняття (*серце*) по-різному представлене в мовному досвіді людей – носіїв різних мов.

Вивчення фразеологічних одиниць в аспекті лінгвокультурології (у тому числі й порівняльне) набуває особливої ваги для дослідження окремих фрагментів мовної картини світу; уможливлює об'єктивацію в асоціативно-образному змісті

фразеологічних одиниць особливого значення, оскільки дозволяє досить виразно виявити особливості світосприйняття і світовідчуття носіїв тієї чи тієї мови.

Вибір теми дисертаційного дослідження зумовлений необхідністю лінгвокультурологічного осмислення семантики слова *серце* в мовній картині світу носіїв російської мови (в окремих випадках – із проекцією на картину світу китайської мови, рідної для автора роботи). Дослідницький фокус саме на слові *серце* у свою чергу зумовлюється тим, що це поняття вирізняється особливою значущістю для носіїв як російської, так і китайської мов і, відповідно, посідає особливе, але не тотожне місце в обох лінгвокультурах.

Наукову новизну дисертації визначають насамперед аналітичне узагальнення та систематизація культурних смислів слова *серце*, властивих останньому в мовній картині світу носіїв російської мови як у статусі самостійної лексичної одиниці, так і в складі фразеологічних одиниць. Окрім цього, виявлена культурна інформація інтерпретується в цій роботі і під кутом сприйняття носія російської мови як нерідної, тобто на тлі мовної картини світу носіїв китайської мови (з урахуванням істотних розбіжностей з аналогічним феноменом у носіїв російської мови), що також можна розглядати як елемент наукової новизни виконаного дослідження.

Найбільш повного і системного втілення проблематика, що відображає різні аспекти контактування, взаємодії і взаємовпливу мови і культури, набула в новій науковій галузі, яка сформувалася на стику лінгвістики і культурології в кінці минулого – на початку нинішнього століття, і отримала назву «лінгвокультурологія».

На сучасному етапі розвитку гуманітарного знання «картиною світу» називають вихідний глобальний образ світу, що становить основу світобачення людини, репрезентує сутнісні властивості світу в розумінні носіїв і є результатом всієї духовної активності людини.

Детальний і всебічний розгляд суті феномену «мовна картина світу», що його, з огляду на завдання цього дослідження, доцільніше позначати терміном «культурно-мовна картина світу», уможливлює не тільки більш-менш повне

окреслення діапазону культурних проявів у мові, а й установлення певних причиново-наслідкових зв'язків, а також виявлення процесів виникнення (відображення) і функціонування в мовній системі й дискурсивних практиках культурно значущої, у тому числі й національно-культурної інформації.

Лексема *серце* в російській літературній мові, починаючи з XIX-го століття, розглядалася як багатозначна одиниця, у складі якої співіснують кілька значень та їх відтінків. При цьому всі словники як первинне, пряме значення фіксують інформацію про один з основних органів людського організму (часто - і організму тварин), при передачі якої пріоритетними є вказівки на тілесні ознаки.

Більшість словників фіксують у цього значення один лексико-семантичний варіант – 'місце на лівій стороні грудей, де знаходиться цей орган', який в низці стійких виразів реалізується з виразними ознаками переносного (наприклад, *положа руку на сердце* та ін.). Судячи з наведених у різних лексикографічних джерелах ілюстрацій, цей лексико-семантичний варіант функціонує в російській мові досить активно, і це підтверджується словниками різних періодів.

Водночас проаналізований матеріал свідчить, що не менш активно в різних сферах мовної комунікації представлені й інші переносні значення лексеми *серце*, число яких в різних словниках коливається від 2 до 5.

Найбільшу різноманітність щодо вияву в лексико-семантичних варіантах, а також сполучувальних властивостей, уходження в стійкі вирази і под. демонструють значення, що характеризують внутрішній світ людини (сферу її емоцій та інтуїцію), душевні якості і характер, особливості настрою.

На сучасному етапі особливо значущу роль в осмисленні лінгвокультурної інформації, представленої в лексемі *серце*, відіграє «Словник російської ментальності» 2016 р., підготовлений В.В. Колесовим, Д.В. Колесовою та А.А. Харитоновим, у якому «на основі висловлювань авторитетних російських письменників, філософів та громадських діячів відтворені національні особливості російського матеріального, духовного і культурного середовища на тлі європейських культурних цінностей, з якими вони перетинаються. Ментальні відмінні і подібні риси культур подані через аналітичний опис російських

концептів в їхніх змістовних формах (образ – поняття – символ), що відображають походження і розвиток народного світосприйняття, етики та культури; визначені культурні впливи і їх наслідки (як позитивні, так і небажані)».

Окремий фрагмент роботи присвячений розгляду утворень від основи *сердц-* - з урахуванням історичної основи цього кореня з коренем *серд*, тобто зважаючи на такі номінації, як *сердоболие*, *сердяга*, *милосердие*, *жестокосердый* і под.

Основну увагу приділено аналізові такого деривата лексеми *серце*, як *милосердя*, значення якого в період XIX – XXI століть зазнало істотних трансформацій, у тому числі і відносно властивої цій номінації культурно-значущої інформації. У зв'язку із цим, на нашу думку , її опис у словниках, а також розгляд функціонування в різножанрових текстах видається одним із найбільш цікавих об'єктів для аналізу в руслі розв'язуваних у цьому дослідженні завдань.

Аналіз підтвердив, що корпус фразеологічних сполук російської мови з компонентом *серце* становить надзвичайно цінний матеріал для виявлення лінгвокультурних характеристик цього поняття, що враховують практично всі наявні тлумачні словники:у жодному з них опис значень номінації *серце* не обходиться без залучення фразеологічного фонду.

Установлено, що більшість фразеологізмів з компонентом *серце* і його дериватами мають семантику, що зумовлює їхнє використання в спілкуванні переважно для опису і розкриття суті внутрішнього світу людини, характеристики її психологічних, емоційних та інших душевних якостей.

Дисертація містить низку спостережень порівняльного характеру, що мають, на наш погляд, важливе значення для адекватного сприйняття і / або розуміння культурно-мовних картин світу двох різноструктурних мов – російської та китайської, а також деякі пропоновані автором принципи, що на них, як видається, доцільно спиратися при перекладі слова *серце* та інших мовних одиниць з компонентом *серце* з російської мови китайською і навпаки.

Продемонстровано, що, незважаючи на типологійні розбіжності, ці мови виявляють певну схожість як у творенні фразеологічних одиниць, так і в семантиці й стилістичній забарвленості фразеологізмів.

Однак фразеологічні фонди з компонентом *серце* російської та китайської мов мають досить багато відмінностей, зумовлених, з одного боку, структурною неоднаковістю мов (належністю до різних мовних типів), з другого боку - несхожістю у власне мовних картинах світу.

Спостереження дозволяють зробити висновок про те, що найбільш затребуваними образотворчими засобами при індивідуально-авторському осмисленні цих одиниць мови в сучасних комунікативних утвореннях є тропи (у першу чергу - метафори і епітети), які відзначені виразними ознаками індивідуальності; а також прийоми авторської трансформації значень наявних фразеологічних одиниць із компонентом *серце*: навмисне «руйнування» структури фразеологізму; заміна одного з компонентів тощо, результатом чого стає актуалізація певних сем і, як наслідок, привернення уваги адресата до конкретного фрагмента тексту.

Ключові слова : лінгвокультурологія, лексема, культурно-мовна картина світу, фразеологізм, культурно значуща інформація, культурна конотація.

SUMMARY

Chzhou H. The Word *Heart* in Linguocultural Characteristics. – Manuscript.

Thesis for a Candidate Degree in Philology, speciality 10.02.02 – Russian Language. – Taras Shevchenko Luhansk National University MES of Ukraine, Starobilsk, 2017.

H.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University MES of Ukraine, Kharkiv, 2018.

Attempts to systematize linguistic units, categories, systems and subsystems of different language levels due to the content aspects allows us to determine the categorical and conceptual work of human consciousness in a language. The relevance of the study is motivated primarily by the general interest of modern linguistics to find out the role of the human factor in the language.

The heart is the main organ, one of the vital organs and, perhaps, the only one of the internal organs, whose activity is so noticeable and perceived by man throughout life.

For a number of languages, including those ones of different types, the word *heart* means something very important, valuable , vulnerability. The word *heart* is often considered to be the central or important part of something. *Heart* is responsible for the emotional and spiritual life of a person, his/her character and individual traits. The analysis of the contextual implementations of the *heart*'s lexemes in different languages is a great interest in the study. That makes it possible to find similar and different features in the national world pictures based on linguistic facts; to understand and explain how and why the same notion (*heart*) is presented differently in the language experience of people of different languages.

Phraseological units research in the aspect of linguistic culture (including comparative aspect) becomes of particular importance for the study of certain fragments of the linguistic world picture; makes it possible to objectify a special meaning in the associative-figurative content of phraseological units, as it allows to identify clearly the peculiarities of the world perception and perception of the speakers.

The theme of the thesis is the way to present the need for linguistic cultural interpretation of the word *heart* semantics in the language world picture of a native speakers (Chinese is a native language to the author of this work). The research focus on the word *heart*, in turn, is due to the fact that this notion is particularly significant for both Russian and Chinese speakers and, accordingly, plays a special but not identical role in both linguistic cultures.

The scientific novelty of the dissertation is determined primarily by the analytical generalization and systematization of the cultural meanings of the word *heart* actualized in the lexeme and in the phraseological unit. In addition, the revealed cultural information is interpreted in this work from the point of view of the Russian speaker as a non-native (taking into account significant differences with a similar phenomenon in n speakers).

The most complete and systematic embodiment of the problem, that reflects various aspects of contact, interaction and mutual influence of languages and cultures, has gained in the new scientific branch, which was formed at the junction point of linguistics and cultural studies at the end of the last century and at the beginning of this century, and was called "linguistics cultural studies".

At the present level of humanitarian knowledge, the "picture of the world" is the original global image of the world, which forms the basis of the person's world view, represents the essential properties of the world in the understanding of speakers and is the result of all spiritual activity of person.

A detailed and comprehensive consideration of the essence of the phenomenon "linguistic world picture " is more appropriate to refer to the term "cultural and linguistic world picture ". That makes it possible to complete this definition, but also to fix certain cause- consequence relationships, as well as to determine national and cultural information.

The lexeme *heart* in the literary language, from the nineteenth century, was regarded as a significant unit, in which several meanings and their shades coexist. At the same time, all dictionaries gives information about one of the main organs of the human body (often - and the organism of animals) as a primary, direct meaning.

Most dictionaries fix this lexical-semantic variant in this meaning - 'place on the left side of the breast where this organ is located', which in a number of state expressions is implemented with expressive traits of a figurative one (for example, *положа руку на сердце – put a hand on the heart*, etc.). Various lexicographic sources present examples,where this lexical-semantic version functions very actively in the Russian language.

At the same time, the analyzed units show that the other meanings of *heart* lexemes are also active in various spheres of communication, their number in different dictionaries is from 2 to 5.

The greatest variety of meanings is to characterize the inner world of a person (emotions and intuition), mental qualities and character, peculiarities of mood.

Nowadays, the "Dictionary of Russian mentality" (by V. V. Kolesov, D. V. Kolesova and A. A. Kharitonov, 2016) plays an important role in interpreting the linguistic and cultural information presented in the word *heart*. This book demonstrates the statements of authoritative writers, philosophers and public persons as for the Russian national peculiarities of material, spiritual and cultural life against the European cultural values. Mental differences and similarities of cultures are presented through an analytical description of notions (image - concept - symbol), and reflect the origin and development of people's world perception, ethics and culture; certain cultural influences and their results (both positive and negative).

A separate piece of work is devoted to the derived words from *сердц- (heart*) taking into account the historical basis of this root. They are such nominations as *сердоболие*, *милосердие*, *жестокосердый* (*compassionate, mercy, cruel hearts*).

The main attention is paid to the analysis of such a lexeme as *милосердие* (*mercy)*, whose significance during the nineteenth and twenty centuries has undergone great transformations, including the cultural and significant characteristic of this nomination. In this regard, its description in the dictionaries, as well as the consideration of functioning in multilingual texts, appears to be one of the most interesting objects to analyze.

Russian phraseological units with the component heart is extremely valuable material to identify the linguistic and cultural characteristics of this notion, taking into account the fact that dictionaries describe the meaning of the nomination heart with the help of the phraseological units.

It has been established that most phraseological units with the *heart*-component and its derivatives have semantics, which predetermines their use in communication mainly for the description and disclosure of the person's inner world, to characterize his psychological, emotional and other spiritual qualities.

The thesis contains a number of comparative observations that are important for the adequate perception and / or interpreting of the cultural and linguistic world pictures of two different languages – Russian and Chinese. Some of the principles proposed by the author appear to be relied when translating the word *heart* and other linguistic units with the *heart* component from the Russian language into Chinese and vice versa.

It has been fixed that, despite the typological differences, these languages show a certain similarity both in the creation of phraseological units, and in semantics and stylistic colouring of phraseologisms.

However, phraseological funds with the *heart* component in Russian and Chinese have a lot of differences due to the structural disparity of languages (different language types) and, on the other hand - the dissimilarity in the actual cultural and linguistic world pictures.

The results allow us to conclude that the most demanded means in the author comprehension of these units in modern communication are tropes (first of all metaphors and epithets), which are marked by distinct features of individuality; as well as methods of author's transformation of the phraseological units meanings with the *heart* component: the phraseological unit "destruction"; replacement of one of the components, etc., as a result attracting the addressee's attention to a certain piece of the text.

***Key words*:** linguistic cultural studies, lexeme, cultural and linguistic picture of the world, phraseological unit, cultural information, cultural connotation.

Список публікацій здобувача

1. Чжоу Х. *Душа* и *сердце* в русской языковой картине мира // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. № 20 (207). Частина II. Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2010. С. 90 – 93.
2. Чжоу Х. Фразеологизмы со словом *сердце* в русском языке // Наукові записки Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Серія «Філологічні науки». Науковий простір дискурсології: ретроспективно-проспективний вимір: зб. наукових праць. № 2 (34). Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2011. С. 371 – 375.
3. Чжоу Х. Образные употребления слов *душа* и *сердце* в русской поэзии XIX – XX века // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2011. № 22 (233). С. 69 – 72.
4. Чжоу Х. Слово «Сердце» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету: збірник наукових праць. Серія: Філологія. Вип. 11. Т. 1. Одеса, 2014. С. 75 – 77.
5. Чжоу Х. Слово *милосердие*: семантика и употребление // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: VII Международная научная конференция (Днепропетровск, ДНУ имени Олеся Гончара, 2 – 4 апреля 2015 г.): материалы / составитель Т. С. Пристайко. Днепропетровск: Нова ідеологія, 2015. С. 190 – 194.
6. Чжоу Х. Осмысление лингвокультурного потенциала лексемы *сердце* современной лирикой // Мова і культура. (Науковий журнал). Вип. 20. Т. III (188). К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2017. С. 235 – 241.
7. Чжоу Х. О лингвокультурном потенциале лексемы *сердце* в современном культурном контексте // XI Машеровские чтения : материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных,

Витебск, 18 октября 2017 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. С. 262 – 263.

8. Чжоу Х. Русско-китайский и китайско-русский фразеологический словарь с компонентами «сердце» и «душа». Луганск: Глобус, 2010. 72 с.

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....4
ВВЕДЕНИЕ.....5
РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА.....11
1. 1. Лингвокультурология как новая область языковедческих исследований, основные понятия и терминологический фонд лингвокультурологии.....11
1. 2. Языковая картина мира как отражение национально-культурного своеобразия языка.....32
Выводы к разделу I.....45
Список литературы.....48
РАЗДЕЛ II. ЛЕКСЕМА *СЕРДЦЕ* И ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *СЕРДЦЕ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ.....55
2.1. Лингвокультурный потенциал лексемы *сердце* в русском языке.....55
2.2. Словообразовательное гнездо *сердце* в синхронном и диахроническом аспектах: осмысление с лингвокультурологических позиций.....113
2.3. Лингвокультурный потенциал фразеологических единиц с компонентом *сердце* и его дериватами.....133
2.4. Фразеологизмы с компонентом *сердце* в картинах мира носителей русского и китайского языков: сходства и отличия.....162
Выводы к разделу II.....165
Список литературы.....168
РАЗДЕЛ III. ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛОВА *СЕРДЦЕ* В СОВРЕМЕННЫХ КОНТЕКСТАХ.....170
3.1. Актуализация лингвокультурного потенциала слова *сердце* и его дериватов в современной речи.....170

3.2. Трансформация лингвокультурного компонента *сердце*: основные тенденции и способы их воплощения 175
Выводы к разделу III 185
Список литературы 187
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....188
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....191
ПРИЛОЖЕНИЯ.....212

Список сокращений

БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / под ред. В. И. Чернышёва. М.: Изд-во АН СССР, 1948 – 1965. Т. 6. 840 с.

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка; сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 1998. 1536 с.

БУСРЯ – Морковкин В. В. Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая / Гос. ин-т рус. Яз. Им. А. С. Пушкина; под ред. В. В. Морковкина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА; Словари XXI века, 2016. 1456 с.

МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. /АН СССР, Ин-т рус. яз., под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. А – Й. М.: Русский язык, 1981. – 698 с.; Т. 2. К – О. М.: Русский язык, 1983. 736 с; Т. 3. П – Р. М.: Русский язык, 1984. 752 с.; Т. 4. С – Я. М.: Русский язык, 1984. 794 с.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. проф. Д. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996. Т. I 824 с.; Т. III 520 с.; Т. III 712 с.; Т. IV 752 с.

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа выполнена в русле лингвокультурологических исследований. Обзор теоретических работ по лингвокультурологии (исследования В. В. Воробьёва [Воробьёв 1994; Воробьёв 1997], В. А. Масловой [Маслова 1994; Маслова 1999; Маслова 2001; Маслова 2004; Маслова 2007], В. В. Красных [Красных 2005; Красных 2007; Красных 2008; Красных 2011; Красных 2016], Г. В. Токарева [Токарев 2009], В. Н. Телия [Телия 1994; Телия 1995; Телия 1996; Телия 2008] и др.) показывает, что основной интерес для данного направления лингвистической науки представляет изучение языка как контейнера информации о культуре и ментальности того или иного языкового сообщества.

В современной лингвистике изучение языка, а вместе с ним и познание мира носит более системный, чем ранее, характер. Систематика содержательных аспектов языковых единиц, категорий, систем и подсистем различных языковых уровней позволяет выявить через язык категоризующий и *концептуализирующий* механизмы сознания человека. В этой связи **актуальность** исследования обусловлена, во-первых, общим интересом современной лингвистики к человеческому фактору в языке: опыт взаимодействий человека с окружающей его средой и, в первую очередь, с собственным телом, неизбежно находит отражение в языке и, прежде всего, в его лексическом составе.

Одним из наиболее ярко представленных в языке органов является **сердце**, что подтверждает факт распространённости номинаций для этой реалии в различных языках, а именно лексем: *сердце* в русском языке, *heart* в английском языке, *coeur* во французском и т. д.; все означенные лексемы, как и их соответствия практически во всех других языках мира, обладают широким спектром значений и их оттенков; входят в состав многих устойчивых выражений и фразеологизмов; активно используются для образного осмысления действительности и т. д., что свидетельствует о важности их роли в языковых системах в принципе. *Сердце* – основной орган кровеносной системы, один из жизненно важных органов и, пожалуй, единственный из внутренних органов,

деятельность которого так заметна и ощутима человеком на протяжении всей жизни.

Для множества языков, в том числе и для языков разноструктурных, имеющих типологические отличия, применительно к *сердцу* характерны представления о ценности, уязвимости и критической важности. *Сердцем* часто называют центральную или важную часть или область чего-либо. *Сердце* ответственно за эмоциональную и духовную жизнь человека, его характер и личностные качества. Несомненный интерес для исследования представляет анализ контекстуальных актуализаций лексемы *сердце* в различных языках, позволяющий выявить сходства и различия в национальных картинах мира по данным языков и, по возможности, понять и объяснить, как и почему одно и то же явление (*сердце*) различно представлено в языковом опыте людей, говорящих на разных языках.

Между тем с позиций недавно возникшего и активно развивающегося сегодня направления – **лингвокультурологии** – имя *сердце* недостаточно описано как в словарях и других справочных источниках, так и в специальных лингвистических лингвокультурологических работах, чем также определяется **актуальность** исследования.

Актуальность исследования видится и в том, что работа находится в русле современных направлений языкознания, а именно **лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, теории когнитивной метафоры**. Актуален и вопрос о роли фразеологического состава языка в экспликации культуры в языке: изучение в лингвокультурологическом аспекте фразеологии (в том числе и сопоставительное) приобретает для исследования отдельных фрагментов языковой картины мира, объективированных в ассоциативно-образном содержании фразеологических единиц, особое значение, поскольку позволяет довольно определённо выявить особенности мировосприятия и мироощущения носителей того или иного языка.

Кроме того, **актуальность** диссертационного сочинения обусловлена особым интересом современных исследователей к проблеме отражения в

языковых категориях, к которым, безусловно, принадлежит лексема *сердце*, внутреннего мира личности, её духовных потребностей и возможностей, ценностей и идеалов (см. работы Е. В. Урысон [Урысон 2003] и др). Интерес лингвистов к данному понятию, символизирующему центр биологической, духовной, эмоциональной, ментальной, социальной жизни человека, выступает как естественное проявление современной антропоцентрической парадигмы лингвистического знания.

Выбор темы диссертационного исследования обусловлен необходимостью лингвокультурологического осмысления семантики слова *сердце* в языковой картине мира носителей русского языка с проекцией на картину мира носителей китайского языка. Исследовательская сосредоточенность именно на слове *сердце* в свою очередь предопределяется тем, что данное понятие отличается особой значимостью для носителей как русского, так и китайского языков и, соответственно, занимает особое (однако безусловно не тождественное) место в обеих лингвокультурах.

Цель диссертационной работы заключается в исследовании места и роли имени *сердце* в языковой картине мира носителей русского языка с частичной проекцией на совокупность аналогичных функций имени *сердце* в языковой картине мира носителей китайского языка. Достижение означенной цели предопределило решение в работе следующих задач:

– изучение ключевых и наиболее весомых для формирования языковых картин мира аспектов взаимовлияния языка и культуры;

– анализ словарных дефиниций имени *сердце* и его культурных смыслов, сформировавшихся в картине мира носителей русского языка;

– выявление лингвокультурного потенциала дериватов лексемы *сердце*, в том числе и с учётом этимологических связей, утраченных на современном этапе развития языка;

– обобщающе-аналитическое описание русских фразеологизмов и паремий со структурным компонентом *сердце*;

– описание русских фразеологизмов с компонентом *сердце* с лингвокультурологических позиций, их типологизация с учётом синхронно-диахронических характеристик;

– создание русско-китайского и китайско-русского словаря фразеологических единиц с компонентами *сердце* и *душа*;

– определение на основе осуществлённого анализа некоторых принципов перевода русских фразеологизмов с компонентами *сердце* и *душа* на китайский язык – с учётом структуры, семантики, стилистической принадлежности и культурных смыслов каждой из фразеологических единиц в системе соответствующего языка;

– наблюдение за функционированием семантических вариантов лексемы *сердце* (слов – носителей тех или иных конкретных значений либо их вариантов) в современных публицистических и художественных контекстах.

Объектом диссертационного исследования является лексема *сердце* в совокупности всех её значений и их оттенков, а также группа фразеологических единиц русского языка с компонентом *сердце*.

Предмет исследования – лингвокультурные характеристики, сформировавшиеся у имени *сердце* в языковой картине мира носителей русского языка.

При выполнении диссертации был использован **комплекс методов**, среди которых: *описательный* метод, *сопоставительный* метод, *статистический* метод, *структурно-семантический* анализ, *контекстуальный* анализ, метод анализа словарных дефиниций.

Научная новизна диссертации заключается в первую очередь в аналитическом обобщении и систематизации культурных смыслов имени *сердце*, свойственные последнему в культурно-языковой картине мира носителей русского языка как в статусе лексической единицы, так и в составе фразеологических единиц. Кроме этого, выявленная культурная информация интерпретируется в настоящей диссертации и под углом восприятия носителя русского языка как неродного, т. е. на фоне культурно-языковой картины мира

носителей китайского языка (с учётом существенных отличий последней от аналогичного феномена носителей русского языка), что также можно рассматривать как элемент научной новизны выполненного исследования.

Практическая значимость диссертационной работы состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы при преподавании ряда дисциплин, читаемых в высшей школе (как собственно лингвистического, так и междисциплинарного характера): «Введение в языкознание», «Общее языкознание», «Лексикология и фразеология», «Семасиология», «Лингвокультурология», «Введение в когнитивную лингвистику» и т. д., а также – спецкурсов и спецсеминаров лингвокультурологической, а также когнитивно-лингвистической и этнолингвистической тематики. Представляется, что результаты проведённого исследования будут полезными для студентов и магистрантов при подготовке соответственно дипломных и магистерских сочинений.

Апробация работы. Работа в полном объёме обсуждалась на заседаниях кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. Отдельные положения диссертационного исследования нашли отражение в ежегодных сообщениях на заседаниях кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (2011 – 2014 гг.), в докладах и сообщениях на ежегодных «Днях науки» преподавателей, аспирантов и студентов Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, а также на международных конференциях: X Международной научной конференции «Науковий простір дискурсології: ретроспективно-проспективний вимір» (Луганск, 19 – 21 мая 2011 года); VII Международной конференции «Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках» (Днепропетровск, 2 – 4 апреля 2015 года); XXVI Международной научной конференции «Язык и культура» памяти профессора Сергея Бураго (Киев, 25 – 27 июня 2017 года); Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных

«XI Машеровские чтения» (18 октября 2017 года, Витебск, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Республика Беларусь).

По результатам диссертационного исследования опубликовано 8 работ, среди которых: 5 входят в список изданий, рекомендованных, МОН Украины для публикации результатов диссертационных исследований, 1 – в неспециализированном издании, 1 – в зарубежном издании; лексикографический аспект исследования представлен в словаре «Русско-китайский и китайско-русский фразеологический словарь с компонентами «сердце» и «душа» – Луганск, 2010.

Структура и объём работы. Диссертация состоит из введения, трёх разделов, заключения, списка литературы, насчитывающего 238 позиций, и 3 приложений. Объём основного текста диссертационного исследования – 186 страниц.

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

1. 1. Лингвокультурология как новая область языковедческих исследований, основные понятия и терминологический фонд лингвокультурологии

Культура – совокупность норм, установок, правил, ценностей, идеалов определенного общества. Это память общества. И культура, и менталитет отражаются в языке. Язык аккумулирует культурную информацию, является орудием культуры. Культура формирует менталитет народа, понимаемый как специфический взгляд на мир определённого сообщества людей.

Рассуждая о взаимоотношении языка и культуры, некоторые учёные признают безусловную связь между языком и культурой в широком смысле слова, отказывая этой связи в причинно-следственном характере. Согласно другому мнению, эта связь квалифицируется как причинно-следственная, но при этом предлагаются разные, подчас полярные решения.

Трактовать взаимоотношения языка и культуры исключительно сложно. Язык, мышление, культура – явления, которые находятся в постоянном движении, изменении. Для того, чтобы их изучить, необходимо их остановить, но это уже будут не те «язык», «мышление», «культура», вернее сказать, их не будет: они будут мертвы, вне движения, так же, как и в отрыве друг от друга.

Таким образом, язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из трех компонентов, ни один из которых не может функционировать (а следовательно, и существовать) без двух других. Все вместе они соотносятся с окружающим миром, отражают и одновременно формируют его. При этом они формируют так называемые языковые картины мира – продукт сознания, результат взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире.

Под языковой картиной мира понимается выраженная с помощью различных языковых средств системно упорядоченная социально значимая модель знаков, передающая информацию об окружающем мире. В языковой картине мира этнический менталитет актуализируется в «ключевых» культурных концептах. Понятие *языковая картина мира*, имеющее принципиальное значение для проводимого нами исследования, будет более подробно рассмотрено в следующем подразделе.

Проблема взаимодействия языка и культуры ставилась и по-разному осмысливалась довольно давно – она, безусловно, не может считаться абсолютно новой. О взаимоотношении языка, культуры, этноса размышляли многие: в начале XIX века немецкие учёные братья Гримм, идеи которых нашли свое развитие в 60 – 70-х годах XIX века в трудах русских учёных Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева; выдающегося украинского учёного А. А. Потебни.

Безусловно, появление лингвокультурологии, которая заняла заметное место научной лингвистической парадигме конца XX столетия, было подготовлено всем ходом предыдущего развития науки о языке. Так, В. Н. Телия отмечает, что «методологической базой **лингвокультурологического анализа** служат идеи, «родословная» которых восходит к трудам Гердера – Гумбольдта. <…> можно утверждать, что лингвокультурология с неизбежностью вписывается в антропологически ориентированную парадигму и ищет ответ на вопрос: как культура панхронически действует в речи современных носителей языка, как даже самые архаичные её пласты живут в сознании субъектов языка и культуры» [Телия 2004, С. 5].

Наиболее широкое распространение в мире получили идеи В. фон Гумбольдта, в понимании которого язык есть «народный дух», он есть «само бытие» народа: «<…> Язык тесно переплетён с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры. <…>

<...> Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более

тождественное. Каким образом оказывается, что они сливаются в единый и недоступный пониманию источник, остаётся для нас загадкой. <...> Впрочем, не пытаясь определять приоритет одного или другого, мы должны видеть в духовной силе народа реальный определяющий принцип и подлинную определяющую основу для различий языков, так как только духовная сила народа является самым жизненным и самостоятельным началом, а язык зависит от неё. <...> В практических целях очень важно не останавливаться на низшей ступени объяснения языковых различий, а подниматься до высшей и конечной и в качестве твердой основы для объяснения влияния духовного начала на образование языков принять то положение, в соответствии с которым **строение языков человеческого рода различно потому, что различными являются духовные особенности наций**» (выделено мною. – Х. Ч.) [Гумбольдт 1984, С. 48 – 68].

Концепция В. фон Гумбольдта послужила основанием для множества новых направлений современной науки (преимущественно – пограничного, стыкового характера), связанных как с языкознанием, так и с другими гуманитарными областями, что подчёркивается многими исследователями, – ср., к примеру, высказывание В. И. Постоваловой по этому поводу: «Последовательное проведение гумбольдтовского антропологического подхода к языку выдвигает на первый план разработку таких тесно связанных друг с другом направлений и их комплексов в рамках лингвистики антропологической ориентации, как: лингвогносеология, когнитология, лингвосоциология, лингвопсихология, лингвоэтнология, лингвопалеонтология и, наконец, лингвокультурология, направленная на изучение взаимоотношений языка и культуры <…> таков путь характерен и для фразеологии, которая, преодолев “кризис структурно-таксономической парадигмы”, приблизилась в настоящее время к антропологической парадигме и лингвокультурологическому анализу» [Постовалова 1999, С. 29 – 32].

По мнению Вольфганга Айсманна, в мировой лингвистике, начиная с 80-х годов, получили развитие и распространение «разные формы этнолингвистики

или «культурной лингвистики». Последняя в понимании американского лингвиста Г. Б. Пальмера (G. B. Palmer) соединяет разные традиции этнолингвистики (F. Boas, E. Sepir, B. Whorf <…>) с когнитивной лингвистикой. Это имеет разные точки соприкосновения с этнолингвистическими концепциями в России (Н. И. Толстой и его школа, М. М. Копыленко, в области фразеологии В. Н. Телия и её научный семинар)» [Eismann 1999, С. 44].

Из различных лингвистических направлений, сформировавшихся на основе контактирования языкознания с другими научными сферами (социологией, психологией, этнографией и т. д.), лингвокультурологии наиболее близка **этнолингвистика** – «направление в языкознании, изучающее язык в его отношении к культуре, взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка. В более широком понимании этнолингвистика рассматривается как комплексная дисциплина, изучающая с помощью лингвистических методов «план» содержания культуры, народной психологии и мифологии независимо от способов их формального представления (слово, предмет, обряд и т. п.). Как самостоятельное направление этнолингвистика зародилась в недрах этнографии на рубеже XIX – XX вв., получив широкое развитие в языкознании США с 70-х гг. XIX в. в связи с интенсивным изучением индейских племён. Наиболее яркие представители этого направления, именуемого в американской лингвистике также “антрополингвистикой”, или “этносемантикой”: Ф. Боас, Б. Л. Уорф, Э. Сепир, Д. Х. Хаймс и др.» [Словарь социолингвистических терминов 2006, С. 250].

Одной из наиболее ярких этнолингвистических школ в восточнославянском языкознании считается этнолингвистическая школа Н. И. Толстого и С. М. Толстой, ориентирующая исследователя «на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции» [Толстой 1995, С. 182].

Этнолингвистика сосредоточивает основное внимание на соотнесённости различных по характеру и способам выражения знаков народной культуры со

знаками языка; подобные проблемы рассматриваются в работах как отечественных (Е. Л. Березович [Березович 2007], Е. Е. Левкиевской [Левкиевская 2002], С. Ю. Неклюдова [Неклюдов 2010], М. С. Ясинской [Ясинская 2011] и др.), так и зарубежных лингвистов (Bartmiński [Bartmiński 1988, 1996]; Foley [Foley 1997]; Kardela [Kardela 1988]; Pietrzyk [Pietrzyk 2005]; Święcicka [Święcicka 2006]; Tokarski [Tokarski 1995] и др.).

Лингвокультурология, в отличие от этнолингвистики, преимущественно сосредоточившейся на реконструкции по данным языка и культуры обрядового или бытового поведения, мифологических представлений и мифологического творчества в их диахроническом движении, изучает взаимодействие языка и культуры «в диапазоне культурно-национального самосознания и его языковой презентации» [Словарь лингвокультурологических терминов 2017, С. 98].

Один из новейших лингвокультурологических источников – «Словарь лингвокультурологических терминов», составленный М. Л. Ковшовой и Д. Б. Гудковым [Словарь лингвокультурологических терминов 2017], предлагает следующее определение для этого научного направления в языкознании: «Направление в лингвистике, изучающее взаимодействие двух семиотических областей – языка и культуры, которые понимаются как формы сознания, отражающие мировоззрение человека, и описываются в синтезе как целостный феномен. В центре внимания лингвокультурологии находится язык, конструирующий ментальность человека, в том числе его культурное самосознание» [Словарь лингвокультурологических терминов 2017, С. 96].

Обнаруживаются отличия лингвокультурологии и от других пограничных направлений – в частности, **контрастивного** и **лингвострановедческого** подходов, устанавливающих и описывающих различия в компонентном составе разноязычных единиц и фиксации этимологической, исторической и иного рода информации.

В отличие от них лингвокультурология исследует национальный менталитет, явленный в образах мира и запечатлённый в языковых знаках. Лингвокультурология тесно сближается и с **когнитивной лингвистикой**, однако

определённым образом выходит за пределы основной цели этой науки (исследовать следы мыслительных процессов в языке) в область изучения взаимодействия «языковой и культурной компетенции носителей языка как акторов речемыслительных процессов» [Телия 2004, С. 9].

По справедливому, на наш взгляд, мнению М. Л. Ковшовой и Д. Б. Гудкова, «лингвокультурология соответствует статусу общего языкознания в системе наук о языке; суть лингвокультурологии – это философия языка и культуры» [Словарь лингвокультурологических терминов 2017, С. 99].

Основными задачами лингвокультурологии, таким образом, являются изучение и описание **взаимоотношений** языка и культуры, языка и народного менталитета.

Появление в научной парадигме нового научного направления – **лингвокультурологии** – закономерно способствовало введению в научный оборот ряда терминов, раньше или вообще не употреблявшихся в научной сфере (как, например, **лингвокультурологический анализ**), или использовавшихся в других научных сферах соответственно с несколько иным значением (к примеру, **культурная информация**), или не имевших сколько-нибудь очерченного научного содержания (**слои культуры, текст культуры** и др.).

Лингвокультурологию, по мнению большинства специалистов, можно считать сложившимся направлением, поскольку в современных исследованиях **систематически** используются лингвокультурологические методы эмпирического и теоретического исследования в области языка и культуры. «<…> сравнительно молодое направление – лингвокультурология. Одной из задач этой междисциплинарной области является изучение механизмов воплощения и межпоколенной трансляции стереотипов национального мировидения в обыденном сознании, а также поэтапная реконструкция культурных установок и характерологических черт менталитета народа – носителя языка. <…> лингвокультурологический анализ позволяет реконструировать и описать коллективные представления об идеале и антиидеале мужчины и женщины,

закреплённые в самосознании народа – носителя языка и культуры» [Малишевская 1999, С. 181].

Активное распространение лингвокультурологического подхода в современной лингвистике стимулирует создание общей теоретико-методологической базы и исследовательского «инструментария» лингвокультурологии, как общенаучных, так и частнонаучных (используемых в отдельных парадигмах) понятий с акцентированием «существенных для лингвокультурологии содержательных аспектов: культурная семантика; *культурная коннотация; код культуры; установки культуры; концептосфера культуры* и др. Современный этап для лингвокультурологии – этап **продолжающегося самоопределения** в отношении объекта, предмета исследования, метаязыка, исследовательских методов» (выделено мною. – Х. Ч.) [Словарь лингвокультурологических терминов 2017, С. 100].

Среди терминов, входящих в фонд обозначений понятий и категорий лингвокультурологии, следующие: ***лингвокультура***; ***лингвокультурологический подход*** и / или ***лингвокультурологический анализ***; ***культурная информация***; ***культурно значимая информация***; ***культурные пресуппозиции***; ***культурный компонент***; ***культурные смыслы***; ***культурные семы; культурно значимые смыслы***; ***культурно-языковые смыслы*** (***смысловые оттенки***); ***культурный концепт***; ***культурные импликатуры***; ***культурный фон***; ***культурная коннотация***; ***пласты культуры***; ***установки культуры*** и ряд других.

Остановимся на характеристике некоторых из приведённых терминов, имеющих принципиальное значение для выполняемого исследования.

В лингвокультурологических исследованиях абсолютно логично и весьма активно используется понятие «лингвокультура», введённое в научный дискурс В. В. Красных. В трактовке этой исследовательницы, «**лингвокультура** предстаёт как культура оязыковлённая, овнешнённая и закреплённая в знаках языка и явленная нам в языковых процессах. По сути своей она есть феномен лингвокогнитивный, формируемый не языковыми единицами, но в первую очередь образами сознания в их вербальных, так сказать, одеждах. Иначе говоря,

при изучении **лингвокультуры** (и в этом отличие от языковой картины мира) акцент смещается – и это принципиально важно – с языка, овнешняющего образы, на образы, овнешняемые в языке. Или, другими словами: с означающего – на означаемое <…>. На пространстве **лингвокультуры** язык выполняет функцию означающего, а в роли означаемого выступают культуроносные смыслы, образы культуры, сама культура» [Красных 2013, С. 59 – 60]. Следует отметить, что *лингвокультура* как крайне важное для лингвокультурологии понятие продолжает осмысливаться в работах представителей этого научного направления, ср., например: «1. Если культура – первоначально обработка и уход за землёй, с тем чтобы сделать её пригодной для удовлетворения человеческих потребностей, то **лингвокультура** – «обработка» внешнего мира с помощью языка, чтобы сделать этот мир пригодным для коммуникации, сообщения. 2. Если культура – это образ, которому следует общество, способ жизни человека, то **лингвокультура** – это обусловленный жизнедеятельностью и зафиксированный в языке способ «говорения», сообщения о мире и о себе в этом мире» [Фурашова 2016, С. 283].

Появление лингвокультурологии закономерным образом актуализировало проблему выработки этой наукой собственного научного подхода к анализу языковых явлений и процессов в связи с аспектами их рассмотрения в рамках данного научного направления – **лингвокультурологического подхода** (**лингвокультурологического анализа**). В широком смысле таковыми считаются самые разнообразные подходы и аспекты изучения *в области языка и культуры* «по тематике и методам исследования языка и культуры **лингвокультурология** представляет собой в настоящее время «многоликое» научное направление; исследование осуществляется в рамках семинаров и проблемных групп, на базе которых постепенно складываются научные школы. Так, целенаправленно разрабатываются методы, ориентированные на максимальную экспликацию процессов, которые происходят в сознании субъекта языка и культуры (Д. Б. Гудков, И. В. Зыкова, С. В. Кабакова, М. Л. Ковшова и др.)» [Словарь лингвокультурологических терминов 2017, С. 100].

Лингвокультурологический подход активно применяется исследователями при рассмотрении отдельных групп языковых единиц разнообразного свойства, функционирующих на различных уровнях языковой системы, ср., например: «Лингвокультурологический аспект является наименее разработанным в описании субстандартной фразеологии, в то время как в целом отечественной лингвистикой накоплен богатый опыт изучения и описания этнокультурного фона русской фразеологии. На уровне диахронии – это исследование слов-символов в роли компонентов фразеологических единиц (ФЕ) <…>, комментирование безэквивалентной и фоновой лексики в составе ФЕ, а также фонового и безэквивалентного прототипа в целом. Имеется и словарное воплощение концепции лингвокультурологического комментирования ФЕ» [Мокиенко 1999, с. 80]; «при лингвокультурологическом подходе разделение на живые и мёртвые метафоры – условность. Например, *тоска охватила* (мёртвая метафора) и *тоска напала, душит, давит, сосёт…* (живые метафоры) выстраивают общий ряд, дающий описание персонифицированного чувства в ситуации его нападения на человека» [Брагина 1999, С. 132] и т. д.

При этом одной из актуальных задач для исследователей-лингвокультурологов остаётся *уточнение аспектов* лингвокультурологического анализа в проекции на аспекты исследования других лингвистических направлений, например, анализа этимологического: «Лингвокультурологический анализ не совпадает с этимологическим. Его задачей является **не установление происхождения языковой единицы**, но попытка **определить условия формирования культурного конструкта**» (выделено мною. – Х. Ч.) [Брагина 1999, С. 133].

Не менее актуальным является и осознание задач лингвокультурологического направления в связи с выдвинутой на ведущие позиции (прежде всего – в связи с очевидным антропоцентризмом современного этапа развития языкознания) категории «языковая личность», концентрирующей в себе наиболее актуальные для новейшего научного знания аспекты. Так, В. Н. Телия полагает, что центральной фигурой в лингвокультурологии является

«полифонический носитель языка, находящийся как бы “внутри” используемых им когнитивно-языковых систем, интерпретативной переработки, концептуализации и лингвокреативной <…> обработки информации, принадлежащей предметной области культуры, но воплощённой в форме языковых знаков» [Телия 2004-б, С. 27]. При этом именно лингвокультурологический подход к изучению человека говорящего, по мнению ряда учёных, может оказаться особенно плодотворным при осмыслении означенного феномена, ср., в частности: «В условиях полипарадигмального состояния лингвистики с её основополагающими принципами – антропоцентризмом, функционализмом, экспансионизмом и экспланаторностью <…> лингвокультурологический подход, учитывающий роль говорящего человека в познании окружающей действительности (с её этнически самобытной культурой) и в формировании языковой картины мира, оказался особенно плодотворным» [Шулежкова 2003, С. 377].

Лингвокультурологический подход реализуется в ряде исследовательских операций, среди которых **лингвокультурологический** и **культурологический комментарий** и **культурологическое** и культурное комментирование, во многом пересекающихся, отчасти дополняющих друг друга и в то же время обладающих некоторыми отличиями.

Культурологический комментарий имеет своей базой языковую и культурную компетенцию осуществляющих его субъектов и «являет собой попытку вжиться в процесс референции языкового знака к предметной области культуры» [Словарь лингвокультурологических терминов 2017, С. 86]. Впервые культурологическим комментарием были сопровождены базовые единицы русской лингвокультуры, входящие в словарь «Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь» (2004). Каждая словарная статья этого лексикографического источника, описывающая конкретный лингвокультурный феномен, содержит «очень краткую «энциклопедическую» информацию о бытовании данного феномена в традиционной народной культуре, об

упоминаниях его в Библейских текстах; о событиях, связанных с персонажем, и под.» [Русское культурное пространство 2004, С. 45].

В настоящее время культурологический комментарий включается и в некоторые другие типы лингвистических словарей, составители которых уделяют особое внимание содержащейся в описываемых языковых единицах культурной информации. Так, в «Большом фразеологическом словаре русского языка» (2006) культурологический комментарий, который базируется на характере операций, совершающихся при функционировании фразеологизмов в речи, выделен в словарной статье в особую зону и состоит из сведений о: соотнесённости образа фразеологизма в целом или отдельных его компонентов с древнейшими пластами культуры: архетипических противопоставлений; мифологических представлениях о мироустройстве; конкретных текстов мифов; ритуалах; библейских слоях культуры; соотнесённости образа фразеологизма в целом или отдельных его компонентов с фольклорно-литературными источниками; соотнесённости образа фразеологизма в целом или отдельных его компонентов с кодами культуры; соотнесённости образа фразеологизма в целом или отдельных его компонентов с видами тропов; соотнесённости образа фразеологизма в целом или отдельных его компонентов с «языком культуры», т. е. указание на ту роль, которую выполняет образ фразеологизма в целом или отдельных его компонентов как знаки языка культуры» [Большой фразеологический словарь русского языка 2006, С. 772]. Перечисленные «шаги», составляющие культурологический комментарий, отвечают в данном случае задачам *активного словаря нового типа*, к которому принадлежит упомянутый источник; при этом означенные позиции являются практически первым опытом в структурировании описания подобного рода, акцентируя внимание на основных аспектах культурологического комментирования: культурологический комментарий позволяет показать, как «вплетается в языковую семантику создаваемая в ходе интерпретации семантика культурная, как это складывает в целом семантику языкового знака и влияет на его стилистический и оценочный компоненты» [Словарь лингвокультурологических терминов 2017, С. 86]. Культурологический

комментарий продолжает разрабатываться, в связи с этим «культурный компонент в языке требует отдельного описания, которое может осуществляться параллельно семантическому. Формой его интерпретации может стать культурный комментарий» [Брагина 2007, С. 327].

Лингвокультурологический комментарий закономерным образом вытекает из комментария культурологического. В настоящее время эта форма лингвокультурологического анализа наиболее детально и глубоко разработана применительно к фразеологическим единицам, представляющим для лингвокультурологии, по мнению ряда исследователей, наибольший интерес. Ср. ряд высказываний по данному поводу: «Ход изложения в **лингвокультурологическом комментарии** соотносится с моделью культурной интерпретации фразеологизма и придерживается тех «блоков» коннотации, которые были выведены ранее – «мифологического», «научно-познавательного» и «наивного». Предлагаемый <…> принцип описания фразеологизмов – их **лингвокультурологический комментарий** – позволяет «развернуть» текст языковой и культурной семантики фразеологизма, создать его «прочтение» [Ковшова 2012, С. 160 – 161]; «На чём строится **лингвокультурологический комментарий** фразеологизмов? <…> Этот алгоритм включает в основном четыре шага: 1) обрисовка образа фразеологизма; 2) соотнесение образа фразеологизма с определённым пластом культуры (мифологическим, архетипическим, библейским, фольклорным, художественным, бытовым); 3) (антропным, соматическим, зооморфным, временным, природным, ландшафтным и т. п.); 4) раскрытие тропов (метафоры, метонимии, синекдохи и т. п.), скрепляющих образ и выводное (современное) значение» [Зимин 2012, С. 47 – 48]; «Состав **культурного комментария** включает в себя три операции: этимологию фразеологизма, лингвострановедческий комментарий и собственно **культурологический комментарий**. <…> Этимология необходима тогда, когда без неё невозможно установить культурное содержание фразеологизма в связи с «затемнённостью» значений слов-компонентов или фразеологизма в целом. <…> Отличительной чертой лингвострановедческого анализа является то, что

объяснению подлежат, как правило, сами факты жизни <…> бытовые реалии, обычаи, исторические события, социальные отношения и т. п. <…> Алгоритм **культурного комментария** <…> а) описание образа фразеологизма; б) соотнесённость образа фразеологизма с определённым пластом культуры; в) соотнесённость образа фразеологизма с определённым кодом культуры; г) тропеические механизмы <…>; д) определение концептуальной роли всего фразеологизма или его компонентов как знаков культуры: символов, эталонов, стереотипов и т. п.» [Нгуен Тхань Ха 2016, С. 14 – 19].

Ряд лингвокультурологических терминов призван обозначить ту информацию, которая содержится в языковых единицах изначально или же формируется в процессе их функционирования в различных коммуникативно-речевых ситуациях (причём как в индивидуальных, так и в коллективных) и сосуществует с семантическим объёмом и другими признаками (грамматическими и т. д.). Для этих целей чаще всего используются термины: ***культурная информация*** (***культурно значимая информация***); ***культурные смыслы***; ***культурно значимые смыслы***; ***культурные семы***; ***культурная коннотация*** и некоторые другие, – которые могут в определённых случаях синонимизироваться.

Приведённый терминологический ряд имеет для нашего исследования, предполагающего анализ с лингвокультурологических позиций лексемы *сердце* и соответственно выявление в анализируемой языковой единице информации культурного свойства, важное значение, в связи с чем целесообразно остановиться на трактовке этих научных понятий более подробно.

Феномен **культурная информация**, на выявление которой в той или иной мере всегда нацелен анализ языковых фактов и явлений, осуществляемый с лингвокультурологических позиций, в настоящее время не имеет чёткого научного определения, хотя принадлежит к числу наиболее употребляемых в работах исследователей-лингвокультурологов и всех специалистов, рассматривающих в своих работах взаимоотношения языка и культуры: «Направленность лингвокультурологии на изучение языка «в действии» ориентирует не столько на понятие культурной семантики, сколько на понятие

культурной информации» [Словарь лингвокультурологических терминов 2017, С. 55]. Представители лингвокультурологического направления в своих работах в том числе прослеживают истоки формирования и накопления языком культурной информации, предопределяющие в известной степени формы её присутствия в единицах языка: « <…> основные типы **культурной информации** образуются вследствие соответствующих форм переживания и осмысления человеком мира – эмоционально-чувственного, душевного и эстетического переживания; архетипического, мифологического, религиозного, философского и научного осмысления. Эти формы переживания и осмысления мира являются, однако, не только источниками культурной информации, они определяют её организацию во фразеологических знаках, создавая соответствующие информационные слои (или пласты) культуры в их глубинном содержании» [Зыкова 2015, С. 218].

О культурной информации чаще всего упоминается в работах, посвящённых анализу наиболее «культуроносных» языковых единиц – в частности, лексических единиц и фразеологизмов – ср., например: «<…> национально-культурное своеобразие языка проявляется в его лексике и фразеологии, имплицитно или эксплицитно представляющих **культурную информацию** о носителях данного языка, об их мировидении и мировосприятии <…> это социокультурные сведения, характерные лишь для определённой нации или национальности, освоенные массой их представителей и отражённые в языке данной национальной общности, особенности её географической среды, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия и др.» [Ковшова 2016, С. 382]; «Восприятие и употребление лексических номинаций головных уборов и отдельных метафор может сопровождаться актуализацией культурно-исторической информации, вызываемой в памяти и создающей фон, на котором воспринимается языковой знак. Отдельные лексические номинации головных уборов и отдельные лексические «шляпные» метафоры обладают ценностно-прескриптивной информацией, которая активно «достраивает» языковое значение на правах культурной коннотации. Но есть и особо насыщенные знаки языка – идиомы и паремии, которые словно и

существуют для передачи всех планов культурной информации, для трансляции культурно значимого ценностного её содержания» [Ковшова 2016, С. 35].

Согласно Е. Г. Беляевской, «носителем **культурной информации** является внутренняя форма языка – система концептуальных структур, лежащих в основе семантики языковых единиц, фразеологизмов, грамматических конструкций, а также высказываний, обслуживающих типовые коммуникативные ситуации» [Беляевская 2010, С. 38]. М. Л. Ковшова, в свою очередь, утверждает, что «**культурная информация** в разных её планах или включена в семантику языковых единиц как первооснова их возникновения, или составляет фон знаний для восприятия семантики, или «достраивается» к языковому значению в виде культурной коннотации. <…> хранение культурной информации в языке и её извлечение из языковых знаков при их восприятии и употреблении служит самоидентификации человека: 1) с означенными в языке путями моделирования мира как способа его познания (проявляется идентичность в мировидении); 2) с окультуренными представлениями о мире (проявляется идентичность в миропонимании); 3) с тем, что было выделено в процессах самопознания как ценность (проявляется идентичность в мировоззрении)» [Ковшова 2016, С. 35].

Особо следует отметить продуктивность оперирования понятием **культурная информация** при выявлении лингвокультурной специфики того или иного языка, что входит в число приоритетных задач лингвокультурологического направления, ср., например, размышления исследователей о различном осмыслении понятии *комфорт* в русской и английской лингвокультурах: «<…> состояние комфорта в русском языковом сознании в большей мере направлено на удовлетворение ощущения собственного покоя и умиротворения, в то время как в сознании носителей английской культуры оно реализуется при создании подобных условий для другого. Не в меньшей мере «семантическую плотность» **культурной информации**, содержащейся в лингвокультуреме *comfort,* определяет описание синтагматических и парадигматических связей данной лексемы в системе языковых отношений. The Rendom House Dictionary of English

Language выделяет в лексеме *comfort* 9 значений, а Словарь русского языка С. И. Ожегова – 1» [Столбовая 2010, С. 137].

Исследователи-лингвокультурологи (Т. Б. Радбиль и другие) обосновывают в своих работах существование **нескольких типов** культурной информации (преимущественно речь идёт об информации имплицитного свойства), иначе говоря наличие ряда форм, в которых свойственная языковым единицам культурная семантика может присутствовать. Так, тип культурной информации, имплицирующий «область знания о мире (концептуальных структур, лежащих в основе семантики языковых единиц, концептуальной системы, смыслообразовательного фонда, концептосферы, ментальности этноса)» [Словарь лингвокультурологических терминов 2017, С. 100] находит своё выражение в **культурных пресуппозициях** и **культурных смыслах.**

Под **культурной пресуппозицией** в лингвокультурологии понимают не высказанное прямо (невербализованное) суждение, которое полагается «по умолчанию» как общеизвестное или безусловно истинное, выступая основным условием осмысленности всего высказывания, т. е. своего рода «базой» для его понимания» [Падучева 1996 ;Шеина 2009, С. 17; Волобуева 2007, С. 147].

Понятие **культурные смыслы** – терминологическая номинация одной из форм проявления результатов взаимодействия языка и культуры – тесно связано с понятием **культурного компонента**: по мнению большинства исследователей, именно в культурном компоненте языкового знака проявляются свойственные последнему культурные смыслы. Культурный компонент, в свою очередь, является гетерогенной структурой, включающей как минимум **культурные семы, культурные коннотации, контексты культуры** и **культурные концепты**: «1) **культурные семы**, т. е. культурно маркированные смыслы, входящие в денотативный аспект значения, обозначающего идиоэтнические реалии (вся безэквивалентная лексика, социально маркированные реалии), которые являются предметом рассмотрения; 2) **культурные концепты**, значения которых – итог идиоэтнической концептуализации культурно значимых непредметных сущностей; 3) **культурный фон** – не входящие в собственно значение культурно

маркированные ассоциации, проявляющиеся в дискурсе; 4) **культурные коннотации** – интерпретация языкового знака на основе ассоциаций с эталонами, стереотипами и т. п. прототипами языка культуры» [Телия 1994, С. 14 – 15].

При проведении лингвокультурологических исследований каждый из приведённых таксонов дополнительно разрабатывается, уточняется, трансформируется и т. д. в том или ином конкретном случае применительно к изучаемому материалу. Так, в частности, согласно М. Л. Ковшовой, при выявлении культурных смыслов фразеологических единиц «**культурная интерпретация** соединяет в единое целое **языковую семантику** и **культурную коннотацию** фразеологизма; в собственно языковую семантику «вплетаются» **культурные смыслы**, и образуется особенное, фразеологическое значение, которое мы **предлагаем назвать культурно-языковым значением**» (выделено мною. – Х. Ч.) [Ковшова 2012, С. 69].

Формы воплощения культурной информации в конкретных лингвокультурных образованиях (единицах языка и т. д.) могут по-разному выстраиваться иерархически в зависимости от характера этой инфомации, своеобразия её оформления в анализируемом феномене. Например, для имплицитной культурной информации, имплицирующей область коммуникативно-речевого взаимодействия, что выражается в определённых коммуникационных моделях, и содержащей «мотивационно-прагматическую сферу этноса (национальный характер)», актуальна такая форма воплощения, как **культурные импликатуры дискурса**. «**Культурные импликатуры дискурса** выводятся адресатом из общих законов общения, т. е. из предположения о том, что говорящий, порождая своё высказывание, соблюдает принцип кооперации, принцип вежливости и постулаты речевого общения. Импликатуры дискурса (*conversational implicatures*) впервые выделены Г. П. Грайсом: это выводы, которые делаются адресатом из слов говорящего в предположении о соблюдении им принципов коммуникативного сотрудничества» [Словарь лингвокультурологических терминов 2017, С. 58].

Для «имплицитной **культурной информации** недифференцированного, комплексного и синкретичного характера, ассоциативной области» [Словарь лингвокультурологических терминов 2017, С. 58] более адекватной формой выражения содержащейся культурной информации является, по мнению ряда исследователей, **культурный фон**. **Культурный фон**, по определению Т. Б. Радбиля, «синкретичное, слабо рефлектируемое и не формализуемое содержание ассоциативной природы, некая смысловая тональность высказываний и дискурса в целом» [Радбиль 2016, С. 23]; В. Н. Телия трактует этот феномен как «не входящие в собственно значение культурно маркированные ассоциации, проявляющиеся в дискурсе» [Телия 1994, С. 14].

Для нашего исследования определённую значимость имеют все перечисленные и ряд других форм фиксации культурной информации в фактах, явлениях и процессах языка при его взаимодействии с культурой, однако одним из наиболее важных и исследовательски востребованных представляется понятийная категория **культурная коннотация**, в которой культурная информация зачастую и находит своё выражение.

Поскольку понятие **культурная коннотация** – одно из основных понятий лингвокультурологии – возникло в ходе развития научных представлений о **коннотации** в принципе, целесообразно, с нашей точки зрения, подобнее остановиться на истории формирования и развития последнего в научном обороте. Понятие коннотации, возникнув в схоластической логике, в языкознание пришло в XVII веке через грамматику Пор-Рояля («Всеобщая рациональная грамматика» Арно и Лансло) и использовалось для обозначения свойств (*акциденций*) в отличие от *субстанций*. Второе лингвистическое «рождение» данное понятие получает в английской лексикографии середины XIX века [подробнее см. Апресян 1995]; с конца же XIX века в лингвистике термином «коннотация» стали обозначать практически все эмотивно окрашенные элементы содержания языковых знаков, соотносимые с прагматическим аспектом речи (Л. Блумфилд). В исследованиях по логике и философии языка понятие коннотации как одной из составляющих понятийное содержание (*концепт,*

коннотация, сигнификат) имён нарицательных *(коннотативных, соозначающих*) в их противопоставлении именам собственным (неконнотативным) описывается в теории семантического дуализма имён Дж. Ст. Милля.

Дальнейшее развитие и переосмысление в плане соотношения значения и обозначения и получило в теории референции (работы Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой и др.). Чаще всего в языкознании коннотацию понимают как со-значения, возникающие при употреблении выражения и восполняющие недостаточность смысла данного выражения; считается, что коннотации возникают на фоновом контексте и способствуют интерпретации. Коннотации тесно связаны с функционированием языка, поскольку обусловливаются употреблением, в связи с чем их понимание зависит от компетенции носителя языка.

Коннотации мыслятся, таким образом, как разного рода субъективные наслоения, в значительной степени обусловленные контекстом, обладающие своего рода «психической» структурой (аналогично ассоциативному комплексу и т. п). Субъективная природа коннотаций подчёркивается при дифференциации коннотаций, закреплённых в языковом коллективе (общеязыковых), и индивидуальных – тех, которые вряд ли можно считать широко распространёнными в обществе. Ю. Д. Апресян определяет коннотации как «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности; они не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него» [Апресян 1995, С. 159].

По мнению большинства учёных, коннотации, с одной стороны, не противопоставляются понятийному содержанию слова, с другой – не относятся к лексическому значению, ср., например, мнение И. М. Кобозевой, понимающей под коннотациями «совокупность закреплённых в культуре семантических ассоциаций» [Кобозева 2000, С. 92]; лексическое значение при этом трактуется как сложная, даже избыточная структура, включающая в себя не только

понятийное содержание, но и весь запас лингвистических и экстралингвистических сведений, ассоциаций, смутных как будто бы априорных представлений и всех «добавочных смыслов», называемых коннотациями [Скляревская 2004].

Термин **культурная коннотация** в качестве научного понятия впервые введен В. Н. Телия, которая определяет этот феномен как «узуальное воплощение культурной интерпретации в значение языковой сущности» [Телия 1994, С. 15]; как интерпретацию языкового знака в «ценностно осмысленных установках культуры, т. е. ментальных прескрипциях, оценивающих социальные и духовные практики человека» [Телия 2004-б, С. 27]; как «результат интерпретативно-концептуализирующего соотнесения естественно-языковой семантики с различными слоями области констант культуры: с культурными концептами, символами, ритуалами, мифологемами, эталонами, стереотипными представлениями и т. п., воплощёнными в форму содержания и/или форму выражения двусторонних языковых сущностей» [Большой фразеологический словарь русского языка 2006, С. 27]. Осмыслению и подробной интерпретации этого лингвокультурологического термина к настоящему моменту посвящён целый ряд работ как отечественных, так и зарубежных исследователей. Так, в частности, термин культурная коннотация разносторонне и подробно рассматривается в работах Н. Г. Брагиной [Брагина 1999; 2007-а; 2007-б; 2016], где находим развёрнутое и многоплановое его толкование: «В широком смысле **культурная коннотация** – это языковая функция памяти. Она обусловливает узнавание (общий культурный код настоящего) и припоминание (общий культурный код прошлого) слов, словосочетаний в их отношении к определённому типу дискурса. <…> **Культурная коннотация** также выполняет функцию хранения. Выражение может быть десемантизировано, но при этом сохранять свою целостность и неделимость за счёт культурной коннотации. <…> **Культурные коннотации** в большинстве своём есть область имплицитных конвенциональных знаний. <…> **Культурные коннотации**, относимые к области «имплицитного конвенционального», позволяют не только прояснить позицию

говорящего (культурное узнавание) и снять «культурную глухоту» в ситуации межкультурного общения (культурная переводимость), но также продвинуться в описании коллективной культурной идентичности» [Брагина 2007, С. 332 – 333].

Подытоживая все имеющиеся на сегодня точки зрения на понятие культурная коннотация, «Словарь лингвокультурологических терминов» (2017) обобщает их в следующем определении этого важного для лингвокультурологии понятия: **культурная коннотация** – «результат интерпретации языкового знака в пространстве культурного знания; интерпретация всех аспектов лексического и грамматического значения языкового знака в категориях культуры. Особый категориальный компонент значения, через который выражается культурная информация, форма воплощения культуры в языковом знаке» [Словарь лингвокультурологических терминов 2017, С. 55].

Очевидно, что культурная коннотация, имеющая отчётливо выраженную субъективную природу, в значительной степени зависит от **компетенций** носителя языка и культуры (лингвокультуры), поскольку проявляется как часть значения в ходе активации носителем языка культурного знания (сказанное, впрочем, справедливо и по отношению к другим формам воплощения информации, определяемой как культурная либо культурно значимая): «Культурная коннотация проявляется при дифференциации когнитивно релевантных, закреплённых в культурно-языковом сознании и когнитивно нерелевантных коннотаций. Информационная насыщенность культурной коннотации **возможна при наличии у носителя языка разных типов культурного знания**. Культурная коннотация является связующим звеном между значением единиц естественного языка и культурной семантикой знаков «языка» культуры» [Словарь лингвокультурологических терминов 2017, С. 55 – 56].

1. 2. Языковая картина мира как отражение национально-культурного своеобразия языка

Связь языка, культуры и этноса в настоящее время для представителей различных гуманитарных (и не только) областей является абсолютно бесспорной, хотя конкретные формы этой связи нередко понимаются весьма различно. На современном этапе лингвистических исследований стало очевидным, что исследование только формальной структуры языка (в рамках структурно-семантической и других традиционных парадигм) и его коммуникативной функции ограничивает реальное место языка в процессе культуросозидания. Именно в первую очередь по этой причине наряду с сохранением прежних аспектов исследования языкового организма современная лингвистика предлагает и качественно иной подход к изучению языка, необходимый для выяснения части его практически не исследованных сущностных характеристик, – подход, сосредоточенный на **изучении языка не только как средства общения**, но, прежде всего, как **неотъемлемого компонента культуры** того или иного **этноса.**

В новейших лингвистических изысканиях всё отчётливее ощущается перенос акцента с изучения языка в себе и для себя на исследования проявления человека в языке, обусловленный тем, что «общим местом современной лингвистики является мысль, что **понять природу можно лишь на основе изучения человека и его картины мира в целом**» (выделено мною. – Х. Ч.) [Рузин 1996, С. 39].

Однако подобного рода – отчётливо выраженный *антропоцентрический* – подход (или как минимум – *элементы* такого подхода) в определённой степени был присущ уже сравнительно-историческому языкознанию, проявляясь, к примеру, в работах уже упоминаемого В. фон Гумбольдта, Я. Гримма и других учёных первой половины XIX века, позднее – в трудах Ф. И. Буслаева и А. А. Потебни и их единомышленников, во многих работах по истории языка в XX столетии (в частности, в этимологических изысканиях О. Н. Трубачева). Все перечисленные и многие другие языковеды так или иначе отражали в своих

работах и принцип *антропоцентризма*, который в лингвистике проявляется в первую очередь в том, что «научные объекты изучаются, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и её усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчёта в анализе тех или иных явлений, что он вовлечён в этот анализ, определяя его перспективы, конечные цели. Это связано тем, что «язык создан по мерке человека и этот масштаб запечатлён в самой организации языка, в соответствии с ним язык и должен изучаться». Поэтому в своём главном стволе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке, наукой гуманитарной, словом, такой, какой мы её находим в книге Бенвениста» [Степанов 1985, С. 15].

Положение, сформулированное Ю. С. Степановым, перекликается с оригинальным утверждением самого Э. Бенвениста о том, что «можно говорить по существу о наличии у языка не одной, а нескольких структур, каждая из которых могла бы послужить основанием для возникновения целостной лингвистики» [Бенвенист 1974, С. 45]. И, в самом деле, приняв за основу мнение Э. Бенвениста, можно допустить, что разные «структуры» на современном этапе развития языкознания реализовались в различных направлениях новой парадигмы в лингвистике, став соответственно основой для **когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, коммуникативной лингвистики** и других новейших направлений изучения языка. О взаимодействии различных ментально-языковых структур размышляет Е. Бартминьский, приходя к следующим выводам: «Описание мира языковых значений не есть описание мира действительного. Это лишь описание языковой интерпретации объективного мира или даже воображаемых (интенциональных) миров, создаваемых говорящим. Коротко говоря, это описание мира “ментальных предметов”. <…> Значения как ментальные предметы (находящиеся в отношении интерпретации либо “проекции” к предметам действительности) суть составляющие **языкового образа мира**, закреплённого в культуре. <…> Главная цель когнитивной дефиниции – ответить на вопрос о способе восприятия мира говорящим на

данном языке, т. е. о закреплённом в обществе и доступном изучению через язык и употребление языка способе познания мира, категоризации его явлений, их характеристиках и оценках» [Бартминьский 2005, С. 26, 55].

Следует отметить, что качественное отличие антропоцентрического подхода от предшествующих состоит прежде всего в том, что он отводит носителю языка – человеку – роль **не пассивного референта** языковых выражений, а прежде всего **активного** их **интерпретатора**; не просто обладателя языка, а прежде и важнее всего – **носителя определённой концептуальной системы**, на основе которой он понимает язык, познаёт мир и осуществляет разного рода коммуникацию с другими носителями языка.

Исходя из изложенного, одной из основных задач антропологической лингвистики становится описание **картины мира** – феномена, понимание которого в настоящее время не совсем неоднозначно и квалифицируется с помощью различных терминов, среди которых *языковой промежуточный мир, концептуальная система, концептосфера, языковая репрезентация мира* и т. д. Наиболее употребительный термин – *картина мира* – также понимается по-разному, например: *картина мира*, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина; *картина мира* – это исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства в понимании её носителей, являющийся результатом всей духовной активности человека; «картина мира – результат переработки информации о среде и человеке» [Цивьян 1990, С. 5]; *картина мира* (в связи с понятием «языковая личность») – «результат взаимодействия системы ценностей человека с его жизненными ценностями, мотивами поведения и проявляется в текстах, создаваемых данным человеком» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2006, С. 660] и множество других определений, используемых сегодня в научной лингвистической практике.

Безусловно, национальная специфика компонентов духовной культуры не исчерпывается теми чертами, которые обусловлены языковым способом выражения. Однако, будучи существенным компонентом духовной культуры,

язык занимает в ней особое место, выступая необходимым условием становления, развития и функционирования других компонентов культуры, тем самым выполняя важную роль в осуществлении преемственности в развитии духовной культуры. Механизмы же преемственности и развития духовной культуры при участии языка можно объяснить посредством анализа отраженной в том или ином языке картины мира. На современном этапе гуманитарного знания под **картиной мира** в принципе понимают исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании её носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека.

Вне зависимости от конкретной дефиниции понятия «картина мира», её содержание предполагает два обязательных компонента:

а) видение и степень знания мира;

б) познавательную и духовную активность человека.

И первое, и второе, объединённые вместе, складываются в картину мира. Каждая цивилизация, социальная система характеризуется своим особым способом восприятия мира. Картина мира содержит нечто общее у людей различных социальных, возрастных групп, разных социальных систем и в то же время её элементы, свойственные видению мира всего коллектива носителей данного языка; при этом и носители разных языков могут иметь интегральное/ дифференциальное видение мира. В зависимости от задач того или иного научного направления, оперирующего понятием «картина мира», разграничивают целый ряд его вариантов. Так, под *концептуальной картиной мира* понимается «то, каким себе рисует мир человек в своём воображении, – феномен более сложный, чем языковая картина мира, т. е. та часть концептуального мира человека, которая имеет привязку к языку и переложена через языковые формы» [Кубрякова 1988, С. 142].

Выявляя соотношение между языковой и концептуальной картинами мира, Е. С. Кубрякова отмечает, что за каждой единицей языка, и прежде всего словом, «стоит существенный пласт знаний <…> такие знания могут представлять собой

знания о концептах объектов, о концептах событий или классов ситуаций и, наконец, о таких концептах, которые соответствуют представлению о последовательности событий» [Кубрякова 1992, С. 25].

Основой концептуальной картины мира, таким образом, является комплекс знаний субъекта речи (носителя определённого языка и соответственно лингвокультуры) о мире; присутствующие в сознании субъекта речи знания эксплицируются в первую очередь через семантический объём значения слова (его существенные и дифференциальные семы) или же присутствуют имплицитно, в потенциальном виде.

Каждый естественный язык отражает определённый способ концептуализации мира, и основные концепты складываются в концептосферу, картину мира. Само понятие «концепт», широко используемое в современной лингвистике, ещё не нашло общепринятой дефиниции. Так, В. А. Маслова приводит множество определений указанной единицы с одновременным анализом содержания предлагаемых в лингвистике дефиниций [Маслова 2004]. Наиболее простыми и легко запоминающимися представляются определения: «объект из мира», имеющий имя и отражающий культурно-обусловленное представление человека о мире, «действительность» – единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой.

Таким образом, концепт можно рассматривать как единицу не только концептуальной, но и языковой картины мира, как одно из частных проявлений последней. Изучение языковых репрезентаций того или иного концепта позволяет выйти на более высокий абстрактный уровень – уровень **культуры** и **менталитета**, так как концепт, входя в культуру, в значительной мере определяет её специфику; с помощью концептов осуществляется связь человека и культуры: картина мира того или иного языка одновременно и отражает способ восприятия мира членами конкретной лингвокультурной общности (языкового коллектива), и влияет на его становление. Таким образом, в языковой картине мира осуществляется синтез, объединение феноменов мышления, языка, культуры, менталитета и концепта, в связи с чем язык и языковая картина мира являются

богатейшим источником материала о том или ином народе, ср., в частности: «<…> национальная концептосфера включает в себя **наивную картину мира** данного **языка**, формирующую образную составляющую концептов, национальную систему ценностей, формирующую оценочную составляющую концептов и определённую сумму информации, необходимую для успешного общения в рамках данной культуры» [Слышкин 2000, С. 14]; «Культурная система представляет собой многослойное пересечение различных субкультур со сложными внутренними соотношениями <…> в центре внимания оказываются, ставшие предметом языковой рефлексии и, как следствие, особенно разработанные в данной языковой культуре, что особенно заметно в устойчивых, регулярно воспроизводимых сочетаниях. Основным аспектом в этом случае становится **наивно-языковая картина мира** и заключённое в ней особое языковое мировидение, **концептосфера** данного языка» [Тильман 1999] и другие подобные мнения.

Возвращаясь к вопросу о соотношении **концептуальной** и **языковой** картин мира, можно констатировать, что языковая картина мира представлена в виде значений языковых знаков, образующих совокупное семантическое пространство языка, тогда как концептуальная картина мира состоит из особых единиц сознания – концептов. В. И. Постовалова отмечает, что в современной лингвистике и взаимодействующих с ней междисциплинарных направлениях исследовательский акцент явно смещается в сторону языковой картины мира, формируя тем самым феномен, несколько отличающийся от обеих названных ранее картин мира – **культурно-языковую картину мира**: «Первоначально речь шла о двух типах картин мира – «концептуальных» (или чисто смысловых), создающихся в сферах мифологии, религии, философии, науки, искусства, и собственно «языковых», формирующихся в недрах обыденного сознания человека. <…>В настоящее время в реальных эмпирических описаниях речь всё чаще идёт о конкретных **«культурно-языковых» картинах мира** и их единицах – ключевых словах культуры» [Постовалова 2010, С. 268 – 269].

Человек способен понимать мир и самого себя через язык, язык принимает участие в формировании концептуальной картины мира, и языковая картина мира предшествует концептуальной. Поскольку познание мира, его отображение в сознании человека не всегда объективно (человек может ошибаться), концептуальная картина мира постоянно уточняется, в неё вносятся определённые уточнения. Языковая картина мира более стабильна и сохраняет архаичные представления, которые уже могут быть нерелевантными в концептуальной картине мира, например: в разговорно-бытовом языке, в отличие от научного, отражается наивная картина мира, которая формируется на основе знаний, наиболее необходимых для адаптации или решения практических задач. Наивная картина мира представляет отражённые в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, когда основные концепты складываются в единую систему взглядов, в своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Однако естественный язык не является зеркальным отражением объективной реальности. Языковые средства вербализируют реальный мир не как таковой, а как результат познавательного опыта, на организацию которого влияют многие неосознаваемые человеком процессы. «Картина мира запечатлевает в себе определённый образ мира, который никогда не является зеркальным отражением мира» [Серебренников 1988, С. 60], «язык выступает формой овладения мира, но не формой особого мира» [Колшанский 1990, С. 16]. Не язык как таковой и не языковая картина определяют наше сознание, а внеязыковая реальность – условие существования носителей мира, взаимодействие человека с окружающей действительностью, различные факторы, составляющие объединённый опыт носителей языка.

Картина мира зависит от особенностей мышления этноса, его культуры в силу того, что они отображают сумму представлений о мире внутри этноса.

Этническая картина мира реализуется в религии, философии, литературе, обнаруживается через поведенческие стереотипы. Анализ картины мира позволяет определить особенности национальной культуры и признаки, общие

для разных культур. В основе мировидения каждого народа лежит своя система социальных стереотипов. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено: видение мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа. Считается, что национальная картина мира богаче и первична по отношению к языковой картине мира. Однако именно язык кодифицирует национальную картину мира, хранит и передаёт её из поколения в поколение. Представляется, что не имеет смысла определять первичность и вторичность языка и культуры по отношению к друг другу, поскольку это две *взаимосвязанные* «картины мира», при определении взаимодействия которых вряд ли целесообразно опираться на причинно-следственные связи; скорее в данном случае можно говорить о *взаимовлиянии и взаимообусловленности* восходящих к реальной картине мира культурной и языковой картин мира, поскольку язык – это часть культуры, а культура – часть языка.

Исследователи нередко используют для описания и раскрытия сути весьма сложных образований, которыми являются различные картины мира, не единичные термины, а терминологические обозначения, сгруппированные в определённые ряды, где понятие *картина мира*, будучи употреблённым в разных контекстуальных окружениях, отражает сложность взаимодействия так называемого реального мира (картины реальной действительности) с картинами мира, сформированными под различными углами научного знания. Так, в частности, под *картиной мира* в принципе понимают создаваемое в сознании человека в ходе познания окружающей реальности образование идеального порядка, содержащее в себе представления о действительности; картина мира (или *концептуальная картина мира*) частично репрезентируется в языке, формируя тем самым *языковую картину мира*, которая понимается как результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного сообщества, как *языковой репрезентант* ***национального*** *мировосприятия*. Это объясняется тем, что языковая картина мира, связанная с планом содержания определённого языка и его семантикой, не может рассматриваться как некая

общая для всех языковых сообществ языковая картина мира, а только как **национальная**, связанная с определённым языковым коллективом картина мира, что позволяет расценивать её как *источник знания о национальном характере и менталитете*.

Выдающиеся учёные-языковеды веков, предшествующих формированию антропоцентрической парадигмы, не раз обращали внимание на возможность сколько-нибудь адекватного постижения окружающего мира через посредство языка, условно говоря, «находясь в плену» картины мира, сформированной языком, аргументируя свою точку зрения тем, что в сознании человека реальный мир дан в той мере, в какой он отражается в языке, а каждый язык отражает реальный мир (т. е. формирует языковую картину мира) по-своему. Ср. в связи со сказанным наблюдение Э. Сепира: «Язык становится всё более ценным ориентиром при научном исследовании той или иной культуры. В известном смысле сеть культурных моделей цивилизации индексируется в языке, выражающем эту цивилизацию. Наивно думать, что можно понять существенные концепты культуры одним только наблюдением без опоры на языковой символизм, который делает эти контуры значимыми и ясными для общества» [Sapir 1949, С. 16]. Эту же мысль в несколько иной плоскости высказывает и В. М. Алпатов, диахронически сопоставляя разные этапы развития языкознания, на которых ведущее место отводится различным парадигмам лингвистического знания: «если сравнение языков на этапе их становления – это типология, то сравнение языков на этапе их совершенствования – это прежде всего сопоставление “мировидений”, картин мира, создаваемых с помощью языков» [Алпатов 2001, С. 66].

Таким образом, можно утверждать, что в языкознании конца XX – XXI область исследования разграничивается «по трём объектам: реальному миру; представлению о реальном мире; относительному отражению данных представлений о естественном языке. В этой связи основной единицей, связывающей реальную, концептуальную и языковую картину мира, понимается знание. **Язык – основная форма фиксации знаний о мире, но форма не**

единственная. Под языковой картиной мира в когнитивной лингвистике понимается означивание в языке концептуальной картины мира, т. е. мира, воспринимаемого сознанием и существующего в сокращённом и упрощённом отображении всей суммы наивных представлений о мире (Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков)» (выделено мною. – Х. Ч.) [Словарь лингвокультурологических терминов 2017, С. 144].

По мнению В. В. Красных, **языковая картина мира** принципиально отличается от **лингвокультуры**: «**лингвокультура** является лингвокогнитивным феноменом (в этом её принципиальное отличие от языковой картины мира, предстающей как сложно устроенное семантическое пространство, т. е. как феномен лингвистический. Лингвокультура (в отличие от языковой картины мира) формируется не знаками языка, за которыми стоят некоторые смыслы, но образами сознания, облечёнными в языковые знаки» [Красных 2013, С. 74].

Согласно В. Н. Телия, «**языковая картина мира** – это неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах **коммуникации**. Сама метафора **языковая картина мира** говорит о том, что используемые при формировании понятий вербально-языковые и образные ассоциации и технические средства языка не исчезают бесследно, а придают этим понятиям именно языковую окраску. Последние входят в их содержание в форме различного рода более или менее устойчивых коннотаций, указывающих на языковой источник формирования гносеологического образа, «привязывая» его тем самым к данному языку <…> выбор того или иного образа-мотива метафоры связан не просто с субъективной интенцией творца метафоры, но ещё и с тем или иным его миропониманием и соизмеримостью с системой стереотипных образов и эталонов, принадлежащих его картине мира» [Телия 1988, С. 179, 189].

Сопоставление различных национальных культур (и, соответственно, **лингвокультур**) закономерным образом приводит к постановке проблемы национально-специфического в культуре и языке. С одной стороны, в языке

находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующихся этим языком; с другой стороны, овладевая языком и, в частности, значением слов, фразеологизмов и т. д., носитель языка начинает видеть мир через выстраиваемую родным языком картину и тем самым «проникается», сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры.

В современном языкознании принято считать, что «свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков <…> **языковая картина мира** является “наивной” в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от “научной” картины» [Зализняк Анна А.].

Языковые единицы разных языков, обозначающие одни и те же понятия, могут различаться семантической ёмкостью. Это обусловлено тем, что способы и формы вербализации понятий в большей либо меньшей степени связаны со спецификой социокультурных и природных особенностей в жизни данного языкового коллектива.

Исследовательская категория «языковая картина мира» входит в число ключевых терминов лингвокультурологии, предметная область которой – «изучение взаимодействия культурного фактора в языке и языкового фактора в человеке на фоне живых коммуникативных процессов и их связи с осознанной или бессознательно проявляющейся ментальностью носителей языка, являющихся и носителями культуры – субъектов языка и культуры» [Телия 2008, С. 210 – 211]. Термин *языковая картина мира* разноаспектно и подробно (с обширным иллюстративным материалом из различных научных источников), с акцентом на значимых для данной науки его составляющих, описывается в первом «Словаре лингвокультурологических терминов» [Словарь лингвокультурологических терминов 2017, С. 143 – 150]. На наш взгляд, следует согласиться с составителями словаря, утверждающими, что для лингвокультурологии наиболее востребованным является понятие «культурно-

языковая картина мира»: «В лингвокультурологии активно и целенаправленно разрабатывается понятие **культурно-языковой картины мира. Культурно-языковая картина мира** понимается как культурно-маркированная и оязыковлённая многомерная система образов, представлений, знаний. <….> Культурно-языковая картина мира существует в сознании как отдельной личности, так и социальной группы, этноса в целом, к которому данные личности принадлежат» [Словарь лингвокультурологических терминов 2017, С. 145].

Процитированный словарь справедливо акцентирует внимание на связях и довольно разветвлённых отношениях между реальной, концептуальной и языковой картинами мира, взаимодействие которых и обусловило в значительной степени формирование понятия «культурно-языковая картина мира» в лингвокультурологии, что неоднократно отмечалось представителями различных лингвистических областей. «Первоначально речь шла о двух типах картин мира – «концептуальных» (или чисто смысловых), создающихся в сферах мифологии, религии, философии, науки, искусства, и собственно «языковых», формирующихся в недрах обыденного сознания человека. Постепенно по мере того, как основное внимание при изучении концептов стало переключаться с общих проблем концептологии и систематики мировидений, намеченных ещё Гумбольдтом, на чисто эмпирические исследования функционирования отдельных концептов в культуре, такое разделение картин мира перестало представляться конструктивным. И термин «концептуальная картина мира» как общее название для определённых картин мира постепенно уходит из метаязыка лингвистики.

В настоящее время в реальных эмпирических описаниях речь всё чаще идёт о конкретных **«культурно-языковых» картинах мира** и их единицах – ключевых словах культуры» [Постовалова 2010, С. 268 – 269]. Наше диссертационное исследование выполняется именно в русле подхода, предложенного В. И. Постоваловой в приведённом фрагменте: выбранная в качестве объекта анализа лексема русского языка *сердце*, несомненно, принадлежит к **ключевым** для русской культуры словам, в связи с чем

заслуживает всестороннего изучения именно с лингвокультурологических позиций.

В настоящее время одной из наиболее стабильных и наиболее изученных частей культурно-языковой картины мира русского языка (как, впрочем и других языков, уже получивших в той или иной мере описание в лингвокультурологическом аспекте) является фразеологическая картина мира, зафиксированная в устойчивых оборотах языка.

Особая и очень существенная значимость изучения фразеологизмов для исследования национально-культурной составляющей картины мира любого языка безоговорочно признаётся практически всеми исследователями, поэтому лингвокультурологические опыты описания фразеологических единиц безусловно являются неотъемлемой частью рассмотрения особенностей культурно-языковой картины мира, в первую очередь «наивной» её части: «Результаты контрастивного описания фразеологизмов проливают свет на этническую логику, предопределяющую различия **“наивных” культурно-языковых картин мира**. Характерологические черты, присущие этим **картинам мира**, запечатлённые во фразеологизмах, вносят культурно-языковую специфику во фразеологический крой того или иного языка. Эти данные служат надёжным материалом для сопоставления “фразеологических фрагментов” культурного самосознания тех или иных языковых сообществ» [Телия 1999, С. 16]. Ср. также исследовательское мнение о значимости фразеологизированных выражений для формирования культурно-языковой картины мира: «У каждого народа есть своя, только ему присущая **языковая картина мира**. В языке выражаются определённые представления об окружающей действительности и устройстве жизни, которые отличаются у представителей разных народов. Совокупность этих представлений об устройстве жизни включает и так называемые этностереотипы, которые выражаются, в частности, в сочетаемости обозначений того или иного качества, скажем, со словом русский. Словосочетание *с чисто русской аккуратностью* явно ироническое и звучит смешно, потому что в совокупность представлений о фундаментальных качествах русского человека аккуратность не входит. Другое

дело *немецкая аккуратность*. Вполне адекватно отражают действительность такие словосочетания, как: *русская бесшабашность, русское бездорожье, русское разгильдяйство* и наряду с этим – *русская удаль, щедрость, русское гостеприимство, хлебосольство*» [Брагина 2016, С. 78].

Взгляды на языковую картину мира в отечественной лингвистике были сформулированы в конце XX столетия Ю. Д. Апресяном [Апресян 1995] и сводятся к следующим трём основным пунктам:

1. Всякий естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выраженные в языке значения складываются в определённую систему взглядов, которая «навязывается» в качестве обязательной всем носителям языка.

2. Свойственный языку способ концептуализации отчасти универсален, отчасти национально специфичен, носители разных языков могут видеть мир по-разному через призму своих языков.

3. С другой стороны, язык «наивен» в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научной картины мира, но наивные представления не примитивны, во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Эти основные положения находили подтверждение в продолжающихся научных разработках антропологического языкознания: когнитивной лингвистики [Арутюнова 1999; Вежбицкая 2001; Кубрякова 2004], гендерной лингвистики [Кирилина, Потапов 2001], лингвокультурологии [Телия 1996; Верещагин, Костомаров 1999; Степанов 2001], этнолингвистики [Толстой 1995] и многих других лингвистических и междисциплинарных (пограничных с языкознанием) научных направлений.

Выводы к разделу I

В истории лингвистической мысли проблема взаимоотношения языка и культуры была поставлена исследователями довольно давно, хотя рассматривалась, как правило, фрагментарно и точечно (труды древнегреческих философов, некоторые работы учёных XVII – XVIII веков и т. д.).

Более системное освещение данная проблематика получает в ряде трудов известных учёных XIX века (труды В. фон Гумбольдта, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни и др.), в разного рода междисциплинарных исследованиях: этнолингвистических, социолингвистических, психолингвистических и т. д.

Наиболее же полное и системное воплощение проблематика, отражающая различные аспекты контактирования, взаимодействия и взаимовлияния языка и культуры, получает в новом научном направлении, сформировавшемся на стыке лингвистики и культурологии в конце прошлого и начале нынешнего века и получившем название **лингвокультурология**.

Лингвокультурология сосредоточивает основное внимание на выявлении способов и средств воплощения «языка» культуры в единицах и структурах языка и на исследовании культурно-языковой состоятельности (компетенции) субъекта как представителя лингвокультурного сообщества, которая проявляется им в коммуникативно-речевых процессах: «предметная область лингвокультурологии – изучение взаимодействия культурного фактора в языке и языкового фактора в человеке на фоне живых коммуникативных процессов и их связи с осознанной или бессознательно проявляющейся ментальностью носителей языка, являющихся и носителями культуры – субъектов языка и культуры» [Телия 2008, С. 210 – 211].

В настоящее время лингвокультурологический подход получил в языкознании весьма активное распространение, однако в то же время он постоянно продолжает уточняться и совершенствоваться, формируя собственный исследовательский терминофонд, в который в качестве ключевых для данной научной области уже вошли такие понятия, как *лингвокультура*, *лингвокультурологический подход, культурная коннотация, код культуры, культурная семантика*, *установки культуры, концептосфера культуры* и др. «Современный этап для лингвокультурологии – этап продолжающегося самоопределения в отношении объекта, предмета исследования, метаязыка, исследовательских методов» [Словарь лингвокультурологических терминов 2017, С. 100].

О прочном закреплении лингвокультурологии в ряду актуальных направлений современного лингвистического знания свидетельствует введение

этого термина в различные современные терминологические справочники, ср., например: «**ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЯ** – маргінальна галузь мовознавства, яка вивчає фіксацію в мові, контекстах і дискурсивній практиці духовної й матеріальної культури народу, тобто культурно значимої інформації – збережених у колективній пам'яті народу символьних способах матеріального й духовного усвідомлення світу певним етносом, відтворений у його ідеях, схемах мислення й поведінки, системі етичних й естетичних цінностей, нормах, звичаях, обрядах, міфах, віруваннях, забобонах, побуті тощо» [Селіванова 2006, С. 355].

Детальное и всестороннее рассмотрение сути феномена «**языковая картина мира**», который в связи с задачами настоящего исследования целесообразнее, на наш взгляд, обозначать термином «**культурно-языковая картина мира**», даёт возможность не только более или менее полно очертить диапазон культурных проявлений в языке, но и установить их некоторые причинно-следственные основания, а также проследить за процессами возникновения (отражения) и функционирования в языковой системе и дискурсивных практиках культурно значимой, в том числе и национально-культурной, информации.

Проведённый в данном разделе обзор основных параметров, характеризующих национальную картину мира носителей русского языка, позволил установить круг фактов и явлений, имеющих наиболее существенное значение при изучении данного феномена.

Список литературы

1. Алпатов В. М. История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2001. 367 с.

2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. В 2-х тт. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.

3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.

4. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 528 с.

5. Беляевская Е. Г. Язык в контексте культуры или культурологическая информация в языке? // Живодействующая связь языка и культуры. Материалы конференции, посвящённой юбилею В. Н. Телия. В 2-х тт. Т. 1. Тула: изд-во ТПГУ им. Л. Н. Толстого, 2010. С. 35 – 40.

6. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под редакцией, со вступительной статьей и комментариями Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

7. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.

8. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Авторы-составители Брилева И. С., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Зыкова И. В., Кабакова С. В., Ковшова М. Л., Красных В. В., Телия В. Н. / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС, 2006. 784 с.

9. Брагина Н. Г. Лингвокультурный анализ: области применения // Лингвокультурологические исследования. Язык лингвокультурологии: теория vs эмпирия. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 59 – 64.

10. Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. 520 с.

11. Брагина Н. Г. Речевые фразеологизмы как объект культурного комментирования // Славянская фразеология и прагматика. Zagreb, Knjigra, 2007. С. 254 – 259.

12. Брагина Н. Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С.131 – 138.

13. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2001. 568 с.

14. Верещагин Е. М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 1999. 156 с.

15. Волобуева Е. П. Функционирование культурно-прессуппозиционального компонента в американском рекламном дискурсе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. С. 141 – 152.

16. Гумбольдт В. фон. Природа и свойства языка вообще // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1984. 398 с.

17. Зализняк Анна А. Языковая картина мира. [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html?page=0,0 Дата последнего обращения – 08.10.2017

18. Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012 . 729 с.

19. Зыкова И. В. Концептосфера культуры и фразеология: теория и методы лингвокультурологического исследования. М.: ЛЕНАНД, 2015. 380 с.

20. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учебное пособие. М.: Едиториал УРСС, 2000. 352 с.

21. Ковшова М. Л. Культурная информация в семантике языковых знаков // Лингвокультурологические исследования. Язык лингвокультурологии: теория vs эмпирия. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 27 – 36.

22. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: ЛЕНАНД, 2012. 456 с.

23. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 107 с.

24. Красных В.В. / Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / редкол. М.Л.Ковшова, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. М.: МАКСПресс, 2013.Вып. 46. С. 59-60.

25. Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 4–38.

26. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. С. 141 – 172.

27. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

28. Левкиевская Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 334 с.

29. Малишевская Д. Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции *Мужчина/Женщина*) // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 180 – 184.

30. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004. 266 с.

31. Мокиенко В. М. Фразеология в контексте субкультуры (фразеология в жаргоне и жаргон во фразеологии) / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 80 – 85.

32. Нгуен Тхань Ха. Отражение национальной культуры во фразеологизмах русского и вьетнамского языков: автореф. дис. … канд. филол. наук. Москва. 2016.25 с.

33. Неклюдов С. Ю. Люди и нелюди в недружелюбном мире (о некоторых стратегиях конструирования мифологического образа) // Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij. A cura di Sergio Bertolissi e Roberta Salvatore. Napoli: M. D’auria editore, 2010. Vol. II. P. 101 – 120.

34. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

35. Постовалова В. И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 25 – 33.

36. Постовалова В. И. Язык и духовный мир человека. Религиозные концепты в антропологическом представлении // Живодействующая связь языка и культуры. Материалы конференции, посвящённой юбилею В. Н. Телия. В 2-х тт. Т. 1. Тула: изд-во ТПГУ им. Л. Н. Толстого, 2010. С. 266 – 280.

37. Проблемы гендерологии в англистике / Потапов В. В., Кирилина А.В. // Тендер : язык, культура, коммуникация : доклады второй международной конференции 2001. М.: МГЛУ, 2002 б. С. 252-263.

38. Радбиль Т. Б. Имплицитная культурно-значимая информация в естественном языке // Лингвокультурологические исследования. Язык лингвокультурологии: теория vs эмпирия. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 18 – 26.

39. Рузин И. Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // Вопросы языкознания. 1996. № 5. С.39 – 50.

40. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И. С. Брилёва, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. М.: «Гнозис», 2004. 318 с.

41. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. Полтава: Довкілля-К, 2006. 716 с.

42. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 242 с.

43. Скляревская Н.Г. Современный толковый словарь живого русского языка: Обоснование концепции. Пробные словарные статьи. Спб, 2004.

44. Словарь лингвокультурологических терминов / авторы-составители Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. / отв. ред. М. Л. Ковшова. Москва: Гнозис, 2017. 192 с.

45. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред.В. Ю. Михайличенко. М., 2006. 312 с.

46. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.

47. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. 335 с.

48. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.

49. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта; Наука, 2006. 696 с.

50. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова, В. Н. Телия, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1988. 216 с.

51. Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция: её высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19 – 31.

52. Телия В. Н. Лингвокультурология – ключ к новой реальности феномена воспроизводимости несколькословных образований / В. Н. Телия, А. В. Дорошенко // Язык. Культура. Общение: Сборник научных трудов в честь юбилея С. Г. Тер-Минасовой. М.: Гнозис, 2008. С. 207 – 216.

53. Телия В. Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке: Тезисы докладов Международной научной конференции: В 2-х ч. Ч. I. Минск: «Універсітэцкае», 1994. С. 13 – 15.

54. Телия В. Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. Сборник научных статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Вып. 26. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 4 – 42.

55. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры //

Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13 – 24.

56. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. - М., 1995. - С. 15-26

57. Толстой Н. И. О предмете этнолингвистики, о её роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Язык и этнос). М.: Наука, 1983. С. 181 – 190.

58. Фурашова Н. В. Лингвокультурная коннотация в семантической структуре глаголов (на материале немецкого языка) // Лингвокультурологические исследования. Язык лингвокультурологии: теория vs эмпирия. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 283 – 286.

59. Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 208 с.

60. Шеина И. М. Межкультурная коммуникация как проявление лингвистического культурного опыта: автореф. дисс. … докт. филол. наук. Москва. 2009. 53 с.

61. Шулежкова С. Г. Словарь крылатых слов и выражений из области искусства. Более 1000 крылатых выражений. М.: «Азбуковник», Издательство «Русские словари», 2003. 430 с.

62. Ясинская М. В. Визуализация невидимого: способы контакта с иным миром // Славянский и балканский фольклор. К юбилею Л.Н.Виноградовой. М., 2011. С. 109 – 120.

63. Bartmiński J. Definicja Kognitiwna jako narzedrie opisu konotacji // Konotacja. Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1988. S. 169 – 183.

64. Bartmiński J. O “Slowniku stereotipów i simboli ludowych” // Slownik stereotipów i simboli ludowych. Koncepcja całości I redacja: J. Bartmiński, T. I. Kosmos. Lublin, 1996. S. 9 – 34.

65. Eismann W. Русские фразеологизмы в иноязычном тексте. Выражение и описание обычае при формировании стереотипа о “русских” в описаниях

немецких путешественников XVI – XVII вв. // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 41 – 51.

66. Foley W. A. Anthropological linguistics: an introduction. Oxford: Blackwell, 1997. 514 p.

67. Kardela H. Tak zwana gramatyka kognitiwna a problem stereotypz // Ethnolingwistika. T. 1. Lublin, 1988. S 35 – 46.

68. Pietrzyk I. Symbolica barw w świadomosci językowej polaków . 2005.

69. Sapir E. The status of linguistics as a science // Selected writing of Edward Sapir / ed. by D. Manselbaum. Berkley – Los Angeles: Univ. of California Press, 1949.

70. Święcicka M. Bydgoszcz – przestrzeń miejska zróżnicowana kulturowo // Miasto – przestrzeń zróżnicowana językowo, kulturowo i społecznie. Red. M. Święcicka. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, 2006. S. 129 –140.

71. Tokarski R. Semantyka barw we wspoółczesnei polszczyźnie. Lublin, 1995. 230 s.

РАЗДЕЛ II. ЛЕКСЕМА *СЕРДЦЕ* И ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *СЕРДЦЕ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

2.1. Лингвокультурный потенциал лексемы *сердце* в русском языке

Лексема *сердце*, как уже не раз отмечалось исследователями, принадлежит к числу языковых единиц, наиболее активно употребляющихся в различных коммуникативных сферах и функциональных стилях как современного языка, так и языка предшествующих периодов (в частности, русского языка XIX века, где в художественных произведениях можно обнаружить множество употреблений слова *сердце* в самых разнообразных контекстах). О частотности данной номинации в современном русском языке свидетельствует, к примеру, факт включения слова «сердце» во **все** лексические минимумы для изучающих русский язык на разных уровнях подготовки иностранцев, начиная с самого краткого, состоящего всего из 500 слов («Список 1. 500 наиболее употребительных русских слов» в перечне «Градуальные лексические минимумы русского языка» [Лексические минимумы современного русского языка 1985, С. 37 – 278]).

История лексикографического осмысления лексемы *сердце* на протяжении двух предшествующих веков (XIX и XX) свидетельствует о том, что её смысловой потенциал, и прежде всего та его часть, которая на современном этапе лингвистического знания воспринимается как содержащаяся в языковой единице *культурная* (*лингвокультурная*, *культурно значимая* и т. д.), в той или иной мере всегда привлекали внимание исследователей.

Принадлежа к числу наиболее частотных для русского языка номинаций, слово *сердце* закономерно включается в толковые словари различных объёма и уровня академичности интерпретации помещённого в лексикографические источники материала**,** что позволяет достаточно системно проследить за отражением в описании данной лексемы в том числе и свойственных ей

лингвокультурных смыслов (либо же за отсутствием в определённых случаях лингвокультурных характеристик, что тоже вполне возможно).

Изданный в 60-е годы XIX века «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля в обширной словарной статье, посвящённой лексеме *сердце*, даёт следующее её толкование[1]: «**Сердце** ... (cor, cordis) грудное черево, принимающее въ себя кровь изъ всего тѣла, очищающее его чрезъ легкія и разсылающее обновленную кровь по всѣмъ частямъ, для питанія, для обращенія ея в плоть. *Сердце,* у человѣка, полая, сильная мышца, разгороженная внутри накрестъ, въ тупом концѣ его (заднемъ) два предсердія, въ остромъ (переднемъ) двѣ полости сердца; черная, перегорѣлая (обратная) кровь вливается въ правое предсердіе, идетъ оттуда въ правую половину сердца, а отсель въ легкія, возвращается злою, очищенною, жизненною кровью въ лѣвое предсердіе, из него въ левую полость, а отсюда разгоняется первою боевою жилою по всему тѣлу. *Сердце* лежитъ между двумя неравными половинами легкихъ, на лѣвой сторонѣ, основаньем своим на гусачной блонѣ, окружено наглухо крѣпкою, кожистою оболочкою, и, сжимаясь и расширяясь поочередно, для выгона и принятія крови, раздаетъ пульсъ или бой, отзывающійся во всѣхъ боевыхъ жилахъ тѣла. ‖ Народъ нерѣдко *сердцемъ* зоветь ложечку, подложечку, подгрудную впадину, повыше желудка, гдѣ брюшной мозгъ, большое сплетенье нервовъ. ‖ *Сердце*, очекъ, вырѣзка въ видѣ очка карты червонной масти, изображающаго сердце. ‖ Вещественно, *сердце* принимаетъ иногда значение: нутро, нѣдро, утроба, средоточіе, нутровая средина; || нравственно, оно есть представитель любви, воли, страсти, нравственнаго, духовнаго начала, противоположно умственному, разуму, мозгу; всякое внутреннее чувство сказывается *въ сердцѣ*. ‖ Гнѣвъ, негодованье, злость и злоба» [Даль, IV, С. 178].

Приведённый фрагмент словарной статьи свидетельствует о фиксации толковым словарём В. И. Даля следующего набора признаков лексемы *сердце*:

---

[1] При **цитировании** целостных фрагментов из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля сохраняется оригинальная орфография этого лексикографического источника, в ряде случаев отличающаяся от современных норм правописания.

телесные (физические и физиологические); «*вещественные*», по выражению В. И. Даля (т. е. связанные с материальными представлениями о сердце, о его возможных воплощениях); *эмоционально-чувственные, ценностно-этические, духовно-нравственные, эстетические, этнографические*.

Телесные признаки рассматриваемого понятия, т. е. сведения о местоположении, функциях, форме и механизмах работы сердца, даны с опорой на имеющиеся медицинские знания, которыми, как известно, В. И. Даль обладал профессионально: сердце **располагается** в «грудном чреве», лёжа между двумя неравными половинами лёгких, на левой стороне, «основаньем своим на гусачной блоне», окружённое «наглухо крепкою, кожистою оболочкою»;

по форме сердце являет собой «полую, сильную мышцу, разгороженную внутри накрест: в тупом конце его (заднем) два предсердия, в остром (переднем) две полости сердца».

Значительное внимание автор словаря закономерно уделяет описанию **функций** *сердца*: *сердце* принимает «в себя кровь из всего тела», очищает её «чрез лёгкие» и рассылает обновлённую кровь по всем частям, «для питания, для обращения её в плоть»; сжимаясь и расширяясь поочерёдно «для выгона и принятия крови», сердце «рождает пульс или бой, отзывающийся во всех боевых жилах тела»;

«**механизм работы**» *сердца* состоит в следующем: «чёрная, перегорелая (обратная) кровь вливается в правое предсердие, идёт оттуда в правую половину сердца, а отсель в лёгкие, возвращается алою, очищенною, жизненною кровью в левое предсердие, из него в левую полость, а оттуда разгоняется первою боевою жилою по всему телу».

Следует отметить, что приведённая характеристика относится к основному (в современных классификациях – *прямому*) значению лексемы сердце в словаре В. И. Даля и является, по нашим наблюдениям, наиболее подробным и самым глубоким с медицинской точки зрения описанием функций сердца человека в толковых словарях русского языка трёх последних десятилетий. Все последующие семантические варианты рассматриваемой лексемы (их всего **5**),

представленные в словарной статье как значения либо их оттенки, акцентируют внимание на других особенностях слова *сердце*, в большинстве случаев приобретённых в результате его переносного употребления.

Так, по В. И. Далю, *сердце* принимает иногда «вещественные» (третье по порядку из отмеченных значений) – «нутро, недро, утроба, средоточие, нутровая средина»: *сердце земли*, нутро; *сердце дерева*, сердцевина или средина толщи его.

Указанное значение активно реализуется и **в дериватах** лексемы *сердце*, которые в словаре В. И. Даля, в соответствии с принятым в этом источнике **гнездовым** *способом расположения материала*, также включаются в данную словарную статью: **сердечко** *яблока* – «гнездо, семена вместе с кожухом»; **сердечник** – «всякий стержень, влагаемый в ствол, в дыру; болт, пропускаемый сквозь переднюю подушку и ось повозки, на котором ворочается передок; шворень, штырь, курок»; **сердцевина** – «срединная мякоть в дереве, проходящая как бы жилою от корня до самой вершины». Отдельно словарь отмечает употребление слова *сердце* в значении, указывающем на что-либо, имеющее *вид* (форму) сердца: «очек, вырезка в виде очка карты червонной масти, изображающего сердце»; это значение сформировалось уже на основе представлений человека о том, как сердце выглядит, которые при пользовании языком переносятся на другие предметы, – как, например, в одной из текстовых иллюстраций, включающей дериват *сердечко*: *Золотое сердечко на цепочке*.

Словарь В. И. Даля имеет очевидную установку на интерпретацию лексемы *сердце* в связи **с внутренним**, прежде всего **духовным, миром человека** – одно из приведённых в словарной статье значений слова обозначено пометкой «нравственно»: «нравственно, оно есть представитель любви, воли, страсти, нравственного, духовного начала, противоположно умственному, разуму, мозгу; всякое внутреннее чувство сказывается *в сердце*» (*Мягкое, доброе, тёплое, любящее сердце*, человек, по нравственному состоянью своему).

Духовно-нравственные признаки сердца конкретизируются в устойчивых выражениях, пословицах и поговорках через оппозиции мягкость – твёрдость, тёплое – холодное, лёгкое – тяжёлое, доброе – злое, чистое – нечистое. В

большинстве случаев признаки, которые представлены первыми членами данных оппозиций (а именно*: мягкое, доброе, тёплое, чистое*), утверждают ценностный характер сердца:

каменное сердце – «бесчувственный и жестокосердый человек»;

отходчивое сердце – «вспыльчивый, но добрый нрав»;

воробьиное сердце – «в ничтожном человеке, кипучий нрав» и т. д.

Особо следует отметить, что данное значение слова *сердце* **противопоставляется** в словаре В. И. Даля рациональному началу в человеке («противоположно умственному, разуму, мозгу»), что также находит отражение в иллюстративном материале: *И доброе сердце, да безмозглая (безглуздая) голова. Сердце не стерпело, страсти взяли верх*, – где предпочтение явно отдаётся именно *духовному*, а не *разумному*.

Указанное противопоставление сохраняется и при обозначении практически всех перечисленных словарём *эмоционально-чувственных* характеристик *сердца*, включающих в свой состав основной признак «всякое внутреннее чувство», которое «сказывается в сердце», и частные признаки: «сердце как представитель чувства любви» и «сердце как представитель эмоций и страстей» – *любви, доброты, ненависти, страха, испуга, соболезнования, вспыльчивости, заботы, грусти, веселья, жалости, немилосердия* и др. Эти признаки актуализированы в приведённых в качестве иллюстративного материала выражениях, большинство из которых принадлежат к разного рода устойчивым словесным формулам (*идиомы*, *паремии* и т. д.):

сердечный человек – «задушевный, любящий и прямой»;

сердце не стерпело – «страсти взяли верх»;

сердце скажется или *сердце скажет, по ком оно болит* – «чувство, любовь»;

сердцем, от сердца – «с любовью»;

скрепя сердце – «против воли, желания»;

неукротимое сердце – «своеволие страстей, разгар»;

Ожесточило неверие сердце твоё – «немилосерд»;

Сердце сжалось, ёкнуло – «соболезнованье, страх, испуг»;

Это мне по сердцу – «нравится»;

Отлегло от сердца – «избавился от страха, заботы»;

Сердце отошло – «гнев прошёл»;

Что к огню ближе, то жарче; что к сердцу ближе, то больнее;

Сердце ноет – «грустно».

Часть указанных признаков актуализируется в контекстах, включающих дериваты лексемы *сердце* (прилагательное *сердечный*, наречие *сердечно* и т. д.):

Приношу сердечную благодарность мою – «от сердца, искреннюю»;

Сердечно рад – «жалею»;

сердечное дело – «любовное»;

сердечный или *сердешный* – «о ком всем сердцем сожалею, соболезную; болезный, моленый, баженый» (*Эх, сердечный – а пособить нечем*!);

сердцевой – «к сердцу относящийся» (*Храни сии вещи сердцевые* … «заветные, дорогие»).

В словаре В. И. Даля особо отмечено значение лексемы *сердце*, которое этимологически тесно связано с прилагательным *сердитый*; глаголами *сердить*, *сердитовать* (архаизм уже для XIX века, и тем более – для современного русского языка) и *сердиться*; а также с существительными – архаизмами для современного русского языка *сердитка* и *сердитыш* («сердитый или гневливый человек»): «гнев, негодованье, злость и злоба» (об этимологической общности приведённых номинаций, их происхождении от общего корня (*серд*-) свидетельствует включение перечисленных слов в одну со словом *сердце* словарную статью).

Поскольку в современном русском языке этимологическая связь между корнями **СЕРДЦ**(е) и **СЕРД**(итый) уже утрачена, целесообразно обратить особое внимание на группу примеров употребления слова *сердце* в контекстах, где эта связь явно актуализируется: связанные с сердцем признаки «гнев», «злость», «негодованье» воплощаются, таким образом, не только в контекстах, включающих в свой состав именно слово *сердце*, но и в контекстах со словами

сердить, *сердитый* и всеми их производными, связанными со словом *сердце* диахронически. Для словаря В. И. Даля идентификация компонентов смысла этих слов через синонимы и фразеологизмы является активным приёмом толкования – в большинстве случаев именно в них чётко проявляется семантическая и стилистическая выразительность слова:

У него сердце на меня – «гневается, сердится»;

Сердцем ничего не сделаешь – «сердясь»;

Ума нет, а сердце (злость) *есть*;

*Сердце делу не в помощь (*или*: не поможешь);*

*Сердцем ничего не возьмёшь (*или*: не сделаешь);*

Сердцем и соломинки не переломишь;

с сердцов, по сердцам, в сердцах – «осердясь, во гневе, по злобе или ненависти».

Аналогичные приведённым выше смыслы воплощаются в значительном корпусе иллюстративных контекстов словаря, где не только фигурирует слово *сердце*, но и присутствуют этимологически связанные с ним *сердитый, сердиться* и под.; одним из самых частотных в приводимых В. И. Далем примерах глагол *сердиться*, некоторые значения которого архаизировались в современном языке (*досердился, осердился, пересердились, просердился*):

Досердился до желчи;

Осердился, осерчал на меня;

Посердится и перестанет;

Чем сердиться – либо подраться, либо помириться;

Сердись не сердись, а уж лучше покорись;

Хоть сердится, да умилосердится;

Сердилась баба на мир, а мир того и не знает!

Просердился на меня всё утро.

В связи с задачами проводимого исследования особого внимания заслуживает *этнографическая* составляющая словарной статьи «Сердце» толкового словаря В. И. Даля, которая, по нашему мнению, занимает в

рассматриваемой словарной статье важное место. *Этнографический признак* лексемы *сердце* наиболее явственно воплощён в одном из включённых в словарную статью значении, подаваемом сразу же за основным, вторым по счёту: «Народ нередко *сердцем* зовёт ложечку, подложечку, подгрудную впадину, повыше желудка, где брюшной мозг, большое сплетенье нервов», где составитель прямо указывает на место толкуемого наименования в национальной картине мира носителей русского языка, в первую очередь наивной её части (*народ зовёт*).

Этнографические признаки толкуемой лексемы, безусловно, проявляются и в системном привлечении составителем всех диалектных её значений, с указанием (как это в целом принято в словаре В. И. Даля в подобных случаях) *места* – губернии либо нескольких губерний – функционирования данного семантического или семантико-стилистического варианта описываемого слова: «*Морское сердце арх*. мякотное животное медуза, Acalepha, морское сало»; «*Сердешный*, *сиб*. ядреный, крепкий, прочный; дебелый, дюжий»; «***Сердцевьё*** *пск. твр*. сердцевина; || ось, или веретено, стержень цевки»; «***Сердяга*** *об*. сердеш(ч)ный, болезный, баженый, о ком жалею и по ком болею сердцем». Как следует из приведённых примеров, территориальная сфера употребления приведённых примеров (их диалектный ареал) обозначена составителем словаря вполне конкретно: *архангельское* для номинации «морское сердце»; *сибирское* для одного из значений производного от лексемы *сердце* прилагательного «сердешный»; *псковское* и *тверское* для производного существительного от лексемы *сердце* «сердцевьё» и *областное* для ещё одного производного от лексемы *сердце* и явно архаичного для современного языка «сердяга».

Таким образом, словарь В. И. Даля содержит весьма обширную и очень важную для выявления **культурных смыслов** лексемы *сердце* информацию (или же – **культурную информацию**), способствующую более адекватному восприятию созданных ранее (в XIII – XVIII веках) текстов, многие из которых опирались на уже исчезнувшие из активного языкового употребления значения и производные рассматриваемой лексемы, а также лучшему пониманию многих

семантических, стилистических и лингвокультурных явлений и процессов в русском языке современного периода.

Ещё раз обратим особое внимание на то, что понятие **культурная информация** принадлежит к числу ключевых понятий лингвокультурологии, обращение к которому позволяет выявить культурную значимость тех или иных языковых единиц: «…национально-культурное своеобразие языка проявляется в его лексике и фразеологии, имплицитно или эксплицитно представляющих **культурную информацию** о носителях данного языка, об их мировидении и мировосприятии <…> это социокультурные сведения, характерные лишь для определённой нации или национальности, освоенные массой их представителей и отражённые в языке данной национальной общности, особенности её географической среды, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия и др.» [Шарифьян, Лебедева 2015].

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, зафиксировавший нормы употребления русского языка в последней трети XIX века (четыре тома словаря вышли в течение 1861 – 1866 гг.), по праву считается не только *лингвистическим*, но и *энциклопедическим* лексикографическим источником, который, помимо лингвистических характеристик, содержит множество сведений иного рода о помещённом в нём лексическом материале: информацию о духовных приоритетах русских, об их ценностных установках и предпочтениях; сведения об особенностях уклада жизни восточных славян, их семейных и других традициях и т. д. Однако основной заслугой этого лексикографического источника всё же следует считать заложенные его автором и им же апробированные на практике принципы собственно толковых словарей, на которые опирались впоследствии все наиболее значимые для становления и развития русской лексикографии словари – как известно, В. И. Далю современное языкознание обязано даже самим термином «толковый словарь».

Нормы языкового употребления первой половины XX века зафиксированы в первом наиболее авторитетном лексикографическом источнике советского

времени – четырёхтомном толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова, увидевшем свет в 1935 – 1940-х годах. Принцип подачи языкового материала в этом словаре отличается от реализованного в словаре В. И. Даля гнездового – в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова использован *алфавитный* принцип, в соответствии с которым многие производные от тех или иных слов включаются в отдельные словарные статьи.

Словарная статья, посвящённая лексеме *сердце*, выглядит в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (далее – ТСРЯ), следующим образом: «**СЕРДЦЕ** … 1. Центральный орган кровообращения, мускульный мешок, у человека находящийся в левой стороне грудной полости. *Послушайте, как у меня сердце бьётся*. Чехов. *Болезни сердца. Порок сердца* (расстройство функционирования сердечных клапанов). *И сам я недостойною рукою злодею прямо в сердце угодил*. Мей. ‖ То место в левой стороне груди, под которым находится этот орган. *К сердцу своему он прижимал поспешно руку*. Пушкин. *Старик, задыхаясь, схватился за сердце*. 2. *перен*. Эта часть тела как символ средоточия чувств, переживаний, настроений человека. *Опять его сердце трепещет*. Лермонтов. *Слушаю я сказку, сердце так и мрёт*. Суриков. *Глаголом жги сердца людей*. Пушкин. … *Сердце ноет. Сердце щемит. Сердце прыгает от радости* (разг., фам.). *Сердце не камень*. Пословица. *С глаз долой, из сердца – вон*. Пословица. *Сердце сердцу весть подаёт*. Пословица. ‖ Совокупность душевных свойств человека; человек с теми или иными душевными свойствами. *У него золотое сердце. Каменное сердце. Мстительное сердце. Муж … сердца ангельски незлобного*. Некрасов. *Сердца он был доброго, обращения приветливого*. Тургенев. *В рабстве спасённое сердце свободное – золото, золото сердце народное.* Некрасов. ‖ Способность чувствовать и понимать, отзывчивость, сердечность. *Если у него есть сердце, он поймёт*. Гончаров. *У него нет сердца. Человек с сердцем.* 3. *перен*. Эта же часть тела как символ средоточия любовных переживаний человека; способность любви, любовь. *Евсей прочно занимал место и за печкой и в сердце Аграфены.* Гончаров. *Нет, никому на свете не отдала бы сердца я.* Пушкин. *Не принуждай ты меня против сердца замуж идти за*

немилого. А. Островский. *Сердце её ещё молчало* (не появилась ещё потребность любви). 4. *перен*. Эта же часть тела как символ средоточия какой-нибудь сильной страсти, преимущественно гнева. *Сердце у него отходчивое. Сердце не стерпело. Старый князь Приимков-Ростовский, не сдержав сердца, перебил Василия Васильевича.* А. Н. Толстой. *Неукротимое сердце*. ‖ *только ед*. Гнев, состояние человека, сердитого на кого-что-нибудь. (устар.) *Жуковский за это сердится: но я не со страхом, а с улыбкой встречаю его сердце*. Тургенев. 5. *перен*., только ед. Важнейший пункт, место, имеющее существенное значение для чего-нибудь, средоточие чего-нибудь. *Москва – сердце мировой революции. Париж – сердце Франции*. ◊ **(Близко) принять к сердцу** *что* – отнестись к чему-нибудь очень сочувственно, с большой заинтересованностью. Конечно, не очень-то приняла с сердцу эти слова Марья Алексеевна. Чернышевский. **Брать зá сердце.** … **В сердцах** (или **всердцах**). … **Дама сердца** *чья* (разг. фам. устар.) – возлюбленная. **Избранник** (избранница) **сердца** (книжн. ритор., разг. шутл.) – возлюбленный, возлюбленная. **Иметь сердце** *на кого* – быть недовольным кем-нибудь. **Не лежит сердце** *к кому-чему* (разг.) – нет расположения, симпатии к кому-чему-нибудь. **От всего сердца** – от всей души, с полной охотой, желанием. **От чистого сердца** – совершенно искренне. **Отлегло от сердца** – стало легче, почувствовалось облегчение. **Покорить сердце** чьё (устар.) – добиться чьей-нибудь любви. Привязанности, овладеть чьим-нибудь доверием. Он покорил её сердце. Оратор покорил сердце слушателей. **Положа руку нá сердц**е (разг.) – совершенно откровенно. **Пó сердцу** *кому* (разг.) – нравится, соответствует желанию, по нраву. *Не пó сердцу мне его слова*. **Предложить руку и сердце**. … **Сердце болит** *с инф*. – неприятно, тяжело. *Сердце болит смотреть на его страдания*. **Сердце моё!** – употр. как ласковое, нежное обращение к кому-нибудь. **Сердце не лежит** *к кому-чему* (разг.) – то же, что душа не лежит. … **Сердце не на месте**. **… Сердце падает, сердце упало**. … **Скрепя сердце**. … **Сложить (в своём) сердце** *что* (книжн.) – хорошо запомнить, сохранить в душе как особенно волнующее. **Сорвать сердце** *на ком-чём* (разг.) – излить свою злобу на кого-что-нибудь. … **С открытым или чистым сердцем** – с полной откровенностью, без хитрости,

искренне. **С сердцем** (сказать, сделать; разг.) – раздражённо, с гневом. *Эк его там с квасу-то раздувает! – с сердцем ворчал Захар*. Гончаров. **С сердцов** (обл.) – в гневе, со злости. *В трактире одному промышленнику с сердцов в ухо даже заехал*. Мельников-Печерский. **Читать в сердцах** (ирон.) – угадывать чьи-нибудь мысли, желания» [ТСРЯ, IV, стб. 155 – 157].

Сопоставляя имеющуюся в ТСРЯ информацию о лексеме *сердце* с суммой сведений об этой лексеме в словаре В. И. Даля, приходим к выводу, что в целом набор представленных сведений в обоих словарях **совпадает**, хотя даже при поверхностном рассмотрении понятно, что по ряду особенностей, в частности по *характеру* и *степени представленности* в лексикографических источниках, эти сведения отличаются.

Так, телесные сведения о *сердце* в ТСРЯ при толковании основного значения данной лексемы сводятся лишь к максимально кратким указаниям на *местоположение*, *форму* и *одну из функций* («Центральный орган кровообращения, мускульный мешок, у человека находящийся в левой стороне грудной полости»), тогда как в словаре В. И. Даля, как уже было отмечено, значительно подробнее представлено *местоположение* этого органа в теле человека, а также описаны не только *несколько функций* сердца, но и процессы, происходящие в результате реализации этих функций, причём даже с элементами образного осмысления (ср.: *сердце рассылает обновлённую кровь по всем частям; рождает пульс* и т. д.).

При толковании первого (основного) значения лексемы *сердце* составители ТСРЯ отмечают имеющийся у этого значения оттенок («‖То место в левой стороне груди, под которым находится этот орган. *К сердцу своему он прижимал поспешно руку*»), которое в словаре В. И. Даля подаётся как отдельное значение, характерное для народной речи («Народъ нередко *сердцемъ* зовет ложечку, подложечку, подгрудную впадину, повыше желудка...»). Такая картина свидетельствует об определённых изменениях в лексической системе русского языка: одно из значений лексемы *сердце*, свойственное живой разговорной речи,

по истечении полувека вошло в состав общеупотребительной лексики, однако не в качестве самостоятельного значения, а как *оттенок значения*.

Помимо приведённого (первого) значения лексемы *сердце*, все последующие (четыре) квалифицированы ТСРЯ как *переносные*, т. е. вторичные или производные. Второе значение («2. *перен*. Эта часть тела как символ средоточия чувств, переживаний, настроений человека. *Опять его сердце трепещет*. Лермонтов.») акцентирует внимание на *эмоционально-чувственных* признаках понятия, раскрывая их с опорой на довольно обширный иллюстративный: примеры из произведений классической литературы и группу устойчивых выражений со словом *сердце*, имеющих различную стилистическую принадлежность: *Сердце ноет. Сердце щемит. Сердце прыгает от радости* (разг., фам.), – а также несколько пословиц с этим же компонентом: *Сердце не камень*. *С глаз долой, из сердца – вон*. *Сердце сердцу весть подаёт*. При характеристике этого значения составители словаря отмечают и два его оттенка, каждый из которых снабжён соответствующим иллюстративным материалом: «‖ Совокупность душевных свойств человека; человек с теми или иными душевными свойствами. *У него золотое сердце. Каменное сердце. Мстительное сердце. Муж ... сердца ангельски незлобного*. Некрасов. *Сердца он был доброго, обращения приветливого*. Тургенев. *В рабстве спасённое сердце свободное – золото, золото сердце народное.* Некрасов. ‖ Способность чувствовать и понимать, отзывчивость, сердечность. *Если у него есть сердце, он поймёт*. Гончаров. *У него нет сердца. Человек с сердцем*».

Как видно из приведённых толкований оттенков значений и подкрепляющего их иллюстративного материала, акцент при описании семантических особенностей в данном случае сделан **на многообразии** связанных *с сердцем* проявлений внутренней сущности человека, с одной стороны, уже зафиксированных в языке (в частности, в паремиях типа *С глаз долой – из сердца вон*); с другой – через осмысление этого значения лексемы *сердце* в словесно-художественном творчестве, т. е. в контекстах, где присутствует явный индивидуально-стилистический компонент, способствующий расширению

контекстных связей номинации и выявлению её других особенностей (ср., к примеру, выражение Н. А. Некрасова: *В рабстве спасённое сердце свободное – золото, золото сердце народное*).

Значение **3**, также принадлежащее к переносному типу, акцентирует внимание на *символической* составляющей семантического объёма понятия *сердце* (*эта же часть тела* [сердце] *как символ средоточия любовных переживаний человека; способность любви, любовь*) и иллюстрируется преимущественно выдержками из произведений русских писателей-классиков (А. Н. Гончарова, А. С. Пушкина, А. Н. Островского) и одним примером, в котором *сердце* входит в состав олицетворяющей, но уже общеязыковой метафоры (*Сердце её ещё молчало* (не появилась ещё потребность любви).

Символическое же осмысление понятия *сердце* послужило основой для формирования следующего – **4**-го по счёту – значения лексемы *сердце* в ТСРЯ, хотя в данном случае это символика совсем иного рода: *Эта же часть тела* [сердце] *как* ***символ*** *средоточия какой-нибудь* ***сильной страсти****, преимущественно* ***гнева*** (выделено мною. – Х. Ч.). Данное значение проиллюстрировано несколькими контекстами (двумя устойчивыми оборотами с компонентом *сердце*; фразой из произведения А. Н. Толстого, имеющей в своём составе данную номинацию, причём в весьма специфическом употреблении (*Старый князь Приимков-Ростовский, не* ***сдержав*** *сердца, перебил Василия Васильевича*) и словосочетанием, где данное значение лексемы *сердце* актуализировано метафорическим эпитетом (***неукротимое*** *сердце*). При толковании данного значения отмечается и один из его оттенков, сопровождаемый пометой *устаревшее*: «Гнев, состояние человека, сердитого на кого-что-нибудь (*устар.*)», проиллюстрированное цитатой из Тургенева: *Жуковский за это сердится: но я не со страхом, а с улыбкой встречаю его сердце*. Примечательно, что в приведённом текстовом примере актуализировано утраченное современным языком родство автономно существующих сегодня корней **СЕРД-** (слово *сердитый*) и **СЕРДЦ-** (собственно слово *сердце*), эксплицирована их этимологическая связь.

Наконец, **5**-е из приводимых ТСРЯ значение, также квалифицируемое как *переносное* (с грамматической пометой *только един.* (число), толкуется следующим образом: «Важнейший пункт, место, имеющее существенное значение для чего-нибудь, средоточие чего-нибудь». Сопровождающий описание этого значения иллюстративный материал позволяет считать его *сформировавшимся на основе метафоры*, уже утратившей первоначальную образность (*языковой* метафоры): *Москва – сердце мировой революции. Париж – сердце Франции.*

Далее в словарной статье после соответствующей пометы (◊) приводится перечень устойчивых выражений, включающих в свой состав компонент *сердце*: **(близко) принять к сердцу что** – отнестись к чему-нибудь очень сочувственно, с большой заинтересованностью; **брать зá сердце**; **В сердцах** (или **всердцах**); **Дама сердца** чья (*разг. фам. устар.*) – возлюбленная; **избранник** (**избранница**) **сердца** (*книжн. ритор., разг. шутл.*) – возлюбленный, возлюбленная; **иметь сердце на кого** – быть недовольным кем-нибудь; **не лежит сердце** к кому-чему (*разг.*) – нет расположения, симпатии к кому-чему-нибудь; **от всего сердца** – от всей души, с полной охотой, желанием; **от чистого сердца** – совершенно искренне; **отлегло от сердца** – стало легче, почувствовалось облегчение; **покорить сердце** чьё (*устар.*) – добиться чьей-нибудь любви, привязанности, овладеть чьим-нибудь доверием; **положа руку нá сердце** (*разг.*) – совершенно откровенно; **пó сердцу кому** (*разг.*) – нравится, соответствует желанию, по нраву; **предложить руку и сердце**; **сердце болит** с инф. – неприятно, тяжело; **сердце моё!** – употр. как ласковое, нежное обращение к кому-нибудь; **сердце не лежит** к кому-чему (*разг.*) – то же, что душа не лежит; **сердце не на месте**; **сердце падает**, **сердце упало**; **скрепя сердце**; **сложить** (в своём) **сердце** что (*книжн.*) – хорошо запомнить, сохранить в душе как особенно волнующее; **сорвать сердце** на ком-чём (*разг.*) – излить свою злобу на кого-что-нибудь; **с открытым или чистым сердцем** – с полной откровенностью, без хитрости, искренне; **с сердцем** (сказать, сделать; *разг.*) – раздражённо, с гневом; **с сердцов** (*обл.*) – в гневе, со злости; **читать в сердцах** (*ирон.*). Всего в данной словарной статье помещено **24** единицы (с учётом

имеющихся вариантов: *сердце падает – сердце упало* – **27**), разнообразных не только по *семантике*, но и по *стилистической окрашенности* (*разговорное*, *книжное*, *риторическое*), по экспрессивным характеристикам (*фамильярное*, *ироническое*), по вхождению в *активный* либо *пассивный* запас (значительная часть из состава приведённых в словарной статье фразеологических выражений квалифицируется как *устаревшие*), по соотношению с лексическим составом литературного языка (*областное*). Более подробно устойчивые выражения с компонентом *сердце*, входящие в словарную статью «Сердце» ТСРЯ, будут проанализированы в подразделе **2.3** данной части диссертационной работы, посвящённом структуре, семантике и лингвокультурным характеристикам фразеологических единиц с компонентом *сердце*.

Словарная статья анализируемого словаря, посвящённая лексеме *сердце*, не включает дериватов – образований от данного корня, – как это нередко можно наблюдать в других толковых словаря (прежде всего, в словаре В. И. Даля, где реализован гнездовой принцип расположения подаваемого языкового материала; но и в других толковых словарях XX и уже XX века, к примеру, в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. И. Кузнецова). Дериватам с корнем ***сердц-*** в ТСРЯ посвящены отдельные словарные статьи; среди них: *сердцебиение, сердцевед* и *сердцеведец*, *сердцевидка, сердцевидный, сердцевина, сердцевинный, сердцеед, сердцеедка, сердчишко* – всего **10** номинаций. В этот же ряд с учётом задач нашего исследования (выявления и описания лингвокультурных характеристик) можно добавить и сходные по ряду семантических признаков номинации с корнем ***серд-***, которые, как уже отмечалось, являются этимологически связанными (в словаре В. И. Даля это представлено со всей очевидностью); из этих номинаций в ТСРЯ – в виде отдельных словарных статей – представлены: *сердоболие, сердобольничать, сердобольный, сердяга* – и также не употребляемое в настоящее время в виде самостоятельной лексической единицы *сердый* («вторая часть составных прилагательных в значении имеющий тот или другой нрав, характер (какой выражен первою частью), напр. милосердный, жестокосердный» [ТСРЯ, IV, стб. 155].

Подводя итог представленности лексемы *сердце* и её производных в самом полном и, по мнению большинства исследователей, наиболее авторитетном толковом словаре русского языка первой половины XX века, можно констатировать следующее. *Телесные* и «*вещественные*» признаки рассматриваемой лексемы представлены в ТСРЯ значительно более лаконично, нежели в словаре В. И. Даля, и соответственно, с меньшей глубиной и развёрнутостью (в частности, в словарной статье «Сердце» при толковании основного (первого) значения лишь кратко описано местоположение этого органа у человека и в самом общем виде обозначена его основная функция («центральный орган кровообращения»).

Установку на духовную интерпретацию слова, свойственную словарю В. И. Даля, ТСРЯ в целом сохраняет, зафиксировав *духовно-нравственные*, *эмоционально-чувственные* и *ценностно-эстетические* признаки толкуемой номинации в **трёх** переносных значениях и ещё **трёх** оттенках этих значений (два оттенка у значения **2** и один оттенок у значения **4**). При этом один из оттенков значения **4** («гнев, состояние человека, сердитого на кого-что-нибудь») квалифицирован как устаревший, т. е. перешедший в пассивный языковой запас, тогда как у В. И. Даля это значение подаётся как самостоятельное, активно функционирующее в языке того времени е («гнев, негодованье, злость и злоба»). В рассматриваемом словаре нет столь явного противопоставления *сердца* как символа духовного и нравственного начала в человеке началу умственному, рациональному (по В. И. Далю, «умственному, разуму, мозгу»), какое присутствует в словаре В. И. Даля, хотя в содержащемся иллюстративном материале это противопоставление в той или иной мере отражено (пословица: *С глаз долой – из сердца вон*; фраза из произведения Н. В. Гоголя: *Подгулявши, человек несёт наружу: что на сердце, то и на языке* – и некоторые другие примеры).

При этом в ТСРЯ совершенно отсутствует *этнографическая* составляющая в толковании лексемы *сердце*, которая при описании её значения в словаре В. И. Даля, как было отмечено ранее, представлена рядом содержащихся в

словарной статье «Сердце» фактов: указанием на территориальную ограниченность определённого значения; характеристику номинации, связанной с сугубо русским народным промыслом и т. д.

Заметным событием в русской лексикографии второй половины XX века стал выход в 1950 – 1965 годы «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти томах, подготовленного коллективом Академии наук СССР под редакцией В. И. Чернышёва, известного также как Большой академический словарь (впоследствии – БАС). В этом лексикографическом источнике наиболее полно и развёрнуто зафиксированы нормы русского литературного языка середины XX столетия, он на несколько десятилетий стал для специалистов по русскому языку самым авторитетным справочным изданием, своеобразной «точкой отсчёта» для проведения каких бы то ни было семантических, стилистических и иного рода лингвистических (а впоследствии и междисциплинарных) исследований. Подготовленный словарным сектором Института русского языка АН СССР, этот словарь одновременно является и толковым, и нормативным справочным изданием, содержащим лингвистические объяснения слов, включая фразеологические обороты. Значения слов и их употребление иллюстрируется многочисленными примерами из художественной, научной и общественно-политической литературы XIX – XX веков. Даётся грамматическая характеристика слов, отмечаются особенности их произношения и правописания, приводятся стилистические пометы, довольно широко показаны разнообразные типы лексической сочетаемости слов, сообщаются некоторые сведения исторического характера (по правописанию, ударению и словообразованию и т. д.), а также приводятся справки об этимологическом составе слов, их происхождении, информация о времени фиксирования лексических единиц в русских словарях. Всего в словаре объяснено свыше 120 000 слов; он является наиболее полным толковым словарём советского времени.

Безусловно, обойти вниманием этот источник при анализе как семантико-стилистических, так и иных особенностей лексемы *сердце* было бы нелогичным,

поскольку именно в этом толковом словаре представлено наиболее полное и развёрнутое для советского времени описание лингвистических свойств рассматриваемой в нашей работе номинации, к тому же сопровождаемое наиболее обширным – в сравнении с предшествующими толковыми словарями – иллюстративным материалом.

Приведём словарную статью, посвящённую лексеме *сердце* в БАС (словарная статья цитируется не целиком, а определёнными фрагментами, поскольку из-за значительного объёма приводить её полностью представляется вряд ли возможным для нашей работы; сокращения касаются преимущественно иллюстративного материала и части отмеченных словарём грамматических характеристик).

«**Сердце** … 1. Центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка (у человека – в левой стороне грудной полости). *Он слушает во всех местах грудь и говорит, что дыхание решительно чистое, что биение сердца весьма правильное*. Черныш. Дн. моих отношений. … *Местный полицейский врач удостоверил, что смерть произошла от разрыва сердца, вызванного чрезмерным употреблением спиртных напитков*. Л. Толст. Воскресение. … <> Сердце бьётся, стучит, колотится и т. п. *Сердце стучало и замирало от страха перед неизвестностью*. Чех. Случай с классиком. *Сердце больного билось глухо, с перебоями. Его биение напоминало робкий стук в дверь*. Дягил. Докт. Голубев. … <> Сердце сдаёт, шалит и т. д. *В самом деле сердце что-то Потихонечку сдаёт.* Жаров. На лыжах. <> Порок сердца. Болезнь сердечных клапанов. … ‖ Место в левой части груди, под которым находится этот орган. *Он схватил её большие прекрасные руки и, задыхаясь от восторга, прижал их к своему сердцу.* Тург. Отцы и дети. … *Она схватилась за сердце, потом за горло и страшно побледнела*. А. Н. Толстой. Прекрасн. дама. … ~ ***Положа руку на сердце.*** Совершенно чистосердечно, откровенно. *Всё это… говорим мы, положа руку на сердце от полного, искреннего убеждения*. Бел. «Реперт. Русск. театра», изд. Песоцким. … ***Как (будто) ножом по сердцу.*** Об ощущении внезапной душевной боли от какой-либо неприятности, беды и т. п. – *Теодор, не прогоняй меня! – сказала она*

по-французски, и голос её как ножом резанул его по сердцу. Тург. Дворян. гнездо. …[Анисья:] *Веришь ли, тётушка, как сказали мне, что женить его, как ножом по сердцу полоснуло меня*. Л. Толст. Власть тьмы … ***Сердце падает, дрогнуло, оборвалось и т. п.*** О внезапном ощущении тревоги, испуга и т. п. *Не могу об себе сказать, чтоб из робких был, однако на ту пору так сробел, что даже сердце во мне упало*. Салт. Развесёл. житьё. *Школьные окна почему-то были темны… Уехала, что ли? Сердце у него оборвалось*. Панова. Спутники. … ***Нож в сердце***. … ***Как (будто) маслом по сердцу.*** …

2. *Перен*. Этот орган как символ средоточия чувств, настроений, переживаний человека. [Юлия:] *Точно сердце чувствовало, так вот и ждала, что какая-нибудь помеха случится*. А. Остр. Последн. жертва …*Что-то забытое шевельнулось в груди Дмитрия Степановича, как будто он что-то вспомнил*. А. Н. Толст. 18-й год. ... *Узнал ли от хуторных казаков Степан или подсказало ему сердце, что Аксинья в Вёшенской встречается с Григорием, но вдруг заскучал он*. Шолох. Тих. Дон … <> **Сердце разрывается, сжимается, дрогнуло, ёкает, щемит, замирает** и т. п. О состоянии тревоги, неожиданной радости, тоски, грусти. – *Твои речи – будто острый нож; От них сердце разрывается.* Лерм. Песня про… купца Калашн. … *В последнюю минуту у меня ёкнуло сердце: а не влетит мне от дядьки за непрошеных гостей?* В. Беляев. Стар. крепость. … С замиранием сердца, с замирающим сердцем. Испытывая волнение, тревогу. …. <> **Трогать, потрясать, притягивать, надрывать, зажигать** и т. п. **сердце, сердцá**. *Помнишь, на собрания докладом Приходил нам зажигать сердца.* Жаров. Стар. друзьям. *Лучше никого не видеть, не растравлять себе сердце уехать и забыть о прошлом!* Паустов. Снег. <> **Уколоть, ужалить в (самое) сердце**. Сильно обидеть, уязвить. *Только дочь меньшая, любимая, увидав цветочек аленький, затряслась вся и заплакала, точно в сердце её что ужалило*. С. Акс. Ал. цветочек. ‖ Способность чувствовать и понимать других, отзывчивость, сердечность. *Она была отличнейшая. женщина по сердцу*. Гонч. Обрыв …*В отношении с людьми побольше искренности и сердца, побольше молчания и простоты в обращении*. Чех. Письмо Ал. П. Чехову, 13 октября 1888. – У вас не

хватит сердца, если вы начнёте жалеть всех нас. М. Горький, Мать … <> **Не иметь сердца, нет сердца, есть сердце (у кого-либо).** *Рыская по свету, этот идол света Не имеет сердца. – Прихотница эта Никого не любит*. Полон. Кузнечик-музыкант. … Если не трогает вас это художественное изображение моей судьбы, то у вас нет сердца. Чех. Письмо Ф. О. Шехтелю, 13 октября 1886. ‖ О душевном мире человека, его переживаниях, чувствах, настроении. Он сердцем милый был невежда. Пушк. Е. О. [Соня:] *Душа и сердце его всё ещё скрыты от меня.* Чех. Дядя Ваня … *Я помню вечер. Шли мы ровно. Тебе я сердце поверял.* Блок. Я помню вечер. <> **Накипеть на сердце. Накопиться на сердце**. О чём-либо тяжёлом, неприятном. – *Зачем вы избегаете меня, Григорий Михайлович, – проговорила она нетвёрдым голосом, какой бывает у человека, у которого накипело на сердце.* Тург. Дым … <> **Сердцем (чувствовать, понимать и т. п. что-либо).** … <> **Всем сердцем, всем существом, всей душой**. *Что я вам хорошего сделала? Я только привязана к вам всею душою, люблю вас крепко, сильно, всем сердцем*. Дост. Бедн. люди … <> **С открытым, чистым сердцем**. С полной откровенностью, без хитрости, искренне. [Идея социализма] *уже близится к осуществлению, народ с открытым сердцем готов её принять*. Дзержинский. Избр. статьи и речи… <> **Сердце не принимает**. *Разг*. Не нравится что-либо. *На себя взгляни сперва… Сердце, брат, твои слова Ну не принимает*. Яшин. Алёна Фомина. … <> **Говорить сердцем что-либо**. Вызывать в ком-либо какие-либо чувства, переживания. *В одном из далёких углов России есть город, который как-то особенно говорит моему сердцу*. Салт. Губерн. оч. Введение. <> **Жить в сердце.** Сохраняться в памяти. … ‖ О душевных качествах, характере человека. <> **Сердце какое-либо**. *Верное сердце. Надобно иметь каменное сердце, чтоб не любить этакого человека*. Герцен. Кто виноват? … *Ты своим повиновением обнаружила доброе и родителям покорное сердце*. Писем. Тюфяк … <> **Сердцем добр, крут** и т. п. кто-либо. … <> **Большое сердце у кого-либо**. Способность горячо и сильно чувствовать. … *У русского народа большое сердце. Оно умеет любить. Оно умеет и ненавидеть*. Эренб. Война 1941 – 1942 г. ‖ О человеке определённых душевных качеств, определённого характера. <> **Сердце**

какое-либо. – *Многих людей я знал с высокими качествами, но никогда не встречал сердца чище, свежее и проще. Многих любил я, но никого так прочно и горячо, как Обломова*. Гонч. Обломов. … – *Науруза не поймали, а если поймают, он не выдаст, – подтвердила Гоярчин. – Науруз – орлиное сердце*. Либедин. Зарево … *Лишь чёрствое сердце не может понять О жизни сыновней скорбящую мать*. Садофьев, Памяти сына. ‖ Этот орган как символ любовных чувств, любовной склонности, привязанности. *Я хочу, чтобы моё сердце не только после брака, но и раньше брака, не принадлежало никому, кроме той, которая будет моей женой.* Черныш. Дн. моих отношений … *Сердце Луши принадлежало ему безраздельно*. Мам.-Сиб. Горн. гнездо. … [Смайли:] *Ответила, что её сердце занято другим*. Билль-Белоцерк. Вокруг ринга … <> **Отдать, открыть сердце кому-либо**. Полюбить кого-либо. *Но что же сделала пастушка? Другому сердце отдала. Любовь красавицам игрушка*. Батюшк. Разлука …<> **Покорить, побеждать, разбивать и т. п. чьё-либо сердце; овладевать чьим-либо сердцем**. … *После её свадьбы с Калитиным, который в несколько дней успел покорить её сердце, Покровское было променено на другое имение*. Тург. Дворян. гнездо … *Я нравился Жене, как художник, я победил её сердце своим талантом*. Чех. Дом с мезонином …<> **Пасть, запасть нá сердце (на сéрдце)**. *Разг.* Сильно понравиться, овладеть чьими-либо думами, помыслами. *Рус волосом, тих голосом. – Пал нá сердце Филипп!* Некр. Кому на Руси… *А Маруся с той поры стала какая-то слишком задумчивая. Запал ей на сердце тот художник.* Пауст. Рожд. Моря. … <> **Сердце моё**. *Разг.* Ласковое, нежное обращение к кому-либо. – *Что ты, моё сердце, стонешь всё? Глянь: вон тебе ленты новые купили, кофту суконную, юбки пошили!* Данил. Беглые в Новороссии … *Дорогая, хорошая, сердце моё! Как медлителен времени бег!* Сурк. Дорогая, хорошая ... ~ ***Сердце кровью обливается.*** … ***Предлагать (предложить) руку и сердце.*** … ***Дама сердца.*** … ***Друг сердца.*** О возлюбленном, возлюбленной. … – *За каждую записочку, которую она, бывало, пошлёт со мной другу своего сердца, ... я получаю от неё должное вознаграждение.* М. Горький. Проходимец. … ***Принимать (принять) что-либо (близко) к сердцу***. Относиться к чему-либо с

большим сочувствием, очень заинтересованно; относиться к чему-либо с повышенной чувствительностью. [Вронский] *из всех жизненных интересов ближе всего принимал к сердцу интересы полка и товарищества*. Л. Толст. Анна Карен. … ***Отлегло от сердца***. Об избавлении от чувства страха, тревоги, беспокойства. [Любаша:] *Это – Марфа? Мне про неё другое говорили… От сердце отлегло: разлюбит скоро Григорий эту девочку!* Мей, Царск. невеста … ***Сердце болит. Болеть сердцем***. … ***Сердце лежит к кому-, чему-либо.*** … ***От всего (от чистого) сердца.*** Совершенно искренне, от всей души. … Она плакала от всего сердца, не стесняясь своих слёз, не пытаясь их сдерживать. Фадеев. Молод. гвардия … ***По́ сердцу (по се́рдцу) кому-либо***. Нравится, соответствует чьим-то вкусам. … [Боярыня:] *Коль матери не по сердцу жених, Так прочь его!* А. К. Толстой. Посадник … ***Сердце не на месте***. … ***Брать (взять, хватать) за сердце***. … ***С лёгким сердцем***. ***… С тяжёлым сердцем***. … ***В глубине (до глубины, от глубины) сердца***. … ***Сердце взыграло***. … ***Сердце горит.*** О состоянии сильного возбуждения. *Унынья моего ничто не мучит, не тревожит, И сердце вновь горит и любит оттого, что не любить оно не может.* Пушк. На холмах Грузии. ***Вынуть сердце***. … ***Кошки на сердце скребут***. … ***Свинец на сердце (лечь свинцом на сердце).*** … ***Скрепя сердце.*** … ***Читать в сердцах.*** Угадывать чьи-то мысли, желания. ***Ни уму, ни сердцу.*** …

3. *Перен*. Этот орган как символ средоточия гнева, раздражения. – *Да закуси ты, сделай милость! Авось у тебя сердце-то отойдёт!* Салт. Помпадуры и помпад. … – *Чего ты опасаешься? – возразил Филипп голосом, который показывал, что сердце его ещё не улеглось и кипело остатком негодования.* Григор. Пахотник и бархатник …<> **Отвести сердце**. Успокоиться. *Вероятно, чтобы отвести сердце, он свирепо нюхал табак*. Герцен. Былое и думы. … ‖ *Разг.* Гнев, раздражение. … *Ты не сердись, сердцем ничего не докажешь*. М. Горький. Ег. Булычёв и др. … <> **Сердце берёт, взяло и т. п. кого-либо**. … – *А меня сердце на неё* [козу] *берёт, очень хочется поймать, так бы, кажись, и расшиб её!* Бунин. Ночн. разговор … <> **С сердцем (сказать, сделать что-либо).** – *Молчи, баба! – с сердцем сказал Данило. – С вами кто свяжется, сам станет*

бабой! Гоголь. Страш. месть.… <> **Входить, приходить и т. п. в сердце**. *Устар*. Приходить в раздражение, в гнев; раздражаться. [Гаврила Пантелеич:] *Подай мне их, я им место найду!* [Андрей:] *Извольте-с.. Вы напрасно в сердце приходить изволите*. А. Остр. Женитьба Белугина … <> Приводить, привести кого-либо в сердце. *Устар*. Приводить в раздражение, в гнев. *Всякая малейшая остановка приводила его в сердце и в досаду*. Болотов. Записки. … ~ ***В сердцах***. В порыве раздражения, сильно рассердившись. *Фома в сердцах выбегает из комнаты и кричит, что его обидели*. Дост. Село Степанчиково … [Павла:] *Не надо сердиться… В сердцах всего чаще ошибаются*. М. Горький. Зыковы … ***Иметь (держать) сердце на кого-либо.*** Быть недовольным, затаить злобу на кого-либо. *… – Только ... отвечай начистоту: сердца на меня не имеешь, Сергей? – За что бы это? – ...удивился Серёжа*. Леон. Русск. лес … ***Срывать (сорвать) сердце на ком-либо***. … ***С сердцов***. *Обл*. В гневе, со злости. *Хорошие шутки родятся дома; в гостях всё как-то не так шутится: там шутишь от сердца, а здесь – с сердцов*. Вяз. Письмо А. И. Тургеневу, 13 октября 1818. … *Я прогневила чем-нибудь тебя; Ты, верно, полюбил с сердцов другую?* Мей. Царск. невеста.

4. *Перен*. Важнейшая, центральная часть, средоточие чего-либо. *В известных мне столицах и больших городах Европы есть обыкновенно центр, главная часть, сердце города*. Греч. Путев. письма. … *Середину площадки, самое видное место, занимала постройка насосной станции – сердце всего нефтепровода*. Ажаев. Далеко от Москвы.

5. *Обл*. Внутренняя центральная часть стебля (ствола) растения; сердцевина. [Охотник] *стучит топором по стволу… А могучая ель губится от этих ударов, и вдоль сердца начинается гниль*. Пришв. Северн. лес.

– Срезневский: *сьрдьце*; Поликарпов, Лекс. 1704: *сердце*» [БАС, XIII, стб. 680 – 685].

Анализ представленности лексемы *сердце* в БАС, в сопоставлении со сведениями, содержащимися об этой номинации в рассмотренных ранее толковых словарях русского языка, позволяет утверждать следующее. Информация о *телесных* и «*вещественных*» признаках номинации *сердце*, содержащаяся в

рассматриваемом лексикографическом источнике, включена в описание **первого** (из **пяти** отмеченных) значения лексемы и **одного** его оттенка; она практически полностью совпадает с аналогичными сведениями в ТСРЯ, соответственно, значительно проигрывая в этом плане по объёму и характеру представленности словарю В. И. Даля. В то же время в данном словаре значительно увеличен корпус иллюстративного материала (собственно толкуемое значение подтверждается **семью** примерами из русской классической и современной литературы с подробной паспортизацией; его оттенок – **тремя** примерами такого же рода), что, безусловно, способствует созданию более полного представления о возможностях сочетаемости и в целом употребления слова в этом значении.

Кроме этого, в описание данного значения БАС включает и ряд устойчивых выражений с компонентом *сердце* – часть с отсылкой к другим словарным статьям (как, например, ножом по сердцу – с отсылкой к словарной статье «Нож»), часть – с объяснением содержания непосредственно в данном блоке словарной статьи «Сердце»: *положа руку на* ***сердце*** («совершенно чистосердечно, откровенно»); *как (будто) ножом по* ***сердцу*** («об ощущении внезапной душевной боли от какой-либо неприятности, беды и т. п.»); ***сердце*** *падает, дрогнуло, оборвалось и т. п.* («о внезапном ощущении тревоги, испуга и т. п.»); *нож в* ***сердце***; *как (будто) маслом по* ***сердцу***. Большинство приведённых устойчивых сочетаний с компонентом *сердце* (кроме тех, которые даны с отсылкой на другие словарные статьи) также снабжены довольно пространными текстовыми примерами из произведений русской художественной литературы. Помещение в данной части словарной статьи приведённых устойчивых выражений с компонентом *сердце* представляется не совсем логичным, поскольку в них реализуется непрямое значение лексемы, а явно переносное либо содержащее элементы подобного переноса, что и подтверждают приводимые составителями словаря объяснения значений устойчивых оборотов, – например: *как (будто) ножом по сердцу* («об ощущении внезапной душевной боли от какой-либо неприятности, беды и т. п.»).

Установку на *духовную* интерпретацию лексемы *сердце*, присущую ТСРЯ и в особенности выраженную в словаре В. И. Даля, БАС в целом, безусловно, сохраняет; более того – в некоторых случаях довольно ощутимо её расширяет и/или конкретизирует. *Духовно-нравственные*, *эмоционально-чувственные* и *ценностно-эстетические* признаки номинации *сердце* преимущественно выявляются составителями БАС при описании **двух** переносных значений: «этот орган [сердце] как символ средоточия чувств, настроений, переживаний человека» и «этот орган [сердце] как символ средоточия гнева, раздражения» (значения **2** и **3**); при этом при описании значения **2** указывается **5** оттенков значения (*сердце* как «способность чувствовать и понимать других, отзывчивость, сердечность»; обозначение номинацией *сердце* «душевного мира человека, его переживаний, чувств, настроения», «душевных качеств, характера человека», «человека определённых душевных качеств, определённого характера»; употребление слова *сердце* как «символа любовных чувств, любовной склонности, привязанности»); при описании значения **3** характеризуется также и **1** оттенок – «гнев, раздражение», – снабжённый стилистической пометой *разговорное*.

Характеристика каждого из отмеченных БАС значений лексемы *сердце* и их оттенков сопровождается иллюстративным материалом (в ряде случаев это не одна, а несколько текстовых иллюстраций), раскрывающих семантические нюансы, которые выявляются именно при употреблении слова *сердце* в конкретном контексте, ср., в частности, текстовую иллюстрацию из романа И. А. Гончарова «Обломов» к оттенку значения 2 «о человеке определённых душевных качеств, определённого характера»: *–Многих людей я знал с высокими качествами, но никогда* ***не встречал сердца чище, свежее и проще****. Многих любил я, но никого так прочно и горячо, как Обломова* (выделено мною. – Х. Ч.), где данный оттенок значения реализуется, помимо соответствующего контекста, и в составе системы тропов (нескольких метафорических эпитетов): ***сердце*** *самое чистое, самое свежее, самое простое.* Подобного рода контекстуальное осмысление слова *сердце* не только актуализирует в нём ряд

семантических особенностей, но и передаёт индивидуально-авторское мироощущение художника слова, формируя при этом и соответствующую культурную информацию, учёт которой оказывается очень важным при выявлении в том числе и места данной номинации в культурно-языковой картине мира носителей русского языка. В целом духовно-нравственные, эмоционально-чувственные и ценностно-эстетические признаки лексемы *сердце* представлены в Большом академическом словаре более многопланово и развёрнуто, нежели в ТСРЯ: они воплощены в **2**-х значениях и **6**-ти их оттенках, тогда как в последнем это **3** значения и **3** их оттенка (при этом граница между собственно значением и их оттенками в обоих словарях выглядит достаточно условной).

Оба переносных значения, в которых сконцентрирована связанная с душевным миром человека и его эмоциональными и нравственными проявлениями, в том числе и национально-культурная, информация о слове *сердце* в своём описании содержат значительный пласт устойчивых (преимущественно – фразеологизированных) выражений с компонентом *сердце*. В блоке словарной статьи, где характеризуется значение **2**, таких устойчивых выражений всего **23** единицы (объяснение значений этих устойчивых выражений либо содержится в самой словарной статье (**7** единиц), либо – в большинстве случаев (**16** единиц) – сопровождается отсылкой к другим словарным статьям этого же словаря): *сердце кровью обливается* (отсылка к словарной статье «Кровь»); *предлагать (предложить) руку и сердце* (отсылка к «Предлагать»); *дама сердца* (отсылка к «Дама»); *друг сердца* («о возлюбленном, возлюбленной»); *принимать (принять) что-либо (близко) к сердцу* («относиться к чему-либо с большим сочувствием, очень заинтересованно; относиться к чему-либо с повышенной чувствительностью»); *отлегло от сердца* («об избавлении от чувства страха, тревоги, беспокойства»); *сердце болит; болеть сердцем* (отсылка к «Болеть»); *сердце лежит к кому-, чему-либо* (отсылка к «Лежать»); *от всего (от чистого) сердца* («совершенно искренне, от всей души»); *по́ сердцу (по се́рдцу) кому-либо* («нравится, соответствует чьим-то вкусам»); *сердце не на месте* (отсылка к «Место»); *брать (взять, хватать) за сердце* (отсылка к «Брать»); *с*

лёгким сердцем (отсылка к «Лёгкий»); *с тяжёлым сердцем* (отсылка к «Тяжёлый»); *в глубине (до глубины, от глубины) сердца* (отсылка к «Глубина»); *сердце взыграло* (отсылка к «Взыграть»); *сердце горит* («о состоянии сильного возбуждения»); *вынуть сердце* (отсылка к «Вынуть»); *кошки на сердце скребут* (отсылка к «Кошка»); *свинец на сердце* (*лечь свинцом на сердце*) (отсылка к «Свинец»); *скрепя сердце* (отсылка к «Скреплять»); *читать в сердцах* («угадывать чьи-то мысли, желания»); *ни уму, ни сердцу* (отсылка к «Ум»). Часть устойчивых выражений приведена с учётом имеющихся у них вариантов (лексических и грамматических), что позволяет передать максимально полное представление об их функционировании в речи, например: *свинец на сердце* (*лечь свинцом на сердце*) – фразеологизм представлен в имеющихся лексических вариантах; *в глубине (до глубины, от глубины) сердца* – в словаре приведены, помимо основного, два грамматических варианта устойчивого выражения.

В блоке словарной статьи, содержащем описание значения **3** лексемы *сердце*, помимо собственно значения содержится указание на один из его оттенков («гнев, раздражение»), снабжённый стилистической пометой *разговорное*; кроме того, в этом сегменте словарной приводится ряд устойчивых выражений с компонентом *сердце* с их объяснением и текстовыми иллюстрациями, а также несколько очевидных фразеологизмов (***в сердцах***; ***иметь (держать) сердце на кого-либо***; ***срывать (сорвать) сердце на ком-либо***; ***с сердцóв***), также введённых в контексты, выявляющие их значения.

Последний из приведённых фразеологизмов снабжён пометой *областное*, свидетельствующей об отнесённости его к диалектной лексике; это позволяет говорить о присутствии в БАС *этнографической* составляющей (указания на этнографические признаки, как уже отмечалось, содержатся в словаре В. И. Даля; в ТСРЯ они отсутствуют). На присущие данной лексеме *этнографические* признаки указывает и квалификация как *областного* отдельного значения (значения **5**): «внутренняя центральная часть стебля (ствола) растения; сердцевина», которое проиллюстрировано цитатой из произведения М. Пришвина «Северный лес».

Сопоставление содержания словарных статей, посвящённых лексеме *сердце* в словаре В. И. Даля, ТСРЯ в БАС, даёт основание для выводов об определённом *перераспределении* имеющихся у неё значений и их оттенков на протяжении функционирования в процессе употребления на протяжении XIX – XX столетий. Так, в частности, БАС свидетельствует о некой актуализации (хотя и ограничивает этот процесс пометой *областное*) во второй половине XX века определённой части значения, отмеченного словарём В. И. Даля, однако не включённого в ТСРЯ. По В. И. Далю, «вещественно, *сердце* принимает иногда значенье: нутро, недро, утроба, средоточие, **нутровая средина**» – в соответствии с БАС, «**внутренняя** центральная **часть стебля** (ствола) **растения**; сердцевина» (выделено мною. – Х. Ч.).

Перераспределение наблюдается также в части квалификации той или иной семантики как **значений** или **оттенков значений** лексемы *сердце*. Так, к примеру, свойственная номинации *сердце* семантика «как символ средоточия любовных переживаний человека; способность любви; любовь» в ТСРЯ квалифицирована как *отдельное значение*, в то время как БАС фиксирует её в качестве *оттенка значения*: «‖ Этот орган как символ любовных чувств, любовной склонности, привязанности». Одно из переносных значений (судя по развёрнутости его описания – **основное** для составителей словаря) – *сердце* «как символ средоточия чувств, переживаний, настроений человека» – конкретизируется ТСРЯ в **двух** оттенках значения, тогда как БАС – в **пяти**.

С учётом того, что один из оттенков значения **совпадает** в обоих словарях, можно констатировать, что БАС представляет информацию, зафиксированную ТСРЯ, как «совокупность душевных свойств человека; человек с теми или иными душевными свойствами» (один из оттенков значения **2**), значительно более развёрнуто: «‖ О душевном мире человека, его переживаниях, чувствах, настроении»; «‖ О душевных качествах, характере человека»; «‖ О человеке определённых душевных качеств, определённого характера» – то есть в **трёх** оттенках значения, каждый из которых подкрепляется соответствующим

иллюстративным материалом, демонстрирующим возможности употребления этой семантической единицы в различных коммуникативно-речевых ситуациях.

При сопоставлении словарных статей двух толковых лексикографических источников обнаруживается и перераспределение семантики в структуре значения лексемы *сердце*: информация об одном из значений в ТСРЯ представлена более полно и многогранно, чем в БАС, ср.: «**4**. *перен*. Эта же часть тела [сердце] как **символ средоточия какой-нибудь сильной страсти**, преимущественно гнева» (ТСРЯ) – «**3**. Этот орган [сердце] как символ средоточия гнева, раздражения» (БАС).

В целом можно констатировать, что БАС, безусловно, содержит наиболее полную информацию о лексеме *сердце* в сравнении с ТСРЯ, что выражается как в **количественных** показателях (число оттенков значений; объём корпуса иллюстративного материала), так и принципиально **более широком** охвате **сематических** составляющих, т. е. учётом в той или иной мере при описании семантического содержания признаков *телесных*, отчасти «*вещественных*», *духовно-нравственных*, *эмоционально-чувственных*, *ценностно-эстетических* и *этнографических*.

Можно также утверждать, на наш взгляд, что в данном словаре более широко отражена присущая лексеме *сердце* **национально-культурная информация**, зафиксированная, с одной стороны, в представленных в словарной статье *устойчивых выражениях* с компонентом *сердце* (прежде всего – во фразеологизмах), передающих отношение к рассматриваемой номинации носителей русского языка; во-вторых – в значительном корпусе текстовых иллюстраций, взятых составителями преимущественно из художественных произведений русских писателей-классиков, где единицы общенародного языка при талантливом осмыслении всегда обогащают свою семантику, и прежде всего – в русле эстетического осмысления национально-культурных особенностей сложившейся в языковом коллективе картины мира (ср., к примеру, художественные контексты с очевидным индивидуально-авторским осмыслением номинации *сердце*: *Я помню вечер. Шли мы розно. Тебе я* ***сердце поверял***

(А. Блок); *Я нравился Жене как художник, я* ***победил*** *её* ***сердце*** *своим талантом* (А. П. Чехов) и многие другие).

В 1957 – 1961 Академией наук СССР был подготовлен четырёхтомный толковый словарь русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой, известный как Малый академический словарь (далее – МАС), который стал весьма заметным событием в советской лексикографии. В него включено 82 159 слов и фразеологических выражений, охватывающих период от времени деятельности А. С. Пушкина до середины XX века. Словарь является нормативным, в нём использованы разнообразные грамматические и стилистические пометы, довольно широко представлен иллюстративный материал. Второе издание этого словаря, исправленное и дополненное, вышло в свет в 1981 – 1984 годах и отразило современное состояние словарного состава русского языка того периода, дополнив словарь теми словами и фразеологическими оборотами, которые вошли в язык после 1961-го года, т. е. со времени выхода в свет последнего тома первого издания. Во втором издании более широко представлены разнообразные стилевые и собственно стилистические пометы, к иноязычным словам даны этимологические справки. Словарь выдержал несколько изданий и, кроме того, послужил базой для создания некоторых толковых лексикографических источников XXI века.

Так, в частности, на основе МАС составлен популярный однотомный «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. И. Кузнецова (величина словника – около 130 000 слов), впервые вышедший в 1998 году и выдержавший с тех пор несколько изданий (далее – БТСРЯ), – один из наиболее часто используемых в современной речевой практике. Посвящённая лексеме *сердце* словарная статья в этом лексикографическом источнике выглядит следующим образом: «**СЕРДЦЕ** … **1**. Центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка, находящийся у человека в левой стороне грудной полости. *Здоровое, больное сердце у кого-л. Молодое сердце. Учащённый ритм сердца. Ангина даёт осложнение на сердце. В сердце прослушиваются шумы. Порок сердца* (болезнь сердечных клапанов). *Разрыв сердца. Операция на (открытом)*

сердце. Пересадка сердца. Сердце шалит, сдаёт (разг.). *Сердце бьётся, стучит, колотится* (обычно о проявлении усталости, тревоги, волнения). *Сердце падает, дрогнуло, оборвалось* (о внезапном ощущении тревоги, испуга). *Сердце разрывается, сжимается, ёкает, щемит, замирает* (о состоянии неожиданной радости, тоски, душевной боли и т. п.). *Слушать с замиранием сердца* (с напряжённым вниманием, особой трепетностью). *У вас есть что-нибудь от сердца?* (*разг.*: от болей в сердце). ‖ Место на левой стороне груди, где находится этот орган. *Выстрелить, попасть в сердце*. *Хвататься за сердце* (о состоянии боли, сердечного приступа). *Прижать руки к сердцу* (обычно в знак мольбы, признательности, взаимопонимания и т. п.). *Положа руку на сердце* (чистосердечно, искренне). | Символ отзывчивости, доброты. *Нет у тебя сердца. Сердца не хватит жалеть всех*. | Символ любовной привязанности, склонности. *Растревожил ты мне сердце своим появлением! Покорить чьё-л. сердце* (заставить ответить взаимностью, подчинить своей воле). *Пронзить, разбить чьё-л. сердце* (о любовной драме). *Предложить свою руку и сердце* (формула признания в любви с предложением вступить в брак). *Сердце сердцу весть подаёт* (о любящих, постоянно думающих друг о друге людях). *Дама сердца* (*высок.*: о любимой). *Друг сердца* (о любимом или любимой). *Сердце моё* (обращение к близкому, любимому человеку). **2**. Такой орган некоторых животных. *Говяжье, свиное сердце. Отварное сердце. Подать сердце с горошком. Нарезать сердце ломтиками*. **3**. Внутренний мир человека (сфера эмоций, интуиции и т. п.; обычно в противопоставлении рассудку, разуму; душа). *Трогать, потрясать, зажигать сердца зрителей. Надрывать чьё-л. сердце. Затаить в сердце горечь, обиду. На сердце накипело, наболело. На сердце тяжело, легко, тоскливо* (о таком состоянии, настроении). *Открыть кому-л. своё сердце* (поделиться самым интимным, задушевным). *Сердце просит чего-л.* (о внутреннем желании). *В глубине сердца* (глубоко внутри). *Чувствовать, жить сердцем* (о руководящей, доминирующей роли эмоциональной сферы в жизни некоторых людей). *Уколоть, ужалить в самое сердце* (сильно обидеть, уязвить до глубины души). *Ум сердца* (о способности некоторых людей правильно

руководствоваться в своих поступках и действиях эмоциями, интуицией). *Память сердца* (способность человека сохранять в душе какие-л. воспоминания). *По велению, зову сердца* (*высок.*; по голосу совести, исходя из эмоционального побуждения). *Всем сердцем с вами* (всем своим существом, всей душой). *Ничто не шевельнулось в моём сердце* (о чувстве безразличия, равнодушия по отношению к кому-, чему-л.). *Откуда ты узнала о моей болезни? – Сердце подсказало. Песня растревожила мне сердце. И запало это слово в самое сердце. От всего сердца добра вам желаю* (искренне). *Петербург с детства покорил моё сердце*. *Говорю это с чистым (открытым) сердцем* (с полной откровенностью и искренностью). *Жить в чьём-л. сердце* (сохраняться в памяти, в душе). *Болеть всем сердцем за кого-л.* (всем существом). **4**. (с опр.). Душевные качества, характер человека (о человеке с такими качествами, характером). *Верное, преданное, доброе, чёрствое, отважное, трусливое сердце. Нежное, чистое, золотое, горячее сердце. Львиное, заячье сердце. Большого сердца человек* (способный всех понимать, любить, глубоко чувствовать). *Сердцем крут, добр. Сердце у тебя каменное. Сердце не камень у кого-л.* (об отходчивом, быстро и легко прощающем человеке). **5**. *Разг.* Гнев, раздражение, злоба. *Ругнуться в сердцах* (в таком состоянии). *Держать сердце на кого-л.* (быть недовольным, затаить злобу на кого-л.). *Сорвать сердце на ком-л.* (выплеснуть свой гнев, раздражение, злобу на кого-л.). *Сердце отойдёт* (о состоянии успокоения после гнева, раздражения). **6**. чего. Центр, главная часть чего-л. … *Проникнуть в сердце неприятельского тыла. Ядро – сердце атома*. … ◊ **Скрепя сердце**. … **Сердце горит.** О состоянии сильного возбуждения, волнения (обычно от любви). **Сердце взыграло**. О внезапном чувстве радости, любви. **Сердце кровью обливается**. О сильном чувстве сострадания, участия, горести. **Сердце не лежит** *к кому-чему*. Нет расположения, не нравится кто-, что-л. **Сердце не на месте** *у кого*. О состоянии дурного предчувствия, тревоги. **Брать** (**взять, хватать**) **зá сердце.** Производить сильное впечатление, волновать. **Принимать близко к сердцу**. Относиться с большим сочувствием, сильно переживать. **Вырвать из сердца** *кого-что*. Решить навсегда забыть, перестать думать о ком-, чём-л. **Как** (**словно**)

ножом по́ сердцу. Очень неприятно, огорчительно. **Нож в сердце**. … **На сердце кошки скребут**; **Скребёт на сердце**. О крайне тоскливом состоянии, настроении. < По сердцу, *нареч. в функц. сказ*. По вкусу, по нраву. *Книга пришлась по сердцу. Ваше признание мне по́ сердцу.* **Сердчишко** … *Ласк*. (1 – 4 зн.). *Сердчишко забилось. Сердчишко побаливает*. **Сердечко**; **Сердечный**» [БТСРЯ, С. 1177 – 1178].

В отличие от рассмотренных ранее толковых словарей советского времени анализируемый словарь фиксирует большее число значений у лексемы *сердце* – **шесть** вместо **пяти**; это несовпадение возникает прежде всего в результате выделения в особое значение (значение **2**) входящей в содержание данной лексемы информации «такой орган [сердце] некоторых животных», которая в ТСРЯ и в БАС входит в состав первого (прямого) значения и не выделяется даже в качестве оттенка. Информация, содержащаяся в остальных пяти значениях, зафиксированных в этом словаре, в целом совпадает с информацией, представленной в БАС, хотя вербализуется и структурируется она несколько иначе.

Так, содержание, связанное с внутренним миром человека, его настроением и различными духовными проявлениями, зафиксировано в **трёх** значениях (значения **3, 4, 5**): «**3**. Внутренний мир человека (сфера эмоций, интуиции и т. п.; обычно в противопоставлении рассудку, разуму; душа)»; «**4**. (с опр.). Душевные качества, характер человека (о человеке с такими качествами, характером)»; «**5**. *Разг.* Гнев, раздражение, злоба», – при описании которых не выделяются оттенки значений и не указывается на переносный характер, как это было в двух ранее рассмотренных словарях, что позволяет сделать вывод, с одной стороны, о некой суженности выражения той части лексемы *сердце*, которая обозначает данную (нравственно-духовную) сферу; с другой стороны – о большей частотности употребления этих значений, которые уже не воспринимаются как переносные. Примечательно, что значение «гнев, раздражение, злоба» выделено как **отдельное** (БАС квалифицирует его как **оттенок значения** («гнев,

раздражение»); при этот стилистическая помета, сопровождающая эту информацию, в обоих словарях совпадает (*разговорное*).

Основные (по мнению составителей словаря) устойчивые выражения с компонентом *сердце* (фразеологизмы) даются общим перечнем в конце словарной статьи и включают: *скрепя сердце*; *сердце горит*; *сердце взыграло*; *сердце кровью обливается*; *сердце не лежит* к кому-чему; *сердце не на месте* у кого; *брать* (взять, хватать) *зá сердце*; *принимать близко к сердцу*; *вырвать из сердца* кого-что; *как* (словно) *ножом пó сердцу*; *нож в сердце*; *на сердце кошки скребут*; *скребёт на сердце* (всего **13** единиц) – большинство из которых тут же объяснены (например, «*как* (*словно*) *ножом пó сердцу*. Очень неприятно, огорчительно» либо снабжены ссылкой на другие словарные статьи этого же источника («*Скрепя сердце* (см. Скрепить)»). При этом ряд устойчивых выражений с компонентом *сердце* приводится с объяснением при описании отдельных значений, ср., например: «*В глубине сердца* (глубоко внутри). *Чувствовать, жить сердцем* (о руководящей, доминирующей роли эмоциональной сферы в жизни некоторых людей)» (при описании значения **3**).

БТСРЯ в определённой степени возрождает традицию **гнездового** способа подачи материала, использованного при составлении словаря В. И. Далем: словарная статья, посвящённая лексеме *сердце*, завершается перечнем производных от неё, в который включены: *сердчишко, сердечко, сердечный* (первая номинация кратко охарактеризована и снабжена текстовой иллюстрацией; две последних – с отсылкой к посвящённым им отдельным словарным статьям).

В конце XX столетия, и в особенности в начале XXI века появляются комплексные лексикографические источники (называемые также **универсальными** словарями), ставящие своей задачей максимально полную (всестороннюю) характеристику интерпретируемого слова, – прежде всего *лингвистическую*, но и иного рода в том числе, сообщая адресату этнографические, социокультурные и другие сведения энциклопедического свойства.

В связи с этим безусловный интерес для всестороннего описания лексемы *сердце* представляет посвящённая этому понятию словарная статья в изданном в 2016 году «Большом универсальном словаре русского языка» В. В. Морковкина, Г. Ф. Богачёвой и Н. М. Луцкой (далее – БУСРЯ), содержащая сведения обо всех свойственных толкуемым лексемам лингвистических признаках, а также определённую энциклопедическую информацию, т. е. имеющая выраженный **комплексный** характер.

В предисловии к этому изданию говорится, что предлагаемый словарь является «первым в отечественной лексикографии опытом создания всеохватного объяснительного словаря русского языка. В Словаре всесторонне и беспрецедентно глубоко описываются самые важные русские слова, образующие в совокупности лексическое ядро современного русского языка. … Словарь предлагает небывало **широкий спектр сведений обо всех существенных аспектах бытования и употребления важнейших русских слов** (сведения об их орфографических, орфоэпических, морфологических вариантных свойствах и особенностях, **об их многозначности, лексической семантике**, синонимической, антонимической и паронимической ценности, о смежных по значению словах, **о лексической и синтаксической сочетаемости слов, их фразеологической ценности**, морфемном составе, словообразовательной структуре и словопроизводственных возможностях, **их внутренней форме и этимологии, о вызываемых ими культурологических и страноведческих реминисценциях** и нек. др.» (выделено мною. – Х. Ч.) [БУСРЯ, С. 3].

Приведём часть обширной словарной статьи БУСРЯ, заключающую в себе информацию о *лексико-семантических* характеристиках интересующей нас лексемы.

«**СЕРДЦЕ** …

1.0. Центральный орган кровообращения у человека и животных в виде мускульного мешка с несколькими полостями (камерами), находящегося в грудной клетке (у человека – слева).

Здоровое (хорошее *разг.*, отличное *разг.*, больное, плохое *разг.*, паршивое *разг.*, слабое, поражённое чем-л., раненое, увеличенное, тренированное, четырёхкамерное, человеческое, детское, кошачье, птичье, искусственное, донорское, Лизино, его …) **сердце**. …

Попасть … **в сердце**. Что-л. вредно (что-л. полезно …) **для сердца**. Следить … (наблюдать …) **за сердцем**. Относиться как-л. … **к сердцу**. Что-л. действует как-л. … **на сердце**. У кого-л. плохо (у кого-л. что-то происходит, у кого-л. нелады *прост.* …) **с сердцем**. Сердце работает … как-л. (бьётся …, стучит …, колотится…, готово выскочить из груди, ёкнуло *разг.*, болит…, ноет …, колет …, щемит …., сдаёт … *разг.*, барахлит … *разг.*, остановилось …). □ Пациент жалуется на боли в сердце. Ему выписали препарат, поддерживающий сердце. Для вашего сердца будут полезны умеренные нагрузки, например, длительные прогулки. ● 1.0.1. *разг.*, *зд. ед.* Боль в этом органе, а также болезнь этого органа. *Лекарство от сердца. Жаловаться на сердце. Вам нельзя волноваться, ведь у вас сердце. Будешь в аптеке, купи мне что-нибудь от сердца*. …

1.2. *зд. ед.* место на левой груди человека, где располагается этот орган.

Метить … (целиться…, выстрелить …, попасть …) **в сердце**. Держаться (схватиться …) **за сердце**. Прижать кого-что-л. … **к сердцу**. □ Мать нежно прижала ребёнка к сердцу.

2.0. Этот орган, понимаемый как средоточие душевных качеств, черт, характеризующих личность человека, его характер. ***Син***. душа.

Доброе (верное, надёжное, неподкупное, честное, благородное, бескорыстное, золотое, большое, правдивое, прямое, преданное, открытое, отважное, храброе, смелое, бесстрашное, мужественное, горячее, пылкое, пламенное *книжн.*, неистовое, страстное, самоотверженное, ласковое, любящее, робкое, мягкое, нежное, кроткое, трепетное, ранимое, отзывчивое, каменное, окаменевшее, окаменелое, бестрепетное, бесчувственное, глухое, пустое, гордое, непреклонное, надменное, холодное, бедное. Чёрствое, зачерствелое, равнодушное, мёртвое, лживое, трусливое, завистливое, [не]спокойное, беспечное …) **сердце**. [Какое-л.] **сердце** какого-л. человека (матери…) *о том, чьё сердце*:

сердце **героя** (борца, труса …) *о том, какое сердце*. Чистота (благородство, красота, доброта, отзывчивость, нежность …) [чьего-л.] **сердца**; человек (женщина …) какого-л. (*например*, доброго …) **сердца**. Человек (женщина …) с каким-л. **сердцем.** Иметь … какое-л. **сердце**; ценить (понимать, знать …) чьё-л. **сердце**. Любить кого-л. … за какое-л. **сердце**. У кого-л. какое-л. сердце. □ Он мужественный человек, но сердце у него нежное, даже в чём-то детское. ● 2.1. Этот орган, понимаемый как источник доброты, отзывчивости. **У тебя нет сердца. Сердца не хватит всех жалеть**. ● 2.2. Этот орган, понимаемый как источник и средоточие любовных чувств и переживаний. *Отдать кому-л. своё сердце. Покорить чьё-л. сердце. Овладеть чьим-л. сердцем. Её сердце принадлежит другому*. ● 2.3. *с определением*. Человек как носитель каких-л. черт, качеств характера. *Чистое сердце, она всё приняла на веру. Здесь много отзывчивых сердец, готовых прийти на помощь.*

3.0. Этот орган как средоточие чувств, настроений, переживаний человека, как символ его внутреннего мира. ***Син***. душа.

Человеческое (детское, женское, встревоженное, взволнованное, угнетённое, сокрушённое, несчастное, многострадальное, наболевшее, истерзанное, усталое …) **сердце**. **Сердце** какого-л. человека (ребёнка матери …) *о том, чьё сердце*: сердце ребёнка (женщины, поэта …) *о том, какое сердце*. Тайны (боль, голос …) **сердца**; знание чьего-л. **сердца**. Путь к чьему-л. **сердцу**. Знать … (тревожить, растревожить…, растравить, всколыхнуть …, трогать, волновать, зажигать, потрясать, надрывать…) чьё-л. **сердце**; открывать кому-л. (поверять кому-л., обнажать перед кем-л. [своё] **сердце**. Что-то близко (что-л. понятно) [чьему-л.] **сердцу**. Чувствовать что-л. (чуять что-л., понимать что-л. …) **сердцем**. Что-л. (*напр*., сомнения, страх …) закралось … **в** чьё-л. **сердце;** проникать **… в** самое **сердце**. Затаить обиду (сохранить кого-что-л. …) **в сердце** …; жить … (остаться, что-л. происходит, ничто не шевельнулось …, надежда теплится …) **в** чьём-л. **сердце**. Достучаться … **до** чьего-л. **сердца**, обратиться … **к** [чьему-л.] **сердцу**. Что-л. лежит тяжестью … **на сердце** … . У кого-л. хорошо, легко, радостно, весело, тяжело, грустно, тоскливо, пусто …) **на се́рдце/на́ сердце** … .

Сердце чьё-л. *или* у кого-л. радуется … (наполняется чем-л., переполняется чем-л., болит …, волнуется …, трепещет …, встрепенулось, дрогнуло …, страдает …, ожесточилось, чувствует что-л., чует *разг.* что-л., понимает что-л., подсказывает кому-л. что-л., молчит). □ Эта история тронула моё сердце. Писатель тонко понимает женское сердце. Страшное подозрение закралось в его сердце. Музыка обращается не к уму, а к сердцу человека. ● 4.0. Символическое изображение этого органа (прежде всего как знака любовных чувств) в виде вытянутого по бокам овала, мягко раздвоенного вверху и заострённого внизу. *Кулон в виде сердца. Нарисовать сердце, пронзённое стрелой.* ● 5.0. *перен.* … Гнев, раздражение (связано с тем, что сердце в древности считалось вместилищем гнева). Унять сердце. Сорвать сердце на ком-л., не держать сердца на кого-л., сказать что-л. с сердцем. ● 6.0. *перен.* … *Центр, главная часть. Москва – сердце России. А вот это центр управления – сердце всей системы*» [БУСРЯ, С. 1072].

БУСРЯ, как демонстрирует приведённая цитата, отмечает у лексемы сердце **шесть** значений, два из которых квалифицированы как *переносные*, и в общей сложности **пять** оттенков, два из которых конкретизируют значение **1.0** (обозначены как **1.1** и **1.2**), а три –значение **2.0** (соответственно под обозначениями **2.1**, **2.2** и **2.3**). Кроме этого, внутри значения **1.0** авторами словаря отмечен семантический нюанс понятия *сердце*, не встречавшийся в анализируемых ранее лексикографических источниках: «● 1.0.1. *разг.*, *зд. ед.* Боль в этом органе, а также болезнь этого органа. *Лекарство от сердца. Вам нельзя волноваться, у вас сердце. Будешь в аптеке, купи мне что-нибудь от сердца*» [БУСРЯ, С. 1072]. Отмеченные при описании семантики признаки номинации *сердце* в целом совпадают с тем перечнем, который наблюдается в БАС, однако характер их представленности отличается в данном случае некоторыми особенностями. Так, в БУСРЯ *телесные* признаки представлены более развёрнуто – при толковании значения **1.0** (основного, прямого) указана и информации об устройстве сердца как органа человека и животных («в виде мускульного мешка **с несколькими полостями (камерами)**…»).

Духовно-нравственные признаки понятия *сердце* сосредоточены в интерпретации значения **2.0** лексемы («Этот орган, понимаемый как средоточие душевных качеств, черт, характеризующих личность человека, его характер»), конкретизированы в **трёх** его оттенках, сопровождаемых текстовыми иллюстрациями. *Эмоционально-чувственные* признаки понятия, и отчасти его *духовно-нравственная* составляющая, отражены в описании значения **3.0** – «Этот орган как средоточие, настроений, переживаний человека, как символ его внутреннего мира».

В рассматриваемом словаре в *отдельное* значение выделена информация, подаваемая в других словарях чаще всего как оттенок значения или же вообще отсутствующая: «4.0. Символическое изображение этого органа (прежде всего как знака любовных чувств) в виде вытянутого по бокам овала, мягко раздвоенного вверху и заострённого внизу. *Кулон в виде сердца. Нарисовать сердце, пронзённое стрелой*».

В отличие от ТСРЯ и БАС, в БУСРЯ как *отдельное* значение выделена информация «гнев, раздражение» (в указанных словарях она подавалась как оттенок значения); следует отметить, что описание этого значения, в отличие от двух указанных словарей, не снабжено никакой стилистической пометой (в ТСРЯ использована помета *устаревшее*, в БАС – *разговорное*). И наконец, принципиально важно, что в БУСРЯ толкование данного значения сопровождается информацией **культурологического** характера (**культурно значимой** информацией): «5.0. … Гнев, раздражение (**связано с тем, что сердце в древности считалось вместилищем гнева**). *Унять сердце. Сорвать сердце на ком-либо. Не держать сердца на кого-либо. Сказать что-либо с сердцем*» (выделено мною. – Х. Ч.) [БУСРЯ, С. 1072], что позволяет сделать вывод о присутствии в описании значения лексемы *сердце* в рассматриваемом словаре *культурной* составляющей.

Это утверждение подтверждается присутствием в БУСРЯ информацией, которую авторы квалифицируют как **культурологическую** и/или **страноведческую**, вынося её в отдельный блок словарной статьи. Этот блок

располагается за перечнем фразеологических единиц с компонентом *сердце*, который следует за описанием семантики номинации (всех её значений и оттенков); фразеологический фонд с компонентом – толкуемым словом отделяется в словарной статье традиционным для толковых словарей знаком – *ромбом*. Помимо этого, авторы словаря вводят в систему условных обозначений своего лексикографического источника ещё один знак – «светло-тёмный кружок», представляющий особый интерес для нашего исследования. Этот знак характеризуется как «знак, вводящий **культурологический и/или страноведческий комментарий**» (выделено мною. – Х. Ч.) [БУСРЯ, С. 19]; в интересующей нас словарной статье под ним содержится следующая информация:

«**Какой светильник разума погас** (**угас**), | **Какое сердце биться перестало** *высок.* – о кончине великого, выдающегося человека (из стихотворения Н. А. Некрасова «Памяти Добролюбова», 1864). **Майский день, именины сердца** – *см.* **день**. **Память сердца** – *см.* **память**. **О память сердца!** | **Рассудка памяти печальной** – *см.* **память**. **Выпьем с горя! Где же кружка?** | **Сердцу будет веселей** – *см.* **выпить**. **Главное, ребята, сердцем не стареть** – *см.* **ребята**. **Глаголом жечь сердца людей** *высок.* – о поэте, писателе: воздействовать на души людей, взывать к их лучшим чувствам, влиять на их настроения (их стихотворения А. С. Пушкина «Пророк», 1828). **Ужасный век! Ужасные сердца!** – *см.* **век**. **Вместо сердца – пламенный мотор** – *см.* мотор. **Москва… Как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нём отозвалось**! – *см.* **много**» [БУСРЯ, С. 1073].

В связи с задачами нашей диссертационной работы целесообразно привести и контексты с компонентом *сердце* рассматриваемого источника, на которые делаются ссылки в словарной статье, посвящённой объекту нашего исследования – лексеме *сердце*.

«**Майский день, именины сердца** – *шутл. или ирон.* – о чём-то особенно приятном, радостном; об очень хорошем настроении (фраза Манилова, персонажа поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души», 1842)» [БУСРЯ, С. 242]; «**О память**

сердца! | Рассудка памяти печальной *высок.* – всё связанное с жизнью души, эмоционально пережитое сохраняется в воспоминаниях дольше, ярче, сильнее, чем воспринятое исключительно рационально, умом (их стихотворения К. Н. Батюшкова «Мой гений», 1816). **Память сердца** *высок.* – об эмоциональных, чувственно окрашенных впечатлениях, воспоминаниях (выражение возникло на основе вышеприведённой цитаты)» [БУСРЯ, С. 751]; «**Выпьем с горя! Где же кружка? | Сердцу будет веселей** – употребляется в качестве шутливого предложения выпить спиртного (из стихотворения А. С. Пушкина «Зимний вечер», 1825)» [БУСРЯ, С. 166]; «**Главное, ребята, сердцем не стареть** – призыв сохранять бодрость и оптимизм, несмотря на разрушительное влияние времени (из одноимённой песни А. Н. Пахмутовой на слова С. Т. Гребенщикова и Н. Н. Добронравова)» [БУСРЯ, С. 1066]; «**Ужасный век! Ужасные сердца!** *книжн.* – употр. для указания на то, что какой-либо эпохе свойственны крайне суровые, жестокие нравы (из маленькой трагедии А. С. Пушкина «Скупой рыцарь»)» [БУСРЯ, С. 90]; «**Вместо сердца – пламенный мотор** *шутл.* – об исключительно деятельных, неукротимых в достижении своих целей людях (из песни Ю. Хайта на стихи П. Германа «Авиамарш», 1920)» [БУСРЯ, С. 551]; «**Москва… Как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нём отозвалось!** *высок.* – об особом историческом значении Москвы, столицы России, для каждого русского, для каждого гражданина (из романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин», 1823 – 1832)» [БУСРЯ, С. 540].

Даже при поверхностном знакомстве с информацией, помещённой в словарной статье «Сердце» и других словарных статьях «Большого универсального словаря русского языка» (см. цитаты выше), становится очевидным её **культурно значимый характер**: в данном случае мы наблюдаем **прецедентные** для носителей русской лингвокультуры **тексты**, в большинстве случаев имеющие своими источниками широко известные произведения русских писателей-классиков (прежде всего – А. С. Пушкина, а также Н. В. Гоголя,

Н. А. Некрасова, К. Н. Батюшкова), в которых, безусловно, в той или иной мере зафиксировано и **национально-культурное** своеобразие русского языка.

Примечательно, что часть этих прецедентных текстов приобрела *высокую* стилистическую окраску, что свидетельствует об их значительном эмоциональном и, как правило, духовно-нравственном потенциале, бесспорно расширяющем собственно языковые значения номинации *сердце*. Любопытны и прецедентные тексты с иной – *шутливой* и/или *ироничной* стилистической окрашенностью (например, *Вместо сердца – пламенный мотор*), – которые закрепились в речевом функционировании, нередко «пережив» литературные источники, где они впервые были употреблены (как, в частности, появившаяся в 1920 году песня Ю. Хайта на стихи П. Германа «Авиамарш», где приведённая ставшая «крылатой» фраза прозвучала впервые).

Важную роль в актуализации **культурно значимой информации**, накопленной лексемой *сердце* в результате многовекового функционирования, сыграли не только комплексные словари, но и **энциклопедические** словари нового типа, которые в связи с задачами той или иной гуманитарной сферы либо нескольких таких сфер, подают информацию об описываемом понятии (феномене) отлично от традиционных принципов описания лексического материала.

Таковы, в частности, **словари символов**, появившиеся в конце XX и начале XXI столетий, ставящие своей основной задачей выявление и интерпретацию *символических* характеристик слова, их классификацию, а нередко и *сопоставление* выявленных характеристик в контексте различных культур, что представляет безусловный интерес как для лингвокультурологии, так и для других дисциплин, изучающих взаимодействие языка и культуры. Так, к примеру, в одном из **словарей символов**, созданном зарубежным автором – Дж. Тресиддером, находим:

«**СЕРДЦЕ**. **Символический источник переживаний – любви, сострадания, отзывчивости, радости или горя, но также источник душевного просветления, истины и интеллекта**. Часто оно приравнивалось к душе. Многие

древние культуры не делали различия между чувствами и мыслями. Человек, который «позволяет сердцу управлять головой», считался скорее разумным, чем глупым. Символически сердце было солнцем для тела, оживляющим всё. Ритуальное воплощение этого верования – жертвоприношение ацтеками тысяч сердец каждый год для восстановления силы солнца. Как символ наиболее важного в человеческой жизни, сердце оставляли в мумифицированных телах умерших египтян. Его должны были взвешивать в загробном мире, чтобы определить, отягощено ли оно преступлениями или достаточно лёгкое, чтобы попасть в рай.

Во многих религиях сердце – эмблема истины, совести и моральной смелости: храм или трон Бога в исламской, иудейской и христианской религиозной мысли; божественный центр или atman третий глаз трансцендентной мудрости в индуизме; бриллиант чистоты и сущность Будды; центр понимания в даоизме. «Жертвенное сердце» Христа стало предметом поклонения в римской католической церкви, как символ спасительной любви Бога. Иногда оно изображается с короной из тёрна как символа Распятия. Сердце, увенчанное тёрном, также эмблема ордена иезуитов Игнатия Лойолы, в то время как горящее сердце – атрибут ордена святого Августина и Антония Падуанского. Сердце в огне – ключевой символ для ревностных христиан, но в искусстве также атрибут милосердия и грешной любви – как в живописи эпохи Ренессанса греческая богиня Афродита (в римской мифологии Венера). Сердце, пронзённое стрелой Эроса (Купидона), – другая тема Ренессанса, ставшая мотивом Дня святого Валентина – праздника в середине февраля, который имеет скорее языческие, чем христианские корни. В иконографии сердце изображалось в форме вазы или представлялось графически перевёрнутым треугольником, символизируя сосуд, куда попадает и где хранится любовь; в этом смысле оно связано со Святым Граалем» (выделено мною. – Х. Ч.) [Тресиддер 1999, С. 330 – 331].

В данном случае мы наблюдаем представленную в лексикографическом источнике информацию исключительно энциклопедического свойства, трактуемую автором словаря с явным акцентом на конфессиональных установках

различных религий, которые, как явствует из приведённого текста, оказали довольно существенное влияние на формирование у понятия *сердце* символического содержания. При этом славянская культура, как и православная ветвь христианства, автором словаря особо не выделяется среди других. Однако помещённые в словаре сведения позволяют сделать вывод о том, что осмысление феномена *сердце* в различных культурах и в разные эпохи нередко осуществлялось по сходным линиям, что отразилось в том числе и в свойственных сегодня лексеме *сердце* значениях как в русском, так и в других языках (ср., в частности, выделенную в словарной статье информацию со значениями, отмеченными толковыми словарями русского языка у слова *сердце*).

Если словари символов сообщают об интерпретируемом понятии по большей части сугубо энциклопедическую информацию (а иногда – исключительно сведения подобного рода), то подготовленный и изданный на рубеже XX – XXI веков пятитомный **этнолингвистический** словарь «Славянские древности» под общей редакцией выдающегося славянского этнолингвиста Н. И. Толстого соединяет в себе *энциклопедическую* (прежде всего – *этнографическую*) информацию с *лингвистической*, позволяя существенно углубить и расширить последнюю – именно в этом заключается в первую очередь его несомненная ценность для исследований как собственно языковедческих, так и *лингвокультурологических*.

Толкование любого понятия, включённого в данный справочный источник, производится в первую очередь с опорой на фольклорное творчество, верования, народные традиции, обычаи, своеобразие уклада жизни, организации быта и т. д., т. е. на **этнографические** и тесно связанные с ними **культурные** особенности разных национальных коллективов. Так, в частности, *сердце* представлено в этнолингвистическом словаре как «средоточие эмоционально-чувственной жизни человека, вместилище любви, тоски, веры, страха и т. д. В фольклоре и верованиях в сердце насылают огонь, слова, сухоту, тоску, его рассекают топором, поражают стрелой, раскрывают, вырывают из тела, оковывают

железными обручами, запирают на ключ, студят и т. д.» [Славянские древности 2009, С. 258].

При этом очевидна опора этнолингвистического словаря на лингвистическое содержание осмысливаемого понятия – в частности, на «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, об этнографической составляющей которого уже говорилось выше; ср., в частности: «Согласно народной анатомии, сердце находится в груди, в середине, в центре организма. Локализация сердца внутри человеческого тела и, в частности, в животе или «середине» (ср. *сердце* – *середина*, полес. *середина* – ‘внутренние органы’) приводит к тому, что сердце понимается шире, чем конкретный орган, и является синонимом утробы вообще. По Далю, «народ нередко *сердцем* зовёт ложечку, подложечку, подгрудную впадину, повыше желудка, где брюшной мозг, большое сплетение нервов… Вещественно, *сердце* принимает иногда значенье: нутро, недро, утроба, средоточие, нутряная средина» (Даль, s. v. Сердце)» [Славянские древности 2009, С. 258].

Но, конечно же, наиболее ценной информацией в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» оказывается именно информация **этнокультурного** характера, которая выявлена составителями этого издания в результате тщательного исследования значительного корпуса текстов, зафиксировавших осмысление сердца в коллективном языковом, прежде всего народном сознании, ср. следующие фрагменты: «В русских рукописных заговорах, адресуемых властям и начальникам, встречается образ «материнского сердца», символизирующий защищённое пространство и дающий человеку желанное укрытие от жизненных невзгод; «Укроти, Господи, у раба Божия, господина моего имрак (sic!), ретивое сердце с печенью и с горячею кровию, что … принимал бы к себе матерним сердцем и всею жалостию своею (Топор. ЗРРТ: 290 – 291)» [Славянские древности 2009, С. 259]; «Русские рукописные заговоры моделируют образ протагониста и его противника, в том числе за счёт противопоставления их сердец: «И буди у меня, раба Божия, сердце мое – лютаго зверя льва, гортань моя, челюсть – зверя волка порыскучаго. Буди у супостата,

моего властелина (и.р.) сердце заячье, уши его тетерьи, очи его – мертвого мертвеца…» (Ефим. МЭА 2: 154, № 10, архангел.). В болгарском эпосе мощь юнака (богатыря) объясняется тем, что у него каменное сердце или 3 – 7 – 9 или более сердец. Силу юнаку придают и живущие в его сердце змеи. В русских похоронных причитаниях сердце испытывает отрицательные эмоции: оно болит, дрожит, крушится, обмирает, пугается, щемит, предчувствует несчастье, ему тяжелешенько, его тяготит заботушка. По новгородским поверьям, перед тем как опустить мертвеца в могилу, родственники тёрли ему грудь землёй, «чтобы сердце не тосковало» (Новгородский сб. 1865/1; 285)» [Славянские древности 2009, С. 260].

Представление о своеобразии восприятия *сердца* носителями русского языка, которое сформировалось на протяжении многих веков, дополняется и информацией, содержащейся в духовной литературе, на что также указывает справочник «Славянские древности», ср. в частности: «В русских духовных стихах, в соответствии с Новым Заветом, сердце осмысливается как орган любви к Богу; оно наполнено **состраданьем, радостью духовной, умилением** и т. п.» (выделено мною. – Х. Ч.) [Славянские древности 2009, С. 260]. Такого рода информация необыкновенна важна при установлении места того или иного понятия в национально-культурной картине мира носителей определённого языка, в конкретной лингвокультуре.

Информация о понятии *сердце*, содержащаяся в этнолингвистическом словаре, позволяет не только дополнить и уточнить семантический объём лексемы *сердце* в современном русском языке, но и осмыслить её как в **ретроспективном** (лучше понять те значения, которые уже имеют в настоящем определённые ограничения либо «затемнены» течением времени), так и отчасти в **проспективном** планах (например, предположить динамику развития тех или иных значений понятия в будущем).

Так, например, приводимая далее информация позволяет существенно дополнить представление об одном из значений лексемы *сердце* в современном русском языке (’сердце как средоточие настроений, переживаний человека, как

символ его внутреннего мира′) – ср.: «Сердце считается *источником и вместилищем всех эмоциональных состояний* человека. В фольклоре восточных славян сердце обычно называют ретивым, т. е. скорым на самые разные чувства и их проявления: «Смой с р. Б. и. р. тоску, испуг… из ясных очей, из слушных ушей, из ретивого сердца, тёплого рта, горячей крови» (Проц. ЗНМ, № 266, дон.); а также *шчирым* (искренним, отрытым) и *широким*. С сердцем связывается доброта и широта души, ср. рус. *от всего сердца* ‘о подарке, пожелании’» [Славянские древности 2009, С. 260].

Ещё одно из современных значения номинации *сердце* (’сердце как символ любовных чувств, любовной склонности, привязанности′) также существенно дополняет содержащаяся в этнолингвистическом словаре информация: «Сердце воспринимается как источник любовного чувства. В заговорах-присушках восточных и южных славян любовь насылают в сердце, как огонь, отчего сердце должно гореть, таять, кипеть, сохнуть, например: «Как горит щепка в огне, так бы горело сердце (имярек) по мне (имярек)»; «Коль жаром в сем горне золотом уголье дубовое, толь бы жарко таяло сердце у … рабы (имярек) по мне, рабы (имярек)» (Олонецкая губ., XVII в.); «… так бы обо мне – муже – у красной девицы сердце кипело кровью горячей …» (Пермская губ., нач. XX в.). В вятской присушке девушка насылает на мужчину тоску, а потом запирает его сердце 12-ю ключами и замками: «Заперла его сердце, а ключи взяла к себе». В народной лирике сердце обычно томится, болит, млеет и т. д. В связи с темой любви и брака ср. также выражения **сердце моё, друг сердечный мой** как обращение любящих друг к другу, проторить дорожку к сердцу ‘добиться взаимности’, изображение сердца на свадебном знамени (чеш.), свадебные пряники или украшения для каравая в форме сердца и т. д.» [Славянские древности 2009, С. 261].

Этнолингвистическая информация позволяет ретроспективно осмыслить и значения многих **фразеологизмов** с компонентом *сердце*, в известной степени «пролить свет» на формирование их семантики, которая в современный период воспринимается как уже готовое, не всегда понятное современному носителю языка содержание (фразеологизмы, как уже отмечалось, необыкновенно важны

для воссоздания культурного «облика» какой бы то ни было номинации), ср.: «В славянских языках и верованиях сердце предстаёт *подвижным органом*, способным перемещаться внутри тела и даже выходить за его пределы, ср. такие выражения, как рус. *сердце не на месте*, *сердце в пятки ушло*, *того и гляди сердце выскочит*, *сердце отошло*, *отходчивое сердце* (‘о прекращении гнева’) (Толстая // ТРК: 55). Здоровым считалось сердце, устойчивое к негативным эмоциям, а также к зловредному влиянию, поэтому, например, в заговорах сердце описывалось не подверженное порче и сглазу: «Тело – камень, сердце – булат, раба Божьего и. р. никому не изругать» (РЗЗ, № 297, вят.) [Славянские древности 2009, С. 259].

Опора на этнокультурное содержание, связанное с тем или иным понятием, позволяет в том числе и отчасти восстановить путь, по которому шло формирование *переносных* значений у различных номинаций; к примеру, приводимая далее информация проясняет, каким образом сформировались переносные значения лексемы *сердце*, которые реализуются в таких словосочетаниях, как *заячье сердце*, *воробьиное сердце* и под.: «В магии широко применялись сердца различных животных. У восточных славян при падучей больному привязывали к руке или даже заставляли съесть сердце только что убитого животного: волка, крота, глухаря и т. д., чтобы вызвать отвращение, «напугать» болезнь и прервать приступ (Валод. ЦЧ: 255; ПА). Верили, что, если муж, подозревавший жену в измене, приложит к левому боку спящей жены совиное сердце, она не сможет ничего утаить от него (рус.). По поверьям, съевший сердце змеи научится понимать язык растений (пол.) или получит необыкновенную силу (серб.), сердце ворона – станет вороном (укр.), сердце медведя – избавится от всех болезней (рус.). Сербы носили при себе сердце ежа как оберег от болезней; лужичане, чтобы выиграть в карты, привязывали на правую руку сердце летучей мыши и т. д.» [Славянские древности 2009, С. 262].

Начало XXI века ознаменовалось ещё одним чрезвычайно важным для истории русской лексикографии событием – выходом в 2014 году двухтомного «Словаря русской ментальности», подготовленного В. В. Колесовым, Д. В. Колесовой и А. А. Харитоновым. В этом словаре, как отмечено в аннотации

к данному изданию, «на основе высказываний авторитетных русских писателей, философов и общественных деятелей воссозданы **национальные особенности русской материальной, духовной и культурной среды** на фоне европейских культурных ценностей, с которыми они пересекаются. Ментальные отличия и сходства культур даны через аналитическое описание русских концептов в их содержательных формах (образ – понятие – символ), отражающих происхождение и развитие народного мировосприятия, этики и культуры; определены культурные влияния и их последствия (как благотворные, так и нежелательные). <…> **Широта привлечённых текстов и многовековой опыт их лексикографической обработки** обеспечивает необходимую точность и объективность определений и комментариев» (выделено мною. – Х. Ч.) [Колесов 2014].

Очевидно, что подобного рода справочный источник (в настоящее время являющийся *уникальным* собранием текстового материала, отражающего национально-культурное мировосприятие носителями русского языка множества ключевых понятий) однозначно послужит существенным, а в ряде случаев – необходимым дополнением для установления содержащейся в языковых единицах культурно значимой информации, которая может быть извлечена из воплощающих национальную русскую культуру художественных и иной принадлежности текстов. Для решения задач, поставленных в нашем исследовании, «Словарь русской ментальности» имеет необыкновенно важное значение, позволяя значительно расширить и уточнить имеющуюся в различных источниках лингвистическую информацию о лексеме *сердце* культурно значимой информацией, которая сформировалась в процессе осмысления данного понятия в текстах различной стилевой и жанровой принадлежности, вышедших из-под пера представителей русской философской мысли, культуры и искусства и т. д.

Трактовка понятия *сердце* в «Словаре русской ментальности» производится, во-первых, с очевидной установкой на актуализацию его **духовной** составляющей, во-вторых – с безусловной опорой на информацию, которая содержится в авторитетных лингвистических лексикографических источниках

(это делает её особенно ценной для решения поставленных в нашей работе задач): «**СЕРДЦЕ** – середина, средоточие, источник и символ нравственных (духовных) **качеств человека – любви, воли, страсти**; а также чувств, переживаний, настроений, составляющих его душевный мир.

Проявление духовного нравственного начала в противоположность умственному (разум, рассудок), что находит выражение в гамме разнообразных чувств от сострадания, участия, жалости, сочувствия (*милосердный, сердечный, сердобольный*) до гнева, негодования (*в сердцах*), злобы, ожесточения (*сердитый, жестокосердный, бессердечный*), проявляющихся в симпатиях (*по сердцу*) и антипатиях (*скрепя сердце*), пристрастиях (*сердцеед*) и предпочтениях («что к огню ближе – то жарче, что к сердцу ближе – то больнее»; «рад бы сердцем, да душа не принимает»). …

Сердце бескорыстное, беспокойное, бесстрашное, благородное, великодушное, встревоженное, горячее, доброе, доверчивое, жаркое, жёсткое, звериное, каменное, ласковое, лукавое, мужественное, мятежное, неистовое, неугомонное, огненное, огромное, отважное, отзывчивое, открытое, пламенное, порывистое, преданное, пылкое, ретивое, русское, своевольное, святое, страстное, суетное, трепетное, удалое, храброе, человеческое, честное, чистое, чуткое, щедрое» [Колесов 2014, С. 235].

При этом словарь подаёт сведения о лингвистических характеристиках слова-понятия *сердце* не только в *синхронном* (как это свойственно большинству толковых словарей), но и в *диахроническом* аспекте, что позволяет проследить не только логику формирования лингвистического облика слова на протяжении его функционирования в языке и речи, но и отчасти понять причины изменений этого облика (утраты или появления тех или иных значений или их оттенков; изменений стилистической окрашенности и т. д.). В словаре информация подобного рода помещена отдельными блоками словарной статьи, ср.:

«***Общеславянский*** с уменьшит. суффиксом *-ьц-* ‘серединочка’; др. рус. ‘сердце как символ души’ (980), ‘центр, середина; глубина чего-л.’ (1073),

‘сердце’ (1097), ‘гнев, раздражение, ярость’ (1147), ‘сердцевина (растения)’, ‘средоточие, важнейшая часть чего-л.’ (1675).

Диал. ‘гнев, раздражение, злоба’; жарг. ‘двигатель’» (выделено мною. – Х. Ч.) [Колесов 2014, С. 235].

Однако в первую очередь «Словарь русской ментальности» ценен собранными в нём текстами, в которых зафиксированы разнообразные варианты **индивидуально-авторского** осмысления понятия *сердце* в трудах русских и славянских философов, авторов духовных сочинений и известных русских писателей, отразивших в своих произведениях особенности национально-культурного мировосприятия этой номинации, ср., в частности, произведения каких авторов отобраны для помещения в этот источник: «Мы говорим и думаем попросту и попросту поступаем: если поссоримся, то снова и помиримся; у них [иноземцев] сердце – скрытое, неискреннее, ядовитое, и лицо – обманчивое, и обидное слово, кое им скажешь, до смерти не забудут; если однажды с тобою поссорятся, вовеки по-настоящему не помирятся, но и после примирения всегда ищут случая, чтобы отомстить (**Крижанич**). * Глава в человеке всему – сердце человеческое. Оно-то и есть самый точный в человеке человек, а прочее всё околица… Ибо что есть в человеке голова, если не сердце?.. А ты доселе не знаешь, что сердце есть мыслей бездна? А мысли – семена и источник действиям?.. Если сердце может тайно говорить, можно ему тайно и смеяться (**Сковорода**).

Есть люди, которые умом создают себе сердце, другие – сердцем создают себе ум; последние успевают больше первых, потому что в чувстве гораздо больше разума, чем в разуме чувств (**Чаадаев**). * Ум, одолевший собственные сомнения, не делает сердце равнодушным к чужим заблуждениям (**Вл. Соловьёв**). * Сердце человека – высшее его сокровище, и именно это сокровище он должен отдать своей родине. Остальное – второстепенное (**С. Трубецкой**). * В индоевропейских языках слова, выражающие понятие «сердце», указуют корнем своим на понятие центральности, серединности. Сердце есть средоточие многообразных душевных чувствований. Наконец, сердце

есть средоточие нравственной жизни человека. Сердце – не аллегория, а тавтогория (**Флоренский**). * [У русских] сердце преобладало над умом и волей… В морализме этом преобладает расплывчатая душевность, размягчённая сердечность, часто очень привлекательная, но не чувствуется мужественной воли, твёрдости характера … На этой же почве рождается и давно известная слабость русской воли, русского характера… Одинаково восстают против «отвлечённой мысли» и требуют мысли нравственной, имеющей существенное практическое применение в жизни (**Бердяев**). * Чисто теоретическая работа духа, хотя и одушевляется всегда идеалом «объективности», не может быть оторвана от нашего сердца, наших чувств исканий, нашего внутреннего состояния… Если сердце живёт неизменной жизнью, то это отзывается на тех или иных действиях интеллекта… необходимость сочетать в некоем единстве познание факта и познание нормы для данного бытия есть, конечно, лишь следствие неотрываемости друг от друга путей познания («умом» и «сердцем»). Ум констатирует, сердце оценивает – так можно было бы описать эти две разошедшиеся познавательные силы (**Зеньковский**)» (выделено мною. – Х. Ч.) [Колесов 2014, С. 235 – 236].

Весомую часть приведённых в словарной статье «Сердце» текстов составляют в «Словаре русской ментальности» выдержки из художественных произведений русских писателей-классиков: «Может, из этой самой «свободной» жизни тянет в ту, «кабальную» крестьянскую жизнь подсознательно, не умом, а самым чутким инструментом, название которому – сердце? Может, сердце-то наше там и осталось, и оттого мы так бессердечны, так равнодушны ко всем и ко всему (**В. Астафьев**). * Русское сердце – всегда огненное, всегда любящее, всегда удалая жизнь – молодецкая (**Каменский**). * Коль скоро мысль объясняет и очищает действие от запутывающих его примесей, сердце не может не растворяться и не оправдывать. *Преступники* исчезают; их место занимают *несчастные*, и по поводу этих *несчастных* горит, томится и взывает добрая человеческая душа (**Салтыков-Щедрин**).

Мужайся, сердце до конца: И нет в творении Творца! И смысла нет в мольбе! (**Тютчев**). * Сердце – лёгкая птица забвений В золотой пролетающий час (**Блок**). * Золотое сердце России Мерно бьётся в груди моей (**Н. Гумилёв**). Голова до прелести пуста, Оттого что сердце слишком полно!.. Я знаю: не сердце во мне – сердцевина (**Цветаева**). * Сердце полно вдохновенья, Небо полно красоты! (**А. К. Толстой**). * Полвека прожил так Наум И не тужил нимало, Работал в нём житейский ум, А сердце мирно спало… То сердце не научится любить, Которое устало ненавидеть (**Н. Некрасов**), * И пока мы рыщем в поисках Рая, Некто, смеясь и играя, Бросает нам в сердце пригоршни огня (БГ).

Слушай своё сердце, и что в нём простонет, про то и говори (**Лесков**)» (выделено мною. – Х. Ч.) [Колесов 2014, С. 237].

В «Словаре русской ментальности» при характеристике ментальных особенностей понятия *сердце* широко представлена и его **религиозная** трактовка как неотъемлемая составляющая **духовного** содержания. Эта составляющая раскрывается с опорой не только на собственно религиозные, культовые тексты, в частности Библию, но и на тексты наиболее авторитетных учёных-теологов и писателей, создавших произведения, принадлежащие к духовной литературе: «**Во всех священных книгах и у всех боговдохновенных писателей** сердце человека рассматривается **как средоточие всей телесной и духовной жизни человека**, как существеннейший орган и ближайшее седалище всех сил, отправлений, движений, желаний, чувствований и мыслей человека со всеми направлениями и оттенками... **Сердце есть хранитель и носитель всех душевных сил человека**… в сердце зачинается и рождается решимость человека на такие или другие поступки: в нём возникают многообразные преднамерения и желания; оно есть седалище воли и её хотений… когда мы делаем что-нибудь охотно, то наш поступок происходит от сердца. Кого мы любим, тому отдаём наше сердце… того мы имеем в нашем сердце… Уразуметь сердцем – значит понять; познать всем сердцем – понять всецело. *Кто не умеет сердцем разумети, у того нет очес видети и ушес слышати*… Всё, что приходит нам на ум или на память – всходит на сердце… Как слово есть явление или выражение мысли, то и оно износится из

сердца… И как мышление есть разговор души с собою, то размышляющий ведёт этот разговор в сердце своём… **Сердце есть средоточие многообразных душевных чувствований, волнений, страстей**. Сердцу усвояются все степени радости, от благодушия… до восторга и ликования перед лицом Бога; все степени страстей, от печального настроения … до сокрушающего горя… все степени вражды, от ревнования и горькой зависти… до ярости… от которой сердце его разгорается местию; все степени недовольства, от беспокойства, когда сердце смущает человека, до отчаяния, когда оно отрекается от всяких стремлений; наконец, все виды страха, от благоговейного трепета до подавляющего ужаса и смятения… **В сердце соединяются все нравственные состояния человека, от высочайшей таинственной любви к Богу … до того высокомерия, которое, обожая себя, полагает своё сердце яко сердце Божие и говорит: аз есмь Бог.** По различию нравственных недугов, сердце омрачается, одебелевает, делается жёстким, каменным, нечеловеческим, звериным. Есть сердце лукавое, сердце суетное, сердце неразумное. Сердце есть исходное место всего доброго и злого в словах, мыслях и поступках человека, есть доброе или злое сокровище человека: благий человек от благого сокровища сердца своего износит благое: и злой человек от злого сокровища сердца своего износит злое… лучшие философы и великие поэты сознавали, что сердце их было истинным местом рождения тех глубоких идей, которые они передали человечеству в своих творениях (Юркевич).

В этом смысле сердце – вещун: оно безотчётно видит всё, чего не видит и не знает ум (Кавелин). * По латыни *cordatus homo* означает не «сердечного человека», а разумного человека. Индусские мистики помещали дух человека, его истинное Я в сердце, а не в голове. И в Библии сердце встречается на каждом шагу. По-видимому, оно означает орган всех чувств вообще и религиозного чувства в особенности. **Библия приписывает сердцу все функции сознания: мышление, решение воли, ощущение, проявление любви, проявление совести: больше того, сердце является центром жизни вообще – физической, духовной и душевной**. Оно есть центр прежде всего, центр во всех смыслах. Так, говорится о «центре земли», о «сердцевине дерева» (Мф. 12: 40). Естественный

вопрос: не есть ли это выражение «сердце» в таком случае как раз то самое, что в психологии хорошо известно как принцип единства сознания?.. можно сказать о сердце: оно есть тайный центр человека: оно «безмолвствует», апофатически утверждая свою глубину: в нём скрыта нетленная красота духа, подлинная красота; и этот нетленный духовный центр есть абсолютная ценность… Сердце есть центр любви, а любовь есть выражение глубокой сущности личности. Мы любим не умом и не познанием, а сердцем… «Сердце» как центр кровообращения есть реальный символ живого организма как целого… «Сердце есть таинственная и непонятная ось, которая пронзает и держит духовную и телесную жизнь человека. Телесное сердце никогда не есть только «плоть», а всегда есть воплощение, ибо биение его имеет духовное значение: оно нечто выражает в своём движении и нечто вносит в этот мир – любовь или ненависть, повторение старого ритма или рождение нового… Сердце есть истинная, сокровенная самость человека («сокровенный сердца человек»), имеющая вечное значение («Бог вложил человеку вечность в сердце»), бессмертная, нетленная… Сердце есть умное видение, но вместе с тем и умное делание… постигает, созерцает и усматривает вовсе не один интеллект: постижение шире, чем мышление, чем интеллектуальное познание. Сердце есть тоже орган постижения, оно постигает многое, что недоступно интеллекту, постигает «святость», красоту, ценность… Ибо ум в конце концов укоренен и центрирован в сердце, так как личность имеет единый сокровенный центр… С другой стороны, сердце не только узревает и постигает, – оно стремится, избирает, любит и ненавидит. Сердце есть центр свободы. Только так можно объяснить, что из сердца исходит как добро, так и зло, как ненависть, так и любовь (Вышеславцев).

Сердце, интуиция и совесть – самое дальнозоркое, что есть у нас, это уже не наш личный опыт, но опыт поколений, донесённый до нас (Ухтомский). * Мы поймём, что успокоить одно встревоженное сердце, утолить чью-нибудь тоску – это больше и выше, нежели самое блестящее открытие или удивить мир ненужным подвигом (Розанов). * Нельзя человеку прожить без любви, потому что главное и драгоценное в его жизни открывается именно сердцу… Есть только

одно истинное «счастье» на земле – пение человеческого сердца… Когда я произношу простое и живое слово «сердце», я напоминаю тем самым о самой лучшей и самой точной мерке русской души и русской культуры; ведь русский человек живёт под знаком своего сердца даже тогда, когда «из сердца исходят злые помыслы», которые его «оскверняют» (Мф. 15: 19 – 20). Во всяком случае, не обращаясь к его чувствам – *sensorium*, его нельзя ни узнать, ни понять (И. Ильин)» (во всех случаях выделено мною. – Х. Ч.] [Колесов 2014, С. 236 – 237].

Примечательно, что среди текстов «Словаря русской ментальности», в которых функционирует понятие *сердце*, присутствуют и фрагменты из произведений **зарубежных** авторов – ср., в частности: «Будет переходом не в иную физически-космическую область, а вовнутрь человека, в его сердце: тогда это будет «глубина души» (**Гвардини**). * Сердце, не знающий устали механизм предпочтений и отвращений, поддерживает нашу личность (**Ортега-и-Гассет**)» (выделено мною. – Х. Ч.) [Колесов 2014, С. 237].

Помимо научных (философских, теологических и т. д.) и художественных произведений, авторы «Словаря русской ментальности» привлекают для всестороннего раскрытия сути понятия *сердце* и специальные лингвистические исследования, например: «♦ В отличие от современного русского языка, где центральную роль в системе внутреннего мира человека играет душа, для древнерусской культуры подобную функцию выполняло сердце, что определяется наибольшей частотностью употребления имени и наиболее широким спектром функций, которые оно выполняло… В значении ‘центр мышления’ *сердце* к XIX в. перестаёт быть синонимом ума и обозначает особый тип мышления – нелогичный, интуитивный; существует разница между *сердцем* как ‘центром чувств’ и *сердцем* как ‘средоточием личности человека’. Второе значение шире, отражает внутреннюю сущность человека и может быть заменено синонимом *душа* или *человек*… *Сердцем* также может быть назван общий национальный характер, дух народа (**Концепты**; **Концепты-2**)» (выделено мною. – Х. Ч.) [Колесов 2014, С. 237].

Заключается словарная статья, посвящённая понятию *сердце* в «Словаре русской ментальности», своеобразным резюме, в котором обобщена **культурно значимая** информация, сформировавшаяся в результате употребления данной номинации в значительном корпусе контекстов, многие из которых принадлежат к **прецедентным** для носителей русского языка **феноменам**. При этом все привлечённые тексты в той или иной степени расширяют собственно семантику употребляемого понятия, добавляя определённые смысловые нюансы к его языковым значениям, ср., в частности: «*Сердце* – сложный символ культур. Как символ жизни, *сердце* рисуется красной или розовой краской, а это цвет крови. Как символ божественного мира, скрытого внутри человеческого тела, *сердце* ассоциируется с золотом… *Сердце* считается средоточием жизненных сил и знаний. Именно в сердце вбивают колья колдунам, ведьмам и с ними подобным существам после их смерти… По изъятому *сердцу* гадали о будущем, в метафорах магического воздействия на *сердце* «прочитываются» ситуации любви и действия влюблённых… *Сердце*… центр нравственной жизни, средоточие чувств и эмоций, оно объединяет чувственное и рациональное, природное и культурное, мужское и женское… гармония человека, искренность его поступков, сила и энергия его действий состоит в единении его *сердца* и души... душа символизирует нематериальное начало в человеке, *сердце* земное, вочеловеченное начало. *Сердце* – это сокровенный центр личности. Именно в *сердце* скрыта истинная красота человека, в *сердце* религия видит таинственную глубину, нравственную ценность духа. *Сердце* – образ центра мира, это представление подчёркивает духовный аспект мироустройства. *Сердце* человека есть средоточие всех его качеств и сил… *Сердце* – источник душевного просветления, источник истины, смелости, совести (Пименова). * Паремия *Не стерпело русское сердце* любопытна в том смысле, что она являет собой некую модель мироощущения, в которой понятие «человек» заменяется понятием «сердце» и сердце очеловечивается, т.е. наделяется человеческим характером и поведением… Пословичный материал показывает, что сердце понимается как главный орган, отвечающий за все человеческие чувства… Можно говорить о том, что сердце является символьным знаком

современной цивилизации, хотя при этом оно было и остаётся важным культурообразующим понятием многих этнических культур (Фархутдинова).

Бессердечный или *бессердый* происходит от слова *сердце*; приемлется в смысле безумного, но, кажется, больше значит человека робкого, нетвёрдого, без правил, без честолюбия (бесхарактерный)... бессердечный не привязан к добродетели и мудрости, однако не столько помышляет о вреде другому, сколько не рачит о собственной своей славе и добром имени (А. Шишков).

Сердце – алтарь Бога, насущная необходимость на пути к святости (Идеи в России)» [Колесов 2014, С. 237].

2.2. Словообразовательное гнездо *сердце* в синхронном и диахроническом аспектах: осмысление с лингвокультурологических позиций

Рассмотрение лингвокультурных характеристик лексемы *сердце* было бы неполным без хотя бы краткого анализа аналогичных характеристик у однокоренных со словом *сердце* образований, его **дериватов** – производных слов от корня **сердц-** (в современной интепретации) и **серд-** (при синхронно-диахроническом подходе).

Такого рода слов насчитывается и в современном русском языке довольно много; например, «Морфемно-орфографический словарь» А. Н. Тихонова включает в словообразовательное гнездо «СЕРДЦЕ» следующие единицы (выделяя при этом морфемы, с помощью которых тот или иной дериват образуется):

сердечко | *сердеч/к/о*

сердечник | *сердеч/ник/*

сердечница | *сердеч/ниц/а*

сердечно-сосудистый | *сердеч/н/о/-сосуд/ист/ый*

сердечность | *сердеч/н/ость/*

сердечный | *сердеч/н/ый*

сердечушко | *сердеч/ушк/о*

сердитый | *сердит/ый*

сердить | *серд/и/ть*

сердиться | *серд/и/ть/ся*

сердоболие | *серд/о/бол/и/е*

сердобольничать | *серд/о/боль/н/ича/ть*

сердобольный | *серд/о/боль/н/ый*

сердце | *сердц/е*

сердцебиение | *сердц/е/би/ени/е*

сердцевед | *сердц/е/вед/*

сердцеведка | *сердц/е/вед/к/а*

сердцевидка | *сердц/е/вид/к/а (моллюск)*

сердцевидный | *сердц/е/вид/н/ый*

сердцевина | *сердц/евин/а*

сердцевинный | *сердц/евин/н/ый*

сердцеед | *сердц/е/ед/*

сердцеедка | *сердц/е/ед/к/а*

сердцеобразный | *сердц/е/образ/н/ый*

сердчишко | *сердч/ишк/о*

сердяга | *серд/яг/а* [Тихонов 2002].

Однако, судя по уже упоминаемым и другим лексикографическим источникам, словообразовательное гнездо *сердце* было куда объёмнее в русском языке прежних веков (ещё и в XIX столетии, когда сформировался русский литературный язык в практически его современном состоянии, и тем более – в периоды более раннего его существования).

Рассмотрение таких образований, безусловно, заслуживает отдельного исследования; мы остановимся лишь на тех из них, без которых, на наш взгляд, описание лингвокультурных характеристик рассматриваемого в работе понятия *сердце*, содержащейся в нём **культурно значимой** информации было бы однозначно неполным, а в некоторых случаях и явно недостаточным для создания

сколько-нибудь полного представления о месте номинации *сердце* в русской национально-языковой картине мира.

Существующие толковые словари вмещают в себя различное число дериватов с корнями **сердц-** и **серд-**, родственными исторически; в разных лексикографических источниках им отводится неодинаковое место (либо в рамках одной со словом *сердце* словарной статьи, либо в отдельных описаниях) – это зависит в первую очередь от предпочитаемого составителями или авторами словарей **принципа размещения** толкуемого материала (в частности, *гнездового* или *алфавитного*). Часть из этих образований используется в настоящее время довольно активно, другая квалифицируется как явно *ограниченные в употреблении* (*устаревшие* и т. д.); так, к числу активно функционирующих в современном русском языке принадлежат имя прилагательное *сердечный* и наречие *сердечно*, входящие во все из рассмотренных нами словарей. Наиболее подробно, и к тому с учётом данных большинства интересующих нас словарей, данные дериваты лексемы *сердце* представлены в БАС:

«**Сердечный** … 1. Только в полной форме. Относящийся к сердцу (в 1-м значении). Сердечная мышца. = *В 1893 году на петербургской гигиенической выставке ... был выставлен «сердечный полип, случайно найденный при вскрытии»*. Верес. Зап. врача. … = В составе сложносоставных терминов. *Сердечно-сосудистая система*. = *Сердечно-сосудистая система относится к группе поперечнополосатой мышечной ткани*. Воробьёв. Анат. чел. ‖ Связанный с болезнями сердца (в 1-м значении). *Сердечный удар*. = *Я пришла в очень плохое состояние. Появилась сердечная слабость, глубокое нервное расстройство и сильный отёк ног*. Остр.-Леб. Автобиогр. зап. … ‖ Предназначенный для лечения болезней сердца (в 1-м значении). *Сердечные средства*. = [Профессор-терапевт] *отменил сердечные лекарства*. Кавер. Два капитана. …

2. Только в полной форме. Относящийся к сердцу (в 2-м и 3-м значении). Связанный с чувствами, настроениями, переживаниями человека. *И с грустью тайной и сердечной Я думал: жалкий человек. Чего он хочет*? Лерм. Валерик. – *Мне богатства твои ненадобны, ... а открой ты мне своё горе сердешное*.

С. Акс. Ал. цветочек. – *Погуляла она с весны-то, в начале мая любовник бросил её,…и восплакнула она от сердечной обиды*. М. Горький. В людях. … <> *Сердечное* чувство. *Давно на лире я для друга, В часы свободы и досуга, Сердечных чувств не изливал.* Кольц. Письмо к Д. А. Кашкину. ‖ Связанный с дружескими отношениями, чувством симпатии, общими интересами двух или нескольких человек; близкий. *Сердечные отношения*. *Друга, истинного, сердечного я не имею, а только один друг может жалеть.* Арх. бр. Тург. … *Крюков мог внушать только большое уважение к себе, не внушая сильной сердечной привязанности, ибо в нём было что-то холодное, сдерживающее.* С. Соловьёв, Записки … *Между ними протянулась невидимая, но крепко связавшая их нить сердечной дружбы*. Бабаев, Кавалер Зол. Звезды … = *Сердечный* друг, друг *сердечный*. *Разг*. В обращении к кому-либо. – *Я влюблена – шептала снова Старушке с горестью она. – Сердечный друг, ты нездорова*. Пушк. Е. О. … – *При Михайле Илларионовиче... всё делалось в штабе главнокомандующего. Теперь, друг сердечный, не то*. Никул. России верн. сыны … = *Он точно рад был случаю переменить свои впечатления, .. не говоря уже о том, сколько личного и сердечного заключалось в стремлении его заступиться за Соню*. Дост. Преступл. и наказ. ... *Не было в этих отношениях ничего сердечного и тёплого – всё подтянуто, всё строго на деловую ногу*. Саян. Лена … ~ ***Сердечное согласие.*** Политическое соглашение между Францией, Англией и Россией, заключённое до первой мировой войны; то же, что Антанта (перевод фр. entente cordiale).

3. Отзывчивый, добрый, чуткий. О человеке, его характере. *Сердечный характер. Покорная, тихая была девочка, а уж какая сердечная, любящая! Ты только призадумайся, запечалься, она не отойдёт от тебя*. М. Вовчок, Надёжа . …[Андрей:] *Дорогая моя, моя хорошая, они все добрые, сердечные люди и любят меня и вас*. Чех. Три сестры … *Это была мягкая, сердечная женщина, которая знает, как надо тепло и незаметно прикоснуться к человеку*. Гладк. Энергия ‖ Исполненный задушевности, доброжелательства, чуткости. *Сердечный приём* = [Лариса:] *Ни от кого я не видела сочувствия, не слыхала тёплого, сердечного*

слова. А. Остр. Бесприданница … *Ужин протекал оживлённо, в самых сердечных разговорах*. Г. Марков. Строговы … *В детстве он тоже не испытал сердечного внимания отца*. Гладк. Энергия …

4. Искренний, неподдельный, от всего сердца. *На прошедшей неделе к сердечному моему удовольствию получил письмо ваше*. Арх. бр. Тург. … – *Мне нужен не один умный совет, мне нужен совет сердечный, братский.* Дост. Бел. ночи … *Зал смеялся, но тем тёплым добродушным, сердечным смехом, возбудить который в слушателях – счастье для каждого оратора*. Б.Поев. Очки. <> **Сердечное спасибо, сердечная благодарность**. *Сейте разумное, доброе, вечное, Сейте! Спасибо вам скажет сердечное Русский народ.* Некр. Сеятелям … – *Передайте, пожалуйста, супруге мою сердечную благодарность за ласку.* М. Горький, Жизнь Кл. Самгина … <> *Сердечный* привет, поклон. *Тебе сердечный мой поклон И мой, каков ни есть, портрет.* Тютч. А. А. Фету. *Мои все шлют вам сердечный привет*. Чех. Письмо А. Н. Плещееву … ‖ Исполненный искреннего чувства, трогающий сердце. – *Как заведёт горевой бурлак сердечную песню, да как вступится, грянет вся артель – аж мороз по коже дёрнет*. М. Горький. Детство … [Он] *протянул Василию портсигар и уже другим, сердечным и задушевным тоном задал вопрос*. Николаева. Жатва …

5. Только в полной форме. Любовный (в 1-м значении). *Сердечная история. Сердечная драма*. *Как томно был он молчалив,.. В сердечных письмах как небрежен*! Пушк. Е. О. … *Студенческие годы* [Базарова].., *вероятно, не обошлись без похождений по сердечной части*. Писар. Базаров … *Привязанность Нади не была только сердечным влечением…, в отношении к Виктору у неё что-то есть и иное*. Фурм. В 18-м году … <> *Сердечные* тайны, *сердечные* дела. *Счастливый случай открыл ему сердечную тайну Милославского и прекрасной Анастасии*. Загоск. Юр. Милославский … *Сердечные дела занимали меня в эту зиму довольно много*. Л. Толст. Юность * *Заживали помаленьку сердечные раны её, время забвеньем крыло минувшие страдания*. Печер. В лесах … *Так проходил, средь явственного сна, Все муки и сердечного пожара*. А. К. Толст. Портрет.

6. Любимый, возлюбленный. <> **Сердечный друг, дружок**. *«Сердечный друг, желанный друг, Приди, приди, я твой супруг!»* Пушк. Е. О. … *Всё поклала ненаглядная В короб, кроме перстенька: – Не хочу ходить нарядная Без сердечного дружка!* Некр. Коробейники … <> *Народно-поэт. Мил-сердечный* друг. Ах, как было ей горько и тошно, особенно вспоминаючи любовные речи Акинфия Назарыча… Где-то он теперь, мил-сердечный друг? Мам.-Сиб. Золото … = *Сердечный …*, *сердечная …* в знач. сущ. *Разг.* Возлюбленный, возлюбленная; любимый человек. *Грустен путь пред тобой, путь в степи голубой без сердечного.* Вяз. Что мой светик… [Лиза:] *Однако велено к сердечному толкнуться*. Гриб. Горе от ума …

7. *Сердечный* и *сердешный*. *Разг.* Родной, родимый, милый (при упоминании о ком-либо с оттенком ласки, сострадания, жалости). – *Ведь вот, право, сердечный этот Семён-то Иванович, покойник, троих детей, говорят, оставил – мал мала меньше*. Дост. Двойник … – *Знаю я, ох знаю житьё ваше сиротское, сердечная вы моя барынюшка*! М. Горький, Больш. любовь. = *Сердечный …*, *сердечная …* в знач. сущ. *Взяли, сердечную, вымыли, вычесали, в платье немецкое одели и к Семерику представили*. Салт. Развесёл. житьё. – *Грозу-то какую бог послал! – говорила она. – А наши в степу ночуют, то-то натерпятся, сердешные*! Чех. Степь … <> При ласково-сострадательном обращении к кому-либо. *Где народ, там и стон… Эх, сердечный! Что же значит твой стон бесконечный?* Некр. Размышл. у парадн. подъезда. <> **Мой сердечный, моя сердечная**. – *Батюшки мои, сколько вас здесь напичкано! что вы, сердечные мои, поделывали на веку своём?* Гог. Мёртв. души … Я-*то, глупая, думала: вырастет она, моя сердечная, будет ездить в карете да ходить в шелковых платьях*. Герцен. Кто виноват? …

Сердечно, *нареч*. **1**. Всем сердцем. *Муж любил её сердечно, В её затеи не входил, Во всём ей веровал беспечно*. Пушк. Е. О. ... *Усталый, я с телеги слез, Ночлегу рад сердечно*. Некр. Ночлеги … *К детям же она привязалась сердечно, особенно к Юльке*. Панова. Времена года …

2. Искренне, задушевно. *Может быть, это – хорошая, сердечно написанная книга, и немало людей, читая её, волновались, спорили, учились думать*. М. Горький. Книга. *Она пела хорошо, сердечно, от души*. Гладк. Пов. о детстве. …

– с иным (*устар*. во 2-м знач.) напис. и произнош.: *сердешный* … Срезневский: *сьрдьчьныи*; Вейсманнов Лекс. 1731 …: *сердечная* дружба; Росс. Целлариус 1771 …: *сердечный, сердечно*; Даль, Слов. (3-е изд.): *сердечный, сердешный*; Ушак. Толк. слов 1940: *сердечный*» [БАС, стб. 672 – 675].

Для нашего исследования, как уже отмечалось ранее, особый интерес представляют дериваты, которые нередко уже имеют ограничения при использовании в современной речи, но в то же время явно зафиксировали в себе некую **культурно значимую** информацию, что обусловливает их определённую стилистическую окрашенность и т. д. Среди таких дериватов – имена прилагательные *сердешный*, *сердешненький* и *сердцевой*, а также *сердцещипательный*, повышенный *эмоционально-экспрессивный* потенциал которых очевиден (об этом в словарях свидетельствуют стилистические и эмоционально-экспрессивные пометы), ср.: «**сердешный …** *Трад.-нар. Ласк*. Родной, родимый, милый. *Горемыка ты мой сердешный! Как вы там без меня, сердешные*? < … **Сердешная** … (обычно в обращении). *Всё мыкаешься, сердешная? Так бобылём и живёшь, сердешная*?» [БТСРЯ, С. 1177]; «**Сердешненький**…*Простореч*. Близкий сердцу, милый, родной. – *Шакирушка, да неужто разлучат нас, сердешненький?* М. Горький. Жизнь Матв. Кожемякина» [БАС: стб. 675]; «**Сердцещипательный** … *Разг*. Чувствительный, трогательный; душещипательный (обычно *ирон*.). О словах, о музыке и т. п. *Сердцещипательный романс*. = *Все требовали весёлых пьес и жутких, сердцещипательных мелодрам*. В. Давыд. Расск. о прошлом … *Глеб похож на тебя, Поля: он любит сердцещипательные разговоры…и покопаться в чужой душе*. Гладк. Цемент … *Девочки-одноклассницы наклеивали в альбом картинки, рисовали от руки всякие цветочки, ... а рядом царапали сердцещипательные стишки о красных розах*. В. Беляев, Стар. крепость …» [БАС, стб. 688];

«**Сердцевой** … *Устар*. То же, что сердечный (в 1-м значении). *Мы должны объяснить увеличение продольного размера сердцевой тупости у нашего больного увеличением размера левого желудочка.* С. Боткин. Курс клиники внутр. болезней.

– Даль, Слов.: *сердцевой*» [БАС, стб. 687].

Из дериватов – имён существительных лексемы *сердце* бесспорного внимания заслуживают прежде всего многозначные *сердечность* и *сердечко*:

«**Сердечность** … **1**. Свойство, качество сердечного (в 3-м и 4-м значениях). *Мечтательная грусть, унылая мелодия, задушевность и сердечность… – вот преобладающий характер поэзии Жуковского*. Бел. «Речь о критике»… [Тумилов]: *Он сохранил лучшее качество человеческой души – сердечность*. Невеж. Неумолим. суд ... *И, почувствовав непосредственную сердечность ласки, мальчик… по-ребячьи нежно прижался щекой к капитанской ладони*. Лаврен. Больш. сердце.

2. Задушевность, искренность. – *Гибнет моё мужество, моя смелость, сердечность*. Чех. Шампанское. «*Зина жива и здорова, товарищи отзываются о ней с большой сердечностью*». Ажаев. Далеко от Москвы … *Не было в письме теплоты. Сердечности, даже ласкового слова в нём не нашла Алёна*. Сокол. Искры …

– Ушак. Толк. словарь, 1940: *сердечность*» [БАС, стб. 672];

«**Сердечко** … **1**. *Разг*. Уменьш.-ласк. к сердце (в 1-м и 2-м знач.). *И говорит она задыхаючись, бьётся сердечко у ней, как у пташки пойманной.* С. Акс. Ал. цветочек. *Знать, забило сердечко тревогу, – Всё лицо твоё вспыхнуло вдруг*. Некр. Тройка. – *Небось пьянствуют? Ох, чует моё сердечко, что все они лыка не вяжут*. Мам.-Сиб. Золот. ночь … ‖ *Перен*. О чём-л. имеющем форму сердечка, сделанном наподобие сердечка. *Из ставень в стену падал лунный луч, В резные прорываяся сердечки.* Фет. Сон поручика Лосева. *На груди золотой медальон-сердечко*. Шишк. Угрюм-река … <> *Сердечко* чего-либо. *В руке* [девушки] *блюдце с клубникой. Григорий молча глядел на розовое сердечко полных губ, сжимавших ягодку*. Шолох. Тих. Дон. … *В копотном пузырьке начинка – сердечко пламени*. Гладк. Стар. секретная. <> *Сердечком*. О форме чего-либо.

Медальон сердечком. Свесились тонкие листочки [берёзы] *сердечками, качались, смеялись тихо.* Серг.-Ценск. Бабаев. <> Губы, губки *сердечком* (складывать, сложить). Кокетливо, жеманно складывать губы. – *Ведь ты с придворной дамой говоришь, а не с горничной, что губы сердечком складывать*. Панаева. Воспоминания … *Губы у неё были сложены сердечком, и произносила она так: – У нас в Пютюрбурге*. Чех. Муж .

2. *Разг.* Ласковое обращение к человеку, соответствующее по значению словам «милый», «дорогой». <> *Сердечко* моё. – *Моё сердечко, – не раз говорила ему Анхен с нежным упрёком, – вы приучаете меня расточать деньги на глупые наряды*. А. Н. Толст. Пётр I ... – *Валя, Валечка!.. Вспомни, как мы жили с тобой. – Сердечко моё! – вдруг сказала Уля.* Фадеев. Молод. гвардия …

3. Срединная, внутренняя часть каких-либо предметов. [Дроздов] *схватил амбарный замок чинить, выломал сердечко и бросил*. М. Горький. Жизнь Матв. Кожемякина … – *Выпросили у нашего учётчика огрызок химического карандаша, развели сердечко в кипятке и составили на один лад вот эти самые наши заявления*. Шолох. Подн. целина …

4. Сердцевинная часть семечковых плодов. *Сердечко яблока*. ‖ У травянистых растений верхушечная почка. *При посадке необходимо бережно обращаться с рассадой… и особенно беречь сердечко (верхушечную почку), отнюдь не засыпая её землёй.* Эдельштейн. Овощеводство … *После плодоношения образуются новые разветвления стебля – рожки, заканчивающиеся сердечками.* Жучков. Частн. Плодоводство. *Верхушечную почку земляники – «сердечко» – у посаженных растений нельзя засыпать землёй.* Корчагина. Юным натуралистам.

– Росс. Целлариус 1771, с. 455: *сердечко*» [БАС, стб. 670 – 671].

Однако для выявления *лингвокультурных* характеристик понятия *сердце*, пожалуй, больший исследовательский интерес представляют характерные для русского языка номинации-**диминутивы** (А. Вежбицкая) *сердечишко*, *сердечушко* и *сердчишко,* ср. их интерпретацию в БАС:

«**Сердечишко**… *Простореч*. Уменьш.-ласк. к серце (в 1-м и 2-м знач.). *Мы знаем…, что у Павла Ивановича сердчишко прихрамывает, знаем, кем и подстрелено*. Гог. Мёртв. души» [БАС, стб. 670];

«**Сердечушко** … *Народно-поэт*. Уменьш.-ласк. к сердце (в 1-м и 2-м значении). – *Загубил он мою молодость!.. Не даёт волю сердечушку, не велит любиться с милым моим!* Печер. В лесах. … – *Вижу я – изболелось твоё сердечушко, исстрадалась твоя душенька*. Нов.-Прибой. Порченый. … *Ламычев легонько похлопал дочь по спине и сказал ласково: – Всего не расскажешь, сердечушко*. Вс. Иван. Пархоменко.

– Даль. Слов. (3-е изд.): *сердечушко* » [БАС, стб. 675];

«**Сердчишко** … *Разг*. Уменьш.-уничиж. к сердце (1 – 3-м знач.). *У неё не было души, способной к истинной любви, а только мелкое эгоистическое сердчишко*. Черныш. Теория и практика. *Сердчишко у меня начинало биться гулко, больно, до удушья.* Гладк. Пов. о детстве … *Посматриваю я на неё и думаю: должно же ёкнуть у неё сердчишко! Девчонка ведь. Одна… На новом месте*. Николаева. Пов. о директоре МТС.

– Слов. Акад. 1847: *сердчишко*» [БАС, стб. 688].

Не менее интересны и эмоционально-экспрессивные дериваты-номинации лиц с корнем **сердц-** (с вариантом **сердеч-**): *сердечкин*, *сердцеед* (гендерная пара: *сердцеедка*), *сердцевед* и *сердцеведец*, *сердцевидец*, *сердяга*, а также некоторые из значений многозначного слова *сердечник* – ср., в частности, приводимые ниже словарные статьи:

«**Сердечкин** … *Устар*. Влюбчивый человек. *Честолюбие не мешает быть волокитою и сердечкиным*. Вяз. Характеристические зам. и воспом. …о гр. Растопч. … *По натуре своей он был, однако ж, то, что называется «сердечкин», то есть … «постоянно носил под селезёнкой тоскующую горлицу»*. Григор. Не по хорошу мил …

– Ушаков: Толк. слов. 1940: *сердечкин*» [БАС, стб. 670];

«**Сердцеед** … *Разг. Шутл*. Мужчина, пользующийся большим успехом у женщин; покоритель женских сердец. *Смолоду был он лихим сердцеедом*. Некр.

Папаша. *Васька Антонов, известный среди кронштадских горничных как неотразимый сердцеед, победоносно закрутил свои усики.* Станюк. Матроска … *И в своё время он был большим сердцеедом и франтом и чувствовал себя теперь в ударе*. Верес. Два конца.

– Ушаков: Толк. слов. 1940: сердцеед»;

«**Сердцеедка** … *Разг. Шутл*. Женщина, пользующаяся большим успехом у мужчин; покорительница мужских сердец.

– Ушаков: Толк. слов. 1940: *сердцеедка*» [БАС, стб. 687 – 688];

«**Сердцевед** … Знаток человеческого сердца, душевных движений человека. *Провинциал уже по натуре своей, кажется, должен быть психологом и сердцеведом*. Дост. Дяд. сон. … *Величайшие сердцеведы, Шекспир в числе их, делали страсть мгновенной и роковой, не знающей пощады*. Бобор. На ущербе.

– Даль, Слов. (3-е изд.): сердцевед» [БАС, стб. 685 – 686].

«**Сердцеведец** … *Устар*. Сердцевед. *[Кречетов] уверял, что глубоко изучил всего Шекспира, и называл его не иначе как великим сердцеведцем*. Панаев. Литер. воспом. … *И кто же этот сердцеведец, который своею обязанностью проникнуть в душу «кандауровского барина» и обличить её тайные помыслы*? Салт. Благонам. речи … *– А что, если я сам себе навязал смешную и предвзятую мысль? Что, если я, пытливый сердцевед, сам себя одурачил?* Купр. Шт.-кап. Рыбников. …

– Срезневский: *сьрдьцевѣдьц*; Поликарпов, Лекс., 1704: *сердцевѣдецъ*»

[БАС, стб. 686];

«**Сердцевидец** … *Устар*. То же, что сердцевед. *Сердцевидец знает, что молюсь о том из глубины сердца*. Жук. Письмо Н.Н.Шереметьевой …

– Срезневский: *сьрдьцевидьць*; Слов. Акад., 1847: *сердцевидец*» [БАС, стб. 686];

«**Сердяга** … *Простореч*. Бедняга, родимый, милый человек (с оттенком сострадания, жалости). – *Этот пущай не спит; ноне день такой выпал сердяге, либо спать, либо плакать!* Григор. Переселенцы. … – *Трофим приказал долго жить, братцы, – сказал Арефа. – Под утро скончался сердяга*. Мам.-Сиб. Охонины брови … – *Эти тоже, сердяги, хватили горя*. Фурм. Мятеж …

– Даль, Слов.: *сердяга*» [БАС, стб. 688];

«**Сердечник** … **1**. Внутренняя часть различных машин, аппаратов, приборов и т. п. *Железный сердечник. Сердечник пули*. ‖ Стержень, ствол, вставляемый, вводимый куда-либо, в какое-либо отверстие (для скрепления, соединения частей). *У одной из наших спутниц у повозки сломался сердечник, только что мы было выехали из Корякина*. Черныш. … ‖ Внутренняя часть электромагнита с обмоткой из проволоки. *Сердечник динамомашины*.

2. Многолетняя трава семейства крестоцветных с кистями белых или фиолетовых цветов. *На лугах очень часто цветёт… белый сердечник …, образующий весной по сырым местам снежно-белые пятна*. А. В. Кожевн. …

3. *Разг*. Человек, страдающий болезнью сердца. *Перевели меня, наконец, в Киев, уложили в клинику как «тяжёлого сердечника»*. М. Горький. … – *Вот вас, Андрей Иванович, главный врач наш посмотрит… он с сердечниками прямо таки чудеса делает*. Лидин. Сердце.

4. *Разг*. Врач, специалист по болезням сердца.

5. *Устар*. То же, что сердечкин. *В молодости своей он был сердечником и счастливым обожателем прекрасного пола.* Вяз. Допотопн. или допожарн. Москва.

– С иным (устар.) написанием и произношением: *сердешник* … Росс. Целлариум, 1771…, *сердечник*» [БАС, стб. 671 – 672].

Анализ лексикографических и справочных источников свидетельствует о том, что в русском языке XIX – начала XX века особенно активно функционировали дериваты – *сложные слова* лексемы *сердце*, имеющие в своём составе часть – *сердый*: «…**сердый** … Вторая часть сложных слов. То же, что …сердный, напр.: *жестокосердый*, *милосердый*.

– Ушак. Толк. слов. 1940: [сердый]» [БАС, стб. 688].

В связи с этим, с нашей точки зрения, одним из самых интересных для анализа в лингвокультурном аспекте является дериват лексемы *сердце милосердие*, значение которого претерпело в процессе употребления (в период XIX – XXI веков) существенные трансформации, в том числе и в плане свойственной ему культурно значимой информации.

В одном из популярных современных толковых словарей русского языка содержится следующее толкование этого понятия.

«**МИЛОСЕРДИЕ** … Готовность оказать помощь, проявить снисхождение из сострадания, человеколюбия; сама помощь, снисхождение, вызванные такими чувствами. *Проявить милосердие. Чувство милосердия. Накормить кого-либо из милосердия. Сестра милосердия* (устар.; =медицинская сестра). *Брат милосердия* (устар.; о мужчине, выполняющем обязанности сестры милосердия). Без милосердия, в зн. *нареч*. Очень сильно, немилосердно. *Ломать что-либо без милосердия. Огонь жжёт без милосердия*» [БТСРЯ, С. 542].

Как следует из приведённого толкования, в современном русском языке слово *милосердие* имеет одно значение (‘готовность оказать помощь, проявить снисхождение из сострадания, человеколюбия; сама помощь, снисхождение, вызванные такими чувствами’) и помимо этого входит к качестве компонента в два устойчивых выражения, которые в настоящее время воспринимаются как устаревшие языковые единицы: *сестра милосердия* и *брат милосердия*.

Если же обратиться к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, изданному в последней трети XIX века (т. е. примерно полтора столетия назад), толкование слова *милосердие* (по В. И. Далю, *милосердіе* и его морфолого-словообразовательный вариант *милосердость*) выглядит в нём так: «сердоболіе, сочувствіе, любовь на дѣлѣ, готовность дѣлать добро всякому, жалостлівость, мягкосердость. *Нѣтъ больше милосердія, какъ в сердцѣ царевомъ. Пуще Божьяго милосердія* (изобью, покараю)» [Даль, С. 333].

Сравним *семантические признаки* одного и того же понятия – *милосердие* – при толковании его в различных лексикографических источниках: 1) «сердечное

участие», «старанье о помощи» (в словаре В. И. Даля), т.е. усилия, подчёркивающие активный, деятельностный характер признака, с одной стороны, с другой – «готовность оказать помощь» (современный толковый словарь), что можно трактовать как желание сделать что-нибудь, которое сам по себе неактивно и предшествует «старанью», «усилиям» и «действованию». 2) «незримая духовная нравственная связь», «любовь» (В. И. Даль), с одной стороны, с другой – отсутствие духовного, нравственного компонента в словотолковании (современный толковый словарь); 3) «**со**страданье», «**со**чувствие», «**со**жаленье», «взаимная дружба», «сострастие» (В. И. Даль) – слова с явной семантикой совместности, взаимного действия, взаимной связи (носителями этой семантики являются префиксы **СО-**, а также лексические единицы *взаимная*, *одинаковые*), с другой стороны – «снисхождение» (современный словарь), образованное от глагола «снисходить» (несов. вид) либо «снизойти» (сов. вид), имеющего диахронически мотивированное значение «опуститься, сойти вниз».

Изложенное выше позволяет констатировать **существенные различия** в толковании слова *милосердие* толковым словарём В. И. Даля и современным толковым словарём (данное слово во всех других современных толковых словарях описывается практически тождественно приведённому толкованию). Основные из этих различий можно сформулировать следующим образом: из языкового сознания нашего современника ушла часть признаков понятия *милосердие* в интерпретации В. И. Даля: ***сердоболие*** – «сердечное участие, состраданье, жалость и старанье о помощи»; ***сочувствие*** – «взаимная дружба, приязнь, любовь, расположенье, влеченье, сострастие, симпатия; одинаковые чувства с кем; незримая, духовная, нравственная связь, которая сказывается невольно чувством; безотчетное угадывание, знанье» (*несочувственный человек*, по В. И. Далю, – человек «не поселяющий сочувствия, антипатичный»); ***любовь*** – «сильная к кому привязанность, начиная от склонности до страсти: сильное желание, хотенье; избранье и предпочтенье кого или чего по воле, волею (не рассудком), иногда и вовсе безотчетно и безрассудно»; ***жалостливость*** –

«сожаленье, скорбь, печаль»; ***мягкосердечность*** в противоположность ***твердосердию*** и ***жесткосердию***.

Проведённое сопоставление свидетельствует о том, что словообразовательное гнездо слова *милосердие* в XX веке заметно сократилось, в связи с уходом большей части номинаций, входивших в это гнездо, ушла в пассивный фонд языка либо же имеет в современном языке ограниченную сферу употребления (о чём свидетельствуют пометы «устаревшее» или «народно-поэтическое» рядом с таким словом в словарной статье).

Так, к примеру, ТСРЯ, вышедший, как уже отмечалось, в 1935 – 1940 годах и зафиксировавший литературные нормы русского языка первой половины XX века, слова *миловать, милосердствовать, милосердый, милостивец, милостивица* квалифицирует как «устаревшие» (ТСРЯ); «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (МАС), изданный в 1980 – 1984 годах, добавляет к этому перечню слова *милостиво, милостивый*.

В коммуникативных ситуациях, при контекстуальном осмыслении понятия *милосердие* семантические признаки этой номинации могут уточняться и конкретизироваться. Так, *милосердие* как чувство – действие имеет определённый «сценарий» воплощения, прототипическую схему которого можно, как представляется, определённым образом смоделировать, включив в неё ряд характерных (типичных, повторяющихся) для подобной комуникативной ситуации «эпизодов»:

- объект **Б** испытывает неблагополучие по каким-либо жизненным параметрам;

- субъект **А** знает о неблагополучии **Б** (у В. И. Даля: «угадыванье», «знанье»);

- субъект **А** испытывает «сердоболие», «сочувствие», «любовь», «состраданье», «жалостливость», «мягкосердечность» (В. И. Даль), «сострадание и «человеколюбие» (МАС);

- субъект **А** чувствует «незримую духовную нравственную связь» с объектом Б (В. И. Даль), внутреннюю потребность помочь ему;

- субъект проявляет **А** проявляет «сердечное участие», «старанье о помощи» (В. И. Даль), «готовность оказать помощь» (МАС);

- субъект проявляет **А** «сердечное участие», «старанье о помощи» (В. И. Даль), «готовность оказать помощь» (МАС);

- субъект **А** совершает во благо объекта Б «сердобольный» (В. И. Даль) поступок без принуждения, не связанный с корыстной целью; «проявляет снисхождение» (МАС);

- неблагополучие субъекта Б устраняется (уменьшается);

- субъект А испытывает моральное удовлетворение.

В русском языке XI – XIX веков, судя по данным лексикографических источников, была детально проработана система обозначений субъекта и объекта милосердия, о чём свидетельствует большое количество лексем для их номинации – преимущественно «того, кто проявляет милосердие»: *милосердый, милосердый, милостивый, милостный, милостивный* («сострадательный», «сострадающий»; *милостивец* («тот, кто милосерден, сострадателен, готов оказать помощь, поддержку, совершить благодеяние; благодетель»); *милостивник*, *милостник* («тот, кто готов оказать помощь, поддержку»; «покровитель, защитник, заступник»); *милостница* (женск. к *милостник*); *милостидавец* («тот, кто проявляет милосердие, сострадание, оказывает помощь, поддержку»); *милостилюбец* («тот, кто любит оказывать милости»); *милостынец* («нищий»)» [Даль].

В XX веке многие из перечисленных выше образований (номинаций субъектов, связанных преимущественно с процессом *оказания милости*, *проявления милосердия* (в данном ряду лишь номинация *милостынец* обозначает объект, а не субъекта этого акта) уже не включаются в толковые словари либо же отмечаются лексикографическими источниками как *устаревшие,* например: *милосердый* (словарь под редакцией Д. Н. Ушакова); *милостивец, милостивица* («Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и МАС); *милостивый* («Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой).

Примечательно, что при протекании означенного процесса изменяется также состав и объём значений приведённых номинаций. Сравним, к примеру: 1) *милостивец* – «тот, кто милосерден, сострадателен, готов оказать помощь, поддержку, совершить благодеяние; благодетель» [МАС] и 2) *милостивец* – *просторечн. устар.* «благодетель (с точки зрения пользующегося его покровительством или надеющегося на него; употребляется преимущественно в обращении» [Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов 2007]. В первом случае определяется скорее как чувство – отношение, которое человек испытывает, когда кому-либо плохо, кто-либо страдает, сам ощущает от этого душевную боль и страдание; во втором же случае акцент сделан на обозначении определённого характера поведения, поступка, а не на чувстве как таковом.

Милосердие может быть включённым и в коммуникативные ситуации («сценарии») иного рода – в коммуникативно-речевые акты с семантикой побуждения (в частности, призыва, мольбы и под.). Эти речевые акты, как правило, осуществляются с помощью экспрессивов *будьте милосердны*, *проявите милосердие* и под., с которыми объект милосердия обращается к субъекту, чтобы добиться от него желательного для себя действия. Подтвердим сказанное текстовыми примерами из национального корпуса русского языка [Национальный корпус русского языка], отражающими функционирование понятия *милосердие* в различных по характеру коммуникативных ситуациях.

1) *Объект милосердия* ощущает ситуацию как необходимую для его жизни или благополучия, сам он не может достигнуть желаемого: *Помогите, пожалуйста, подыскать там у вас какое-нибудь частное жильё: комнату, угол – я на всё согласна.* ***Будьте милосердны****, родненькие, помогите!* (Евгений Ухов. Долгая дорога к сыну // Труд-7, 2005.08.20).

2) *Объект милосердия* хочет, чтобы адресат осознал важность для него сложившейся ситуации, проникся к собеседнику сочувствием и жалостью и, как следствие, совершил определённые, желаемые для адресата действия: *Молю о помощи! Операция стоит очень дорого.* ***Будьте милосердны****!* (Помогите,

пожалуйста! // Домовой, 2002.01.04); *Я недорого прошу с вас, поверьте совести, недорого. У моего двоюродного брата страшная грыжа, неизлечимая, деньгами помогать приходится.* ***Будьте милосердны****! Ну, так и быть – две с половиной тыщи* (В. Я. Шишков. «Угрюм-река*»); Но вы всё-таки* ***будьте милосердны*** *ко мне, сжальтесь над бедной грешницею, дайте мне только взглянуть на него* (Ф. К. Сологуб. «Королева Ортруда»).

3) В ряде коммуникативных ситуаций понятие *милосердие* может не совпадать с понятием *справедливость*, а иногда даже противопоставляться ему: *Умоляю вас, может быть, ещё не поздно, –* ***проявите****, нет, не справедливость, только* ***милосердие***.

4) Нередко в коммуникативных ситуациях при обращении к адресату, призываемому проявить милосердие, либо же к широкой (массовой) аудитории используются разнообразные усилители побуждения (это подтверждают и приведённые выше контексты) – *будьте милосердны* и др., – свидетельствующие об особой серьёзности, значительности ситуации для всех людей (с точки зрения субъекта, сообщающего от этой ситуации): ***Будьте милосердны****, любите жизнь, детей, своих близких, дарите им тепло души* (Баторич Александра // Труд-7, 2006.07.26); *Будьте разумными, мои милые, держитесь друг дружки,* ***будьте милосердны***! (В. Личугин. «Любостай»).

5) В коммуникативной сфере речи разговорной, напротив, иногда снимается указание на чрезвычайную важность ситуации для объекта милосердия: Я пытался урезонить поклонников: «***Будьте милосердны****, дайте человеку поесть!*»; ***Будьте милосердны****, не верьте сплетням и слухам* (Э. Радзинский. «Княжна Тараканова»).

6) Особым образом функционирует понятие *милосердие* в судебной речи и соответственно в коммуникативных ситуациях, в которых судебная речь реализуется. В данной функционально-коммуникативной сфере *милосердие*, как правило, соотносится с идеей *справедливости*: *Господа,* ***будьте милосердны*** *и справедливы, и, вспоминая о высоте положения и о том, как низко он упал, подумайте о дуге падения* (А. Ф. Кони. «Воспоминания о судебных деятелях»).

7) При оперировании понятием *милосердие* в различных коммуникативных ситуациях, прежде всего связанных с упоминанием, разъяснением смысла и т. д. морально-нравственных категорий, характерным является указание на высшие ценности адресата: «*Дети мои, – повторял он – будьте милосердны, как того требует святая мать наша Церковь; но всё же друзей счастливых предпочитайте несчастным, богатых – бедным*» (Д. С. Мережковский. «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи»); *Достаточно привести хотя бы некоторые изречения раввинов, вошедшие в Талмуд, чтобы убедиться в этом*: «*люби мир и водворяй его повсюду*», «*кто подаёт милостыню тайно, тот выше самого Моисея*», «*лучше краткая молитва с благоговением, чем длинная без усердия*»; «*не будь скор на гнев*»; «*подражайте свойствам Божиим: как Он милосерд, так и вы* ***будьте милосердны***»; «*ханжей следует обличать, ибо они оскорбляют имя Божие*» (А. Мень. «Сын человеческий»).

8) Иногда *милосердие* трактуется довольно прагматично – к примеру, осознаётся как форма вознаграждения; то, что должен сделать субъект милосердия в интересах объекта: *И, наконец,* ***будьте милосердны****, я требую награды!* (С. Осипов. «Страсти по Фоме»).

9) В некоторых коммуникативных ситуациях, включающих понятие *милосердие*, эмоциональное воздействие на адресата может осуществляться с помощью определённого тембра и степени громкости голоса либо других голосовых модуляций, например: ***Будьте милосердны****, – сказал он простым, тихим, человеческим голосом* (А. Н. Толстой. «Хождение по мукам»).

Выражения *быть милосердным, проявить милосердие* нередко имеют значение «отказаться от действий, которые противоречат интересам субъекта речи, к примеру: «***Будь милосерден****, Азазелло, – ответит ему кот, – не наводи моего повелителя на эту мысль»* (М. А. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

Восклицание ***Прояви милосердие!*** может иметь шутливую либо ироничную окраску: *Там с Питом и встретился корреспондент «Советского спорта». «Пит, прояви милосердие!» Его преимущество было так велико, что в одном из эпизодов Хаас в шутку воскликнул: «Пит, прояви милосердие!»* (Быков М. Экс-

первая ракетка мира Пит Сампрас: Я и сейчас могу обыграть Федерера // Советский спорт, 2008.02.28).

Выражение *Будьте милосердны!* в ряде коммуникативных ситуаций семантически сближается со словом пожалуйста: *Но он говорил: «Ах, будьте милосердны, скажите, пожалуйста, что там такое?»* (Н. С. Лесков. «Некуда»); *Потап Егорыч.* ***Будьте милосердны****, позвольте всё подробно объяснить* (ср.: ***Пожалуйста****, позвольте всё подробно объяснить*) (А. А. Потехин. «Мишура»).

Таким образом, сведения, содержащиеся в «Национальном корпусе русского языка» [Национальный корпус русского языка], свидетельствуют о весьма широком регистре употребления слова *милосердие* в различных коммуникативно-речевых актах; в процессе речевого функционирования языковые значения этого слова расширяются, уточняются, конкретизируются, а иногда и пересматриваются.

С позиций же диахронического подхода в отношении слова *милосердие* можно констатировать следующее: современные лексикографические источники (в частности, толковые, исторические и иного типа словари) свидетельствуют об уходе из современных словарей духовных и нравственных его признаков, содержащихся в описании значения этой лексемы в «Толковым словарем живого великорусского языка» В. И. Даля. На наш взгляд, интерпретация слова *милосердие* словарём В. И. Даля и в современных толковых словарях настолько существенны, что их можно считать описанием разных классов явлений.

В словотолковании В. И. Даля участники ситуации *милосердия* – субъект и объект милосердия – пребывают в симметричных отношениях (они равны между собой, наделены равными правами), тогда как в современных толкования (см.: ТСРЯ; МАС и другие источники) – в отношениях асимметричных (субъект как находящийся наверху словно бы «нисходит» до нужд и чаяний объекта, который по определению занимает более низкое место в создавшейся коммуникативной ситуации). Современные словари, по нашему мнению, не совсем адекватно описывают как состояние, так и чувства, испытываемые субъектом в ситуации милосердия.

В связи с изложенным выше целесообразно привести позицию известного писателя и общественного деятеля А. И. Солженицына, предлагающего в подготовленном им «Русском словаре языкового расширения» [Русский словарь языкового расширения 2000] вернуть в живое (активное) употребление целый ряд слов и выражений с корнем ***милост-*** и ***мил-***, считая эти языковые единицы «живыми» и для современного этапа развития русского языка. Среди этих единиц слова *милостынник* и *милостынный*, *миловзорить, миловзорничать, миловидничать*, *милостивить, милостиветь* («становиться снисходительным»); обороты *взмилуйся над мною, всех не перемилуешь, миловать кого* («ласкать, холить, нежить»), *намиловались вдоволь, примилуй её, милсветный друг* [Русский словарь языкового расширения 2000].

Составитель «Русского словаря языкового расширения», как явственно следует из его слов, ставил задачу вернуть к жизни слова, «никак не заслуживающие преждевременной смерти, ещё вполне гибкие, таящие в себе богатое движение – а между тем почти целиком заброшенные, существующие близко рядом с границей нашего изношенного узкого употребления, – область желанного и осуществимого языкового расширения» [Русский словарь языкового расширения 2000, С. 4]. Примечательно, что А. И. Солженицын руководствуется в этой своей деятельности стремлением прежде всего актуализировать в языке утрачиваемый нравственный и в то же время так языку необходимый компонент, намереваясь «как-то ещё иначе **восполнить иссушительное обеднение русского языка и всеобщее падение чутья к нему – особенно для тех молодых людей, в ком сильна жажда к свежести родного языка**, а насытить её – у них нет того многолетнего простора, который использовал я. И вообще для всех, кто в нашу эпоху оттеснён от корней языка затёртостью сегодняшней письменной речи» (выделено мною. – Х. Ч.) [Русский словарь языкового расширения 2000, С. 3].

2.3. Лингвокультурный потенциал русских фразеологизмов с компонентом *сердце*

Фразеологическому фонду любого языка принадлежит в отражении взаимоотношений языка и культуры, из взаимодействия особая роль, так как в образном содержании фразеологизмов воплощено культурно-национальное мировоззрение [Телия 1996], что, среди прочего, объясняет бурное развитие в современной фразеологии **лингвокультурологического** направления.

Под **фразеологическим оборотом**, или **фразеологизмом**, в современном русском языкознании понимают «семантически неделимые словосочетания, которым свойственно постоянство особого целостного значения, компонентного состава, грамматических категорий и определённой оценочности. Они являются объектом изучения особого раздела языкознания – **фразеологии** (гр. phraseos – выражение + logos – учение). Нередко фразеологией называют весь фразеологический состав языка, т. е. совокупность всех лексически неделимых словосочетаний» [Валгина 2002, С. 24]. Фразеологизмы русского языка могут быть классифицированы с учётом различных признаков; к основным классификациям фразеологизмов принадлежат следующие.

I. По мотивированности значения и сематической слитности, в рамках которой, во-первых, выделяют **фразеологические сращения** – «лексически неделимые словосочетания, значение которых не определяется значением входящих в них отдельных слов. Например, смысл оборотов *бить баклуши* – «бездельничать», *с бухты-барахты* – «необдуманно», *содом и гоморра* – «суматоха, шум», *спустя рукава* – «небрежно», *как пить дать* – «непременно» и других не мотивирован значением составляющих компонентов, так как, во-первых, в лексической системе современного языка нет полноценных по значению самостоятельно существующих слов *баклуши, бухты, барахты, содом, гоморра*; во-вторых, значение слов *бить, спустить (спустя), рукава, дать, пить* оказывается в условиях данного словосочетания лексически ослабленным, даже опустошённым (ср.: основные значения *бить* – «наносить удары», *спустить* – «переместить сверху вниз», *рукава* – «часть одежды, покрывающая руку»; *дать* – «вручить», пить – «поглощать жидкость»).

Таким образом, основным признаком фразеологического сращения является его лексическая неделимость, абсолютная семантическая спаянность, при которой значение целого оборота не может быть выведено из значения составляющих его слов» [Валгина 2002, С. 26].

Следующая группа фразеологизмов, выделяемая в соответствии с данной классификацией, – **фразеологические единства**, «лексически неделимые обороты, общее значение которых в какой-то мере мотивировано переносным значением слов, составляющих данный оборот. Например, общий смысл таких единств, как *пускать пыль в глаза, плыть по течению, держать камень за пазухой, уйти в свою скорлупу, из пальца высосать, кровь с молоком* и других, зависит от переносного значения отдельных элементов, которые составляют образный «стержень» всего оборота» [Валгина 2002, С. 28].

Ещё одну группу фразеологизмов составляют **фразеологические сочетания** – «устойчивые обороты, общее значение которых полностью зависит от значения составляющих слов. Слова в составе фразеологического сочетания сохраняют относительную семантическую самостоятельность, однако являются несвободными и проявляют свое значение лишь в соединении с определённым, замкнутым кругом слов, например: слово *слёзно* сочетается только со словами *просить, умолять*» [Валгина 2002, С. 28]. Во фразеологических сочетаниях, таким образом, один из компонентов оказывается более устойчивым и даже постоянным, другой – переменным, что отличает их от фразеологических сращений и единств. При этом значение постоянных компонентов является *фразеологически связанным* (т. е. значением, реализуемым только в сочетании с определённым словом или рядом слов, что, в свою очередь, приводит к формированию устойчивых словесных комплексов). Например, в сочетаниях *тоска берёт* и *сгорать от стыда* постоянными являются компоненты *берёт* и *сгорать*, так как именно эти слова оказываются основными (стержневыми) элементами и в других фразеологических сочетаниях: *берёт – тоска, раздумье; берёт – страх, ужас; берёт – досада, злость, зависть; берёт – смех; берёт – охота; сгорать – от любви, от нетерпения, зависти; сгорать – от стыда, от*

срама, от позора. Употребление иных компонентов в составе фразеологических сочетаний невозможно (ср., к примеру: *сгорать от радости, берёт улыбка*), что обусловлено существующими семантическими отношениями внутри языковой системы.

К собственно фразеологическим оборотам (фразеологизмам) условно могут быть присоединены так называемые **фразеологизированные обороты** (или выражения), которые не обладают всеми различительными признаками фразеологизмов, а имеют лишь некоторые из них: *воспроизводимость* в готовом виде и *образность* (в той или иной мере). Во фразеологических оборотах (выражениях) компоненты остаются семантически полноценными. К этому типу выражений относятся, например, отдельные цитаты, часть пословиц, ряд терминологических сочетаний, которые приобрели определённую метафоричность, полностью выводимую при этом из составляющих такие выражения слов. Так, фразеологизированные цитаты приобретают обобщённо-образный смысл, практически оторванный от первоначального контекста: *тришкин кафтан, человек в футляре, с корабля на бал, карась-идеалист* и др. Таким же образом можно квалифицировать и пословицы, утратившие назидательную часть, например: *собака на сене* (опущена вторая часть: *сама не ест и другим не даёт*); *голод не тётка* (уже забыто продолжение – *пирожка не подсунет*) и т. д. Поговорки в большинстве своем входят в разные группы фразеологических оборотов.

II. Фразеологические единицы и фразеологизированные выражения неоднородны **по своему строению и по грамматическому составу.** С этой точки зрения фразеологизмы также могут быть объединены в несколько групп.

1) **По структуре** все фразеологические обороты делятся на две большие группы: *имеющие форму самостоятельных предложений* либо же *форму словосочетаний.* В роли предложений чаще всего выступают фразеологизированные выражения, имеющие, как правило, синтаксически законченную форму: *А судьи кто?; А Васька слушает, да ест; Только боги бессмертны; Чему быть, того не миновать* и многие другие. Нередко

предложениями по структуре являются и разнообразные обороты разговорно-бытовой речи: *кот наплакал; сердце не на месте; раз, два и обчелся; держи карман шире; дело в шляпе; дело – табак; сам себе голова* и другие.

Среди интересующих нас фразеологических единиц с компонентом *сердце* значительная часть является по структуре именно **предложениями** – ср., в частности: *сердце берёт, сердце взяло; сердце болит; сердце взыграло; сердце в пятки уходит, сердце в пятки ушло; сердце горит; сердце дрожит как (словно) овечий хвост; сердце ёкает, сердце ёкнуло; сердце ёкает в груди* и другие.

В то же время фразеологические единицы в целом значительно более часто имеют форму различных по характеру связей и составляющих их компонентов словосочетаний, нежели предложений: *дух времени, сардонический смех, вавилонское столпотворение; девичья память; карты в руки; кровь с молоком; вешать нос на квинту; попасть пальцем в небо; на край света* и другие.

2) С точки зрения **лексико-грамматических особенностей** компонентов, составляющих фразеологизмы и фразеологизированные выражения, рассматриваемые единицы также могут быть объединены в несколько групп.

По грамматическому составу среди фразеологических единиц выделяется несколько наиболее типичных разновидностей:

а) обороты, являющиеся **сочетанием прилагательного и существительного**: *воздушный замок, краеугольный камень, заколдованный круг, наклонная плоскость, мелкая сошка, закадычный друг, белая ворона, лебединая песня, синий чулок, львиная доля, путеводная звезда, пустой звук, медвежий угол, правая рука, круговая порука, пустое место, золотые руки, крокодиловы слезы,* ***большое сердце****,* ***горячее сердце, золотое сердце*** и др.;

б) обороты, являющиеся **сочетанием существительного в именительном падеже с существительным в родительном падеже**: *дух времени, яблоко раздора, бразды правления, мания величия, чувство локтя, ноль внимания, точка замерзания,* ***память сердца****,* ***голос сердца*** и др.;

в) обороты, состоящие **из существительного в именительном падеже и существительного с предлогом**: *море по колено, борьба за существование, буря*

в стакане воды, душа в душу, чудеса в решете, человек в футляре, путёвка в жизнь, дело в шляпе, кровь с молоком и т. д.;

г) обороты, состоящие **из предлога, прилагательного и существительного**: *по свежим следам, с незапамятных времен, по старой памяти, на короткой ноге, на живую нитку, со спокойной совестью, при пиковом интересе,* ***с лёгким сердцем***, ***с тяжёлым сердцем***, ***от чистого сердца***, ***в крайнем сердце*** и др.;

д) обороты, являющиеся **сочетанием глагола с именем существительным (с предлогом и без него)**: *попасть на зуб, выходить из колеи, водить за нос, потупить взгляд, поставить на вид, задеть за живое, семенить ногами, бить баклуши, замять разговор, приподнять завесу, обдать презрением, напустить тумана, заронить искру, подвести мину,* ***разбить сердце*** и др.;

е) обороты, состоящие **из глагола и наречия**: *разбиться вдребезги, попасть впросак, видеть насквозь, поставить в тупик, пойти насмарку* и др.;

ж) обороты, состоящие **из деепричастия и существительного (или существительных с предлогом)**: *сломя голову, спустя рукава*, ***положа руку на сердце***, ***скрепя сердце***, *засучив рукава* и др.

Перечисленные группы не охватывают всего многообразия лексико-грамматического состава фразеологизмов и фразеологизированных выражений; приведены были лишь наиболее распространённые типы устойчивых сочетаний.

III. Классификация фразеологизмов современного русского языка **с точки зрения её происхождения**.

1) **Исконные** фразеологизмы и фразеологизированные выражения.

Именно такие, **исконные** обороты, т. е. **общеславянские (праславянские), восточнославянские (древнерусские)** и **собственно русские** по происхождению фразеологические единицы, составляют основу русской фразеологии.

К **общеславянским** относятся, например: *брать (взять) за живое, держать взаперти, дать (задать) трепака, (дать) березовой каши, как у Христа (Бога) за пазухой, задать баню, ни рыба ни мясо, один как перст, повесить нос* и другие.

К **восточнославянским** относятся обороты: *глухая тетеря, без царя в голове (*и антонимичный *с царём в голове), ни кола ни двора, при царе Горохе, медвежий угол, точить лясы, собачий холод* и другие.

К **собственно русскими** принадлежит большинство фразеологизмов русского языка, среди которых: *выставить на позор, держать язык за зубами, высунув язык, губа не дурра, выходить из терпения, жить припеваючи, зелёная улица, за милую душу, зубы заговаривать, злоба дня, и дёшево и сердито, и бровью не ведёт, из кулька в рогожку, идти напропалую, коломенская верста, икру метать, как будто в воду глядел, комар носа не подточит, казанская сирота, косая сажень, на воре шапка горит, мелкая сошка, лакомый кусочек, мал золотник, да дорог, ломать копья, ободрать как липку, на лбу написано, небо коптить, на стенку лезть, положить под сукно, ни зги не видно, подлинная правда, одним миром мазаны, тихой сапой, спустя рукава, разводить бодягу, шапочное знакомство, через пень колоду, тёртый калач, сгореть дотла, тянуть лямку* и многие другие.

Фразеологические единицы по своему происхождению могут быть и ***заимствованными*** из других языков; такие фразеологические единицы и фразеологизированные сочетания также могут быть определённым образом сгруппированы.

Прежде всего следует выделить обороты, заимствованные из языка *церковнославянского*, т. е. *русифицированного старославянского языка*. К таким фразеологизмам принадлежат, например: *избиение младенцев; камень преткновения; вавилонское столпотворение; манна небесная; исчадие ада; притча во языцех; внести свою лепту; на сон грядущий; краеугольный камень; фиговый листок; в поте лица; одним миром мазаны* и др.

Довольно значительную группу оборотов составляют так называемые *фразеологические кальки* и *полукальки*, т. е. выражения, являющиеся дословным (или почти дословным) переводом иноязычных фразеологизмов, пословиц, поговорок. Например: *с высоты птичьего полета* (франц.); *лед сломан* (франц.); *местный колорит* (франц.); *имеет место* (франц.);

хорошая мина при плохой игре (франц.); *проглотить пилюлю* (франц.); *так вот где собака зарыта* (нем.); *синий чулок* (англ.); *время – деньги* (англ.); *Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку* (лат.); *рука руку моет* (лат.) и т. д.

В отдельную группу целесообразно объединить афоризмы из античной литературы, а также цитаты из литературных источников разных народов, в том числе и изречения, приписываемые выдающимся зарубежным учёным, общественным деятелям и т. д., например: *авгиевы конюшни*; *геркулесовы столпы (столбы); танталовы муки; всему есть предел; золотая середина* (Гораций); *О святая простота!* (Ян Гус); *А всё-таки она вертится!* (Галилей); *Быть или не быть?* (Шекспир); *башня из слоновой кости* (Сент-Бев); *буря в стакане воды* (Монтескье); *Мавр сделал свое дело, мавр может удалиться* (Шиллер); *принцесса на горошине* (Андерсен) и др.

Иногда иноязычные крылатые выражения употребляются в русском языке без перевода, в том виде, в котором они существуют в языке-источнике; при этом нередко они сосуществуют с фразеологическими кальками, которые в силу своего распространения используются чаще. Например: для выражения *Apres nous le delúge* (франц.; слова, приписываемые Людовику XV) имеется и калька: *После нас хоть потоп;* для французского же оборота *coleur locale* также существует калька – *местный колорит;* для выражения *finita la comedia* (итал.) – имеется калька *комедия окончена;* высказыванию *estina lente* (лат. выражение, приписываемое Юлию Цезарю) соответствует калька *торопись медленно;* для латинского *modus vivendi* (лат.) имеется и калька *образ жизни;* для *non multa, sed multum* (лат.) существует калька *немного, но многое* и др.

Необходимо принимать во внимание и тот факт, что немало русских фразеологизмов и фразеологизированных выражений вошли в другие языки народов России, а также в языки народов мира. Так, во многие европейские (как славянские, так и неславянские) и другие языки вошли обороты: *герой нашего времени; дом отдыха; дом культуры; зелёная улица; коллективное хозяйство; кто кого; кто не работает, тот не ест; лагерь мира; медвежья услуга; отцы и дети* и др. Русские обороты так же, как и обороты иностранные, переводятся,

калькируются и с разной степенью освоенности входят в активные словари народов мира.

IV. Классификация фразеологизмов и фразеологизированных оборотов **по стилевой принадлежности** и **экспрессивно-стилистическим свойствам**.

Функционально-стилевая классификация фразеологизмов имеет большое значение, поскольку помогает наметить возможные сферы их использования; этой же цели служит установление экспрессивно-стилистического значения фразеологизмов.

Сравнительно небольшая группа фразеологизмов может быть выделена как **межстилевая**, т. е. используемая в **любом** из функциональных стилей. К фразеологизмам такого рода принадлежат, например: *бить мимо цели* (и антоним *бить в цель*), *брать (взять) слово, взять в руки, бить тревогу, из года в год, брать (взять) сторону кого-, чью-либо, иметь в виду, идти вверх, раздвигать рамки, на первый взгляд, стирать грани, сдержать слово, терять из виду, стоять на пути, уступить дорогу, на два фронта, углубиться в (самого) себя, полным ходом, центр тяжести, на каждом шагу, давать ход чему-либо* и т. д. С точки зрения стилистической подобные фразеологизмы могут быть названы *нейтральными*, *стилистически неокрашенными*.

На фоне рассмотренных фразеологизмов выделяются две основные функционально-стилевые разновидности оборотов: *разговорные* и *книжные*, каждая из которых дополнительно характеризуется экспрессивно-стилистической окрашенностью.

Разговорный стиль содержит **самое большое** количество фразеологизмов, которые можно объединить в две обширные группы: **разговорно-бытовые** обороты и **фразеологизированные** обороты. Они характеризуются значительной образностью, нередко имеют несколько стилистически сниженную окраску (помимо *разговорной* и *просторечной*, *шутливую*, *шутливо-ласковую*, а также *ироническую*, *фамильярную*).

Среди подобного рода фразеологизмов: *абсолютный нуль; ни аза в глаза; на барскую ногу; брать (взять) за бока; для пущей важности, валом валить;*

вгонять в гроб; втирать очки; голова садовая; гнуть спину; дать стрекача; делать из мухи слона; держать ухо востро; задеть за живое; замести следы; коптить небо; крутить носом; курам на смех; лететь вверх тормашками; лиха беда начало; во все лопатки (убегать); мамаево побоище; из молодых да ранний; белыми нитками шито; до последней нитки; совать нос; ***пасть на сердце****; петь с чужого голоса; подливать масла в огонь; разделать под орех; раскинуть умом; стоять на своём; теплое местечко; удар хватил; хвататься за ум* и т. п.

К фразеологическим единицам со сниженной окраской по функционально-стилевым и собственно стилистическим свойствам примыкают многие *фразеологизированные выражения*, в особенности пословично-поговорочного типа: *голод не тётка; после дождичка в четверг; семь пятниц на неделе; семеро одного не ждут* и т. д.

Разговорные фразеологизмы всё чаще употребляются в некоторых стилях книжной речи – например, в *публицистике*, *в языке художественной литературы* – как одно из средств речевой характеристики персонажей.

От фразеологии *разговорно-бытовой* следует отличать обороты, находящиеся за пределами литературного языка, которым принадлежат словосочетания *грубо-просторечного* характера и *бранные* обороты: *корчить лодыря; намять бока; распустить слюни; дать по шее; языком чесать; чёрта с два; чёрт возьми* и др.

Использование этой группы оборотов даже в разговорной речи должно быть весьма ограниченным. Фразеологизмы данного типа могут употребляться в языке художественной литературы лишь с *определённой стилистической* целью: либо для передачи устной речи персонажей, либо для показа отрицательных сторон жизни, либо в целях придания речи иронического оттенка.

Книжные фразеологизмы и фразеологизированные выражения

Сфера употребления фразеологических оборотов книжной речи намного у́же, чем фразеологизмов нейтральных, межстилевых. К таким фразеологическим единицам принадлежат отдельные обороты **официально-деловой** речи: *положить под сукно; рабочая сила; реальная заработная плата; очная ставка;*

верительные грамоты; быть в ответе и др.; фразеологизмы **научно-терминологического** типа: *точка опоры; бросать тень; цепная реакция; сила притяжения* и др.; обороты **литературно-**публицистического характера: *любовь к Родине; сыны отечества; борцы за мир; гражданский долг; материальное благосостояние; нерушимая дружба; луч света; узы дружбы; рог изобилия; мировая скорбь; воздушный замок; пальма первенства; по ту сторону баррикад; сгущать краски; витать в облаках; бить в набат* и т. д.

С точки зрения стилистической к книжной фразеологии относятся и многие цитаты из произведений русских и зарубежных писателей, выражения из античной литературы, из церковных книг и т. д.

По своей **экспрессивно-эмоциональной** сущности некоторые *книжные* фразеологизмы и фразеологизированные выражения всех стилей, как правило, характеризуются большей *приподнятостью, торжественностью, патетикой*. Однако, включённые в несвойственный для их значения контекст, они могут приобретать иное содержание и служить средством *юмора* или *иронии*. Ср., например: – *Энергетика, – сказал строитель, – это основа основ,* ***альфа и омега*** *народной жизни* (Паустовский); – ***Альфа и омега кухни*** *– кухарка Пелагея возилась около печки* (Чехов).

Как уже отмечалось ранее, фразеологические единицы играют весьма важную роль в создании языковой картины мира носителей какого бы то ни было языка, в связи с чем практически все исследователи-лингвокультурологи относят эти языковые единицы к числу наиболее «культуроносных» – ср., например: «… **фразеологизмы** прямо (в денотате) или опосредованно (через соотнесённость ассоциативно-образного основания с эталонами, символами, стереотипами национальной культуры) **несут в себе культурную информацию**» [Маслова 2004, С. 75]; «… **национально-культурное своеобразие языка проявляется в его лексике и фразеологии**, имплицитно или эксплицитно представляющих культурную информацию о носителях данного языка, об их мировидении и мировосприятии… Это социокультурные сведения, характерные лишь для определённой нации или национальности, освоенные массой их представителей и

отражённые в языке данной национальной общности, особенности её географической среды, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия и др.» [Шарифьян, Лебедева 2015] (в обоих случаях выделено мною. – Х. Ч.) – и многие другие высказывания по этому поводу.

Корпус фразеологических сочетаний русского языка с компонентом *сердце* представляет собой необыкновенно ценный материал для выявления лингвокультурных характеристик этого понятия. Это учитывают практически все существующие толковые словари – ни в одном из них описание значений номинации *сердце* не обходится без привлечения фразеологического фонда.

Вместе с тем *степень представленности* фразеологизмов, *характер интепретации* их значений и другие особенности описания этих единиц языка в толковых словарях довольно существенно разнятся. Так, фразеологизмы определёнными группами (формируемыми в первую очередь по усмотрению составителей либо авторов словарей) могут быть включены в блоки словарной статьи, посвящённые описанию отдельных значений толкуемой лексемы – такую подачу фразеологизмов наблюдаем, в частности, в словарной статье «Сердце» БАС).

В некоторых случаях фразеологический фонд с компонентом *сердце* помещается без дифференциации по значениям – общим перечнем – в конце словарной статьи (как правило, этот перечень отделяется от другой информации соответствующим значком – ромбом (◊); подобное расположение фразеологизмов при толковании значения лексемы *сердце* наблюдаем в ТСРЯ, а также в БУСРЯ.

Возможен и, условно говоря, *смешанный* способ введения в словарную статью толкового словаря фразеологических единиц с компонентом *сердце* – такое размещение отобранного фразеологического фонда наблюдаем в БТСРЯ.

Фразеологические единицы с компонентом *сердце* занимают довольно заметное место и в *специальных* – **фразеологических** – словарях русского языка, без обращения к которым описание лексемы *сердце* с лингвокультурологических позиций было бы, безусловно, не только неполным, но и отчасти искажённым.

В настоящем исследовании проанализирована представленность фразеологических единиц с компонентом *сердце* в нескольких специальных фразеологических словарях: «Словаре образных выражений русского языка» под редакцией В. Н. Телия (1995), «Большом фразеологическом словаре русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под редакцией В. Н. Телия (2006), «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Фёдорова (2008).

По нашим наблюдениям, наиболее значительный корпус фразеологических единиц русского языка с компонентом *сердце* представлен во «Фразеологическом словаре литературного русского языка» А. И. Фёдорова (третье, исправленное, издание этого словаря вышло в 2008 году) – в этом лексикографическом источнике таким фразеологизмам посвящено **148** словарных статей (в одну словарную статью включается либо один фразеологизм, либо все семантические или грамматические варианты той или иной фразеологической единицы – в случае их наличия).

Приведём **двумя** списками перечень заголовочных слов и выражений словарных статей, в которых описываются фразеологизмы с компонентом *сердце* в данном словаре: *без сердца; большого сердца; от (всего) искреннего сердца; от всего сердца; от сердца; от сердца к сердцу; от чистого сердца; большое сердце; в крайнем сердце; горячее сердце; золотое сердце; (как будто) слышит сердце (как будто) слышало сердце; каменное сердце; на сердце; сердце берёт, сердце взяло; сердце болит; сердце взыграло; сердце в пятки уходит, сердце в пятки ушло; сердце горит; сердце дрожит как (словно) овечий хвост; сердце ёкает, сердце ёкнуло; сердце ёкает в груди, сердце ёкнуло в груди; сердце закатывается, сердце закатилось; сердце замирает, сердце замерло; сердце заходится, сердце зашлось; сердце захолонуло; сердце изнывает, сердце изныло; сердце кипит, сердце закипело; сердце кровью заливается, сердце кровью залилось; сердце кровью обливается; сердце моё; сердце надрывается; сердце не лежит; сердце не на месте, сердце не на своём месте; сердце не принимает; сердце ноет, сердце заныло; сердце обмирает, сердце обмерло; сердце обросло мохом; сердце*

обрывается, сердце оборвалось; сердце отрывается, сердце оторвалось; сердце отходит, сердце отошло; сердце падает, сердце упало; сердце покатилось, сердце покатится; сердце просит; сердце прыгает, сердце запрыгало; сердце радуется; сердце разрывается (рвётся) (на части); сердце расходилось; сердце рвётся пополам; сердце сжимается, сердце сжалось; сердце тает, сердце растаяло; сердце щемит, сердце защемило; чувствует сердце; с замирающим сердцем; с золотым сердцем; с лёгким сердцем; с сердцем; с тяжёлым сердцем; с упавшим сердцем; с чистым сердцем; без сердцов; до сердцов; с сердцов [Фёдоров 2008, С. 609 – 613]. В приведённый – **первый** – список вошли фразеологизмы, в которых компонент *сердце* автор словаря квалифицирует как ведущий; всего их насчитывается 63 единицы. Ниже даны примеры словарных статей интерпретации фразеологизмов с компонентом *сердце*, презентующие возможные варианты описания этих устойчивых выражений в зависимости от их особенностей (наличия/отсутствия лексико-семантических или грамматических вариантов; обладания определённой стилистической окрашенностью; ограниченности в сочетаемости и т. д.):

«**ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ**. Книжн. Экспрес. Непосредственно через чувства, душевное состояние одного человека к чувствам другого человека. *Брали верх над песней тогда частушки, кто кого перечастит, кто кого передробит. Частушками перекликались, признавались, объяснялись, хоть и принародно, всё ж тайно – от сердца к сердцу. Кому послано, тот и поймёт, кому сказано, тот и ответит* (Н. Баранская. Аксинья Кузьминична). *Во время концерта мне вспомнились слова Бетховена о том, что путь музыки лежит от сердца к сердцу. Я почувствовал эту гармонию, это единение сердец исполнителя и слушателя* (В. Пикуль. От сердца – к сердцу). *Фильм «Военно-полевой роман» снят без назидательности, без риторических инъекций, без фальши и утешений, без натяжек, очень просто: от сердца к сердцу, отличаясь своей особенной художественной кинематографической лепкой* (Г. Поженян. Поэма о добре и зле) [Фёдоров 2008, С. 609];

«**СЕРДЦЕ В ПЯТКИ УХОДИТ** *у кого*. **СЕРДЦЕ В ПЯТКИ УШЛО** *у кого*. Разг. Экспрес. Кто-либо испытывает сильный испуг, страх, неожиданную слабость. – *Стою я с подружками в уголку и вижу, подходит к нам новёхонький, весь с иголочки офицерик. И как я его завидела, так сердце у меня в пятки ушло: уж так-то он мне с самого первого взгляда показался, полюбился* (С. Шартаков. «Мама, это я…»). *Единственное, что испортило поездку, была встреча с серым бараном, который словно нарочно её подстерёг: он выпучил глаза, разбежался – и бац под колено – даже сердце в пятки ушло* (С. Макаров. Как искали Раду)»;

«**СЕРДЦЕ БЕРЁТ** *на кого*. **СЕРДЦЕ ВЗЯЛО** *на кого*. Устар. Прост. Кто-либо злится, сердится, гневается на кого-либо. *[Милон (г-же Простаковой):] И вы забыли, что он вам брат! [Г-жа Простакова:] Ах, батюшка! Сердце взяло, дай добраться!* (Фонвизин. Недоросль). – *А меня сердце на неё [козу] берёт, очень хочется поймать, так бы, кажись, и расшиб её!* (Бунин. Ночной разговор). *Серёжка хмурился. Жалко гайку бросать, и на Мишку сердце берёт. Что за начальник такой – везде суётся!* (А. Неверов. Ташкент – город хлебный)» [Фёдоров 2008, С. 610];

«**С СЕРДЦОВ**. Устар. Прост. 1. В порыве гнева, раздражения. *[Артист:] Я недоверчивый, неистовый, строптивый! Какие клеветы произносил с сердцов! Для оправдания мне не достанет слов* (Грибоедов. Молодые супруги). [Любаша:] *Я прогневила чем-нибудь тебя; ты, верно, полюбил с сердцов другую* (Л. Мей. Царская невеста).

2. От злости, с досады. *[Лентягин:] Приближься ты ко мне, любезный друг и зять, Пусть треснет всё с сердцов, хочу тебя обнять. [Лентягина:] С ума ли, что ль, сошёл? Иль шутишь ты над нами?* (Я. Княжнин. Чудаки). *Хорошие шутки родятся дома; в гостях всё как-то не так шутится: там шутишь от сердца, а здесь – с сердцов* (Вяземский. Письмо А. И. Тургеневу. 13 октября 1818)» [Фёдоров 2008, С. 613].

Второй – более объёмный (**85** единиц) – перечень составляют фразеологические единицы, в которых, по мнению автора, компонент *сердце* не является грамматически основным (что не всегда совпадает с семантической

значимостью такого рода единиц); в этих фразеологизмах данный компонент преимущественно употребляется в роли зависимого слова в форме одного из косвенных падежей: *брать к сердцу; бьёт по сердцу; владеть сердцем; врываться в сердце; входить в душу (сердце); вызнобить сердце; выкинуть из (своего) сердца; вымещать сердце; вынимать сердце; вырывать из сердца; давить грудь (душу, сердце); дама сердца; держать на сердце; до боли (в сердце); доходит до сердца; друг сердца; забирает за сердце; задевать зá сердце; зазнобить сердце (сердечко); залезать в сердце; западать в сердце (на сердце); зá сердце ест; заскребло на сердце; засосало сердце; защемило сердце (на сердце); из глубины души (сердца); как маслом по сердцу; камень на сердце; крик души (сердца); кровью сердца; лежать на сердце; мышь (мыши) не сердце скребёт (скребут); надрывать сердце; накипело на сердце; находить дорогу к сердцу; находить путь к сердцу; нет сердца; облегчать сердце; обломать сердце; обнажить сердце; обрывать сердце (сердца); овладевать сердцем; отводить сердце; от (всего) искреннего сердца; от всего сердца; отдавать руку и сердце; отдавать сердце; отдирать от сердца; отдыхать сердцем; открывать своё сердце; открывать сердце; отлегло от сердца; оторвать от сердца; от полноты сердца; от чистоты сердца; пасть на сердце; подступать к сердцу (под сердце); поколебать сердце; покорять сердце; полонить сердце; предложить руку и сердце; придётся по сердцу; принимать (близко) к сердцу; прирастать сердцем; присушить сердцем; приходить в сердце; принимать душу (сердце); пропускать сквозь сердце; разбивать сердце; развёртывать сердце; раскрывать (своё) сердце; растерзать сердце; растопить сердце; сердцу не прикажешь; сжав сердце; с замиранием сердца; скребёт на сердце; скрепить своё сердце; скрепя сердце; с лёгким сердцем; словно камень с сердца свалился; сокрушать сердце; срывать сердце; трогать сердце; хватать зá сердце* [Фёдоров 2008].

Далее приводятся примеры описания значения фразеологизмов из второго перечня:

«**МЫШЬ (МЫШИ) НЕ СЕРДЦЕ СКРЕБЁТ (СКРЕБУТ)** *у кого.* Прост. Экспрес. Кому-либо грустно, тоскливо, беспокойно, тревожно. *Танки чётко выполнили задачу… А у командира на сердце мыши скребут… Почему? Да ведь там, с ними, последний младший, сын Егорша сдаёт экзамен на зрелость* (А. Волохов. Учебный год). *Расскажите мне обо всех, няня. Вы веселы и довольны?.. Может, у кого мышь на сердце скребёт, а он в честь поставляет бодриться да с приятностью усмехаться* (М. Вовчок. Живая душа)» [Фёдоров 2008, I, С. 390];

«**ВЫЗНОБИТЬ СЕРДЦЕ** чьё. Устар. Фольк. Заставить кого-либо страдать от любви. *[Людмила:] Мальчишка, да! Ребёнок-недоросток, А высушил и вызнобил он сердце Боярышни своей* (Островский. Тушино). *Ты зачем меня, сударушка, повысушила. Без лютого без морозу сердце вызнобила* (Соболевский. Великорусские народные песни)» [Фёдоров 2008, I, С. 118 – 119].

Таким образом, «Фразеологический словарь современного русского языка» А. В. Фёдорова в общей сложности включает в себя **148** фразеологических единиц с компонентом *сердце*, разнообразных не только по *значению*, но и по *стилистической* и *эмоциональной окрашенности*, по *грамматическим признакам* и по некоторым другим особенностям (например, по указанию на *источник происхождения* – фольклор и т. д.). Лингвокультурные характеристики при интерпретации фразеологизмов в данном словаре специально не подчёркиваются – о них можно судить лишь по собственно описанию значений и отмеченным в словарной статье эмоциональной и/или стилистической окрашенности, которая присуща подавляющему большинству фразеологических единиц.

Заслуживает внимания способ подачи фразеологизмов в «Словаре образных выражений русского языка», изданном в 1995 году под редакцией В. Н. Телия, – помещённые в этом лексикографическом источнике фразеологические единицы объединены в несколько *тематических полей* (семантико-тематических групп). В частности, интересующие нас фразеологизмы оказываются включёнными в следующие объединения такого рода: «Чувство – состояние» (**душа <сердце> в пятки уходит/ушла, ушло**; **душа <сердце> не на месте**; **кошки скребут**

<**скребли, заскребли**> **на душе** <*реже* **на сердце**>; **с лёгким сердцем** <**с лёгкой душой**>; **с тяжёлым сердцем**; **сердце кровью обливается** <**обливалось, облилось**>; **сердце падает/упало** <**оборвалось**, *реже* **оторвалось**>; **сердце** <**душа**> **разрывается** <**рвётся**> **на части**; **скрепя сердце**); «Чувство – отношение» (**принимать/принять близко к сердцу 1**; **принимать/принять близко к сердцу 2**): «Речевая деятельность» (**положа руку на сердце 1**; **положа руку на сердце** 2).

Приведём примеры описания интересующих фразеологизмов, отнесённых в рассматриваемом словаре к разным тематическим полям; так, наибольшее число идиом с компонентом *сердце* включено составителями словаря в тематическое поле «Чувство – состояние» (**9** идиом), причём большинство из них (**7**) представлены с учётом существующих вариантов – *лексических* и/или *грамматических*.

«**ДУША** <**СЕРДЦЕ**>» **НЕ НА МЕСТЕ** *у кого*. Возникает чувство сильного беспокойства, тревоги (говорится с неодобрением). Подразумевается ожидание чего-л. плохого, опасного. Реч. стандарт. *у кого* – у лица. ● Неизм. ● Порядок слов фиксир.

– Ах, убери, пожалуйста, этот пистолет! У меня **душа не на месте**. *А. Островский, Лес*. – Звал? – спросила она и закурила. «Тоже нервы не железные – с удовлетворением подумал Аникей. – **Как душа не на месте**, сразу начинает дымить!». *Е. Мальцев, Войди в каждый дом*. Честное слово, больше люблю, когда на меня жмут. Так уж если жмут, так знаешь, что у тебя есть, чего нет, а когда у меня тихо, у соседей давят – хуже всего, **душа не на месте**. *К. Симонов, Дни и ночи*. Я хочу спросить: что будет с садом, когда я помру?.. Когда поедешь в гости на часок, сидишь, а у самого **сердце не на месте**: боишься, как бы в саду чего не случилось. *А. Чехов, Чёрный монах.* В это время в столовую вошёл Доронин, и она с первого взгляда поняла, что у него **сердце не на месте**. *А. Чаковский. У нас уже утро*» [Словарь образных выражений русского языка 1995, С. 75];

«**С ЛЁГКИМ СЕРДЦЕМ <С ЛЁГКОЙ ДУШОЙ>**. *Без тревог и опасений, в приподнятом настроении, спокойно*. Неформ. ● Неизм. ● В роли обстоятельства. Порядок слов фиксир.

Хотелось бы ей привести в дом хорошую невестку… Такую невестку, на которую она могла бы **с лёгким сердцем** оставить дом. *В. Панова, Спутники*. Ванька весело со всеми попрощался, пожелал всем здоровья и **с лёгкой душой** поскакал вниз. *В. Шукшин, Ванька Тепляшин*. … он понял, что голос был его собственный, а также ясно понял, что ещё секунда человеческого воя, и он **с лёгким** и радостным **сердцем**… раздерёт его [горло] в кровь. *М. Булгаков, В ночь на третье число*. – Неужели ты покинешь родной дом **с лёгким сердцем** – ведь больше нигде и никогда тебе не будет так хорошо. (*реч.*)» [Словарь образных выражений русского языка 1995, С. 88];

«**СЕРДЦЕ КРОВЬЮ ОБЛИВАЕТСЯ <ОБЛИВАЛОСЬ / ОБЛИЛОСЬ>** *у кого, чьё*. Невыносимо сильное ощущение душевной боли (говорится с неодобрением). Подразумевается чрезмерно острая жалость, сострадание, вызванное сочувствием к чьим-то страданиям, несчастью и т. п. Неформ. *у кого, чьё* – у лица. ● Именная часть неизм. ● Порядок слов нефиксир.

– А ведь сама из деревни! – как-то тихо и грустно изумился Дмитрий. – А вот… Детей замучила, дура: одного на пианинах заучила, другого в фигурное катание записала. **Сердце кровью обливается**, а не скажи – сразу ругань. *В. Шукшин, Чудик*. Когда солдаты во время войны видели голодных детей, у них от жалости и сострадания **сердце кровью обливалось**. *С. Аксаков. Записки ружейного мастера*. Как я могла его бросить?.. Он был привязан ко мне как ребёнок… – так привязан, что **сердце** моё **обливалось кровью.** *В. Шукшин, Осенью*. – Поглядел я нынче на него, и, веришь, сердце кровью облилось: худой, всем виноватый какой-то!.. на виду пропадает парень! *М. Шолохов, Поднятая целина*. Девки задержались у двери, а он рылся в моём шкафу, перебирая вещи. – Твоё всё собрано, ты что, вон чемодан наверху… **Кровью облитые сердца** матери и сына, они бьются сильно и грозно. Где ты, беленький мальчик, запах

флоксов и ромашковый луг? *Л. Петрушевская. Время ночь*» [Словарь образных выражений русского языка 1995, С. 89];

«**СКРЕПЯ СЕРДЦЕ**. Вопреки желанию, с большой неохотой (говорится с неодобрением). Подразумевается необходимость примириться с обстоятельствами. Реч. стандарт. ● Неизм. ● В роли обстоятельства. Порядок слов фиксир.

Рабочие Сестрорецкого оружейного завода… собственной властью уволили начальника завода… Главное артиллерийское управление **скрепя сердце** утвердило решение рабочих. *Э. Казакевич, Синяя тетрадь*. В Политехнический институт Николай пошёл против воли, скрепя сердце. *И. Уксусов, После войны*. Но когда заболела измотанная непрерывными тревогами пятилетняя Леночка, жена **скрепя сердце** должна была согласиться на отъезд. *Н. Рыленков, У разорённого гнезда*. Бывали и такие случаи, когда Ю. А. [Завадский] **скрепя сердце** принимал – ради Марецкой – пьесу, к которой у него, что называется, душа не лежала. *Р. Плятт, Мемуары*» [Словарь образных выражений русского языка 1995, С. 90].

В тематическое поле «Чувство – отношение» данный словарь включает всего **два** фразеологизма-омонима с компонентом *сердце*:

«30. **ПРИНИМАТЬ/ПРИНЯТЬ БЛИЗКО К СЕРДЦУ 1**. *кто что*. Относиться с сочувствием, сопереживать кому-либо в чём-либо. Реч. стандарт. *кто* – лицо; что – чьи-либо трудности, переживания, волнения и т. п. ●Именная часть неизменяемая ●Порядок слов нефиксированный.

♦… сестра, работавшая в полевом госпитале, **приняла близко к сердцу** судьбу одной сиротки ... , перевезла к себе. *В. Лидин, Поздняя весна*. Беридзе было интересно слушать Таню, его растрогал её рассказ. Он **принимал близко к сердцу** всё, что имело отношение к девушке. *Б. Ажаев, Далеко от Москвы*. Дорофее было приятно, что её рассказ **приняли** так **близко к сердцу**. *В. Панова, Времена года*. Если **принимать** всё чужое так к **сердцу** и если так сильно всему сочувствовать, то, право, есть отчего быть несчастнейшим человеком. *Ф. Достоевский, Бедные люди.*

■ – Спасибо, что так **близко к сердцу принимаете** мои проблемы, мне просто неловко, что я заставила вас переживать. (*реч.*)

▲Я **принял близко к сердцу** рассказ о её тяжёлой, беспросветной судьбе и захотел как-то помочь ей. (*реч.*)

31. **ПРИНИМАТЬ/ПРИНЯТЬ БЛИЗКО К СЕРДЦУ 2**. *кто что.* Относиться слишком серьёзно к чему-либо, не в меру переживая что-либо (говорится с неодобрением). Неформ. *кто* – лицо; *что* – чьи-либо или свои переживания, волнения, заботы, состояние дел, действия и поступки кого-либо. ●Именная часть неизм. ●Обычно в повел. конструкции с отрицанием **Не принимай близко к сердцу что-либо**. Порядок слов нефиксир.

♦Борисов требовал от Лобанова собрать всю волю в кулак… **не принимать к сердцу** дурацкую басню в стенгазете. *Д. Гранин, Искатели.*

■– Напрасно вы так **близко принимаете к сердцу** такие пустяки, Степан Осипович, – переменил тон князь. *А. Степанов, Порт-Артур.* – Да не принимай ты всё это близко к сердцу, это того не стоит (*реч.*)

▲Я всегда слишком **близко к сердцу принимаю** все эти сплетни относительно Ивана Ивановича. Ничего не могу с собой поделать. (*реч.*)» [Словарь образных выражений русского языка 1995, С. 100].

Такая же картина наблюдается и при представлении словарём тематического поля «Речевая деятельность» – в него также включены **два** фразеологизма-омонима с компонентом *сердце*:

«36. **ПОЛОЖА РУКУ НА СЕРДЦЕ 1**. Сказать, ответить и т. п. Со всей откровенностью, искренностью, чистосердечно. Иногда в ситуации, когда говорящий хочет услышать от собеседника подтверждение сказанного. Реч. стандарт ● Неизм. Чаще с глаголом в повел. накл. Не употр. с глаголом в прош. времени. ● В роли обстоятельства. Порядок слов фиксир.

Скажите мне, **положа руку на сердце**, всю истинную правду, что это за девушка и как вы находите её. *Л. Толстой, Война и мир.* …А подрастут – учиться изволь. И какой только белиберды… не заколачивают: «Чу, попалась, птичка, стой. Не уйдёшь из сети». Ну какому, скажите честно, **положа руку на сердце**, –

какому нормальному человеку пригодится такая «птичка стой»? Ну кому это нужно? *Н. Тэффи, Летом*. «Дитя, я пленился твоей красотой, – Неволей иль волей, а будешь ты мой». Ну скажите откровенно, **положа руку на сердце** – это нормально? Это прилично? Ну, я понимаю так: в сказках Мороз Красный Нос влюбился в девицу-красавицу, так ведь не в мальчишку же! *Н. Тэффи, Летом*. – Владимир Тимофеевич! **Положа руку на сердце** вы можете сказать и вашему уважаемому семейству: да, я жил недаром! *М. Салтыков-Щедрин, Новый Нарцисс, или Влюблённый в себя.* Могут ли они **положа руку на сердце** сказать, что сами всегда на высоте. *Вечерняя Москва, 1992*. Ну а теперь, **положа руку на сердце**, признаемся, что крепко завидуем нашему герою. *Вечерняя Москва, 1992.*

37. **ПОЛОЖА РУКУ НА СЕРДЦЕ 2**. По правде говоря, если быть до конца откровенным, если честно; признаться. Обычно употребляется с целью опровергнуть какое-либо бытующее мнение. Часто в ситуациях доверительного разговора. Реч. стандарт. ● Неизм. ● В роли вводного слова.

А ведь, **положа руку на сердце**, внушили мы ей тогда эйфористические глупости – и когда отрицали Сталина, и когда его принимали. *Н. Коржавин, В соблазнах кровавой эпохи*. Дорогой мой, **положа руку на сердце**, учёного из меня не вышло (*реч.*) **Положа руку на сердце**, никакие мы не бизнесмены, а такие же мошенники, как все (*реч.*) «Родимый, лесной царь со мной говорит, Он золото, перлы и радость сулит». «Это мальчишке перлы! Ну, **положа руку на сердце** – ведь глупо? Мальчишке сулить надо коньки, велосипед, булку с колбасой. Вот что мальчишке сулить надо. А то вдруг «перлы». Выдумают тоже». *Н. Тэффи, Летом*. …Положа руку на сердце, я кое-что сделал для советской литературы и могу ещё быть ей полезен. *Б. Пастернак, Письмо Н. С. Хрущёву. 31 октября 1958*» [Словарь образных выражений русского языка 1995, С. 224].

Приведённые примеры показывают, что «Словарь образных выражений русского языка» при толковании фразеологизмов не уделяет характеристике их лингвокультурных характеристик достаточного внимания, сосредоточиваясь преимущественно на описании семантической и грамматической сторон устойчивых выражений. В то же время нельзя не отметить широту привлечённого

иллюстративного материла, в который, помимо традиционных в подобных случаях фраз из литературно-художественных произведений разных эпох, включены и высказывания из живой речи.

По нашим наблюдениям, значительно большее внимание накопленной фразеологизмами культурно значимой информации уделяет «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» А. К. Бирих, В. М. Мокиенко и Л. И. Степановой, вышедший в свет в 1998 году, хотя представленные в нём фразеологизмы с компонентом *сердце* весьма немногочисленны (всего **6** единиц):

«**СЕРДЦЕ** ● ОТ ВСЕГО СЕРДЦА. *Совершенно искренне*.

Неточная калька с фр. de tout non coer (во французском обороте слово *сердце* имеет определение mon «мой»). …

ИМЕТЬ СЕРДЦЕ *на кого. Прост. Сердиться, быть недовольным кем-либо.*

Слово *сердце* в этом фразеологизме имеет старое (известное сейчас лишь в диалектах) значение «гнев, злоба» (ср. *серчать* от *сердце*, *сердитый* от *срьдь*). … Слово *сердце* образовано от глаг. *сердиться*. …

СКРЕПЯ СЕРДЦЕ. *Против воли, против своих убеждений*.

Оборот исконный. Скрепя – «скрепив». Вероятно, мотивирован известным движением хватания себя за сердце при сильном сердцебиении от волнения (в надежде «скрепить» его, не дать разорваться). Ср. *сердце разрывается*. …

СОРВАТЬ СЕРДЦЕ *на ком. Прост. Излить злобу.* Значение слова сердце в этом обороте «гнев, злоба». …

ВСЕМ СЕРДЦЕМ. *Очень сильно, беспредельно, горячо, всем существом* (*любить, верить, сочувствовать* и т. п.)

Неточная калька с фр. de tout son coer. …

С СЕРДЦЕМ. *В гневе, сердито (сказать, сделать что-либо).*

Выражение связано с исчезнувшим ныне у слова *сердце* значением «гнев, злоба» (ср. *сердитый, сердиться, сердить* и т. п.)» [Бирих 1998, С. 522].

В приведённых толкованиях фразеологизмов свойственная им культурно значимая информация представлена несколькими способами, среди которых:

акцент на этимологической составляющей (ср.: С СЕРДЦЕМ. В гневе, сердито (сказать, сделать что-либо). **Выражение связано с исчезнувшим ныне у слова *сердце* значением «гнев, злоба»** (ср. *сердитый, сердиться, сердить* и т. п.)»; актуализация внутренней формы номинации (ср.: «Скрепя – «скрепив». **Вероятно, мотивирован известным движением хватания себя за сердце при сильном сердцебиении от волнения** (в надежде «скрепить» его, не дать разорваться)»; сопоставление значения русского фразеологизма с аналогичной либо сходной идиомой в другой лингвокультуре (ср.: «ОТ ВСЕГО СЕРДЦА. … Неточная калька с фр. de tout non coer (во французском обороте слово сердце имеет определение mon «мой»)» (во всех случаях выделено мною. – Х. Ч.).

Завершая краткий обзор отражения в специальных фразеологических словарях идиом с компонентом *сердце*, считаем необходимым остановиться ещё на одном справочном источнике, имеющем в настоящее время уже и историческую ценность (издан более века тому назад) и при этом явно выходящем по своей сути за пределы собственно лингвистики,– справочном издании М. И. Михельсона «Русская мысль и речь: своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» (1912).

Этот источник привлекателен для современного исследователя прежде всего тем, что включает ряд устойчивых выражений с компонентом *сердце*, не фиксируемых ни толковыми, ни фразеологическими современными словарями русского языка; среди них, в частности[2]:

«236. **Сердца жаркаго не залить виномъ**,

Думу черную – не запотчивать!

М. Ю. Лермонтовъ. Пѣсня о Калашниковѣ»;

«237. **Сердце бьется, какъ внезапно пойманная птица**.

Ср. Какъ только в коридорѣ раздавались шаги и голоса, лицо ея вспыхивало, оконечности пальцев холодѣли и *сердце начинало биться, какъ внезапно*

---

[2] При цитировании из источника «Русская мысль и речь. Своё и чужое, опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и высказываний» М. И. Михельсона [Михельсон 1912] сохранена оригинальная орфография этого издания.

пойманная птица: знаю – избитое сравненіе, но в настоящую минуту не пріискиваю лучшаго.

Григоровичъ. Не по хорошу мил – по милу хорош. …»;

«238. **Сердце бьетъ тревогу** (иноск.) – тревожится.

Ср. У бѣдной … Юліи никакой благородной, здоровой пищи для мысли! Умъ начиналъ засыпать, а *сердце бить тревогу*.

Гончаровъ. Обыкновенная исторія. …

Ср. Знать *сердечко забило тревогу*…

Все лицо твое вспыхнуло вдругъ.

Некрасовъ. Тройка.

См. Бить тревогу»;

«240. **Сердце вѣщунъ: чуетъ добро и худо.**

Ср. я тебя неволить не буду. Говорятъ, *сердце вѣщунъ*. Пожалуй, твое сердце и не даромъ чуетъ бѣду. Оставайся, я одинъ пойду в слободу.

Гр. А. Толстой. Кн. Серебряный. …

Ср. Вижу я, все вижу. Меня не проведешь! *Сердце вѣщунъ* – оно говоритъ, что ты… Такой ли ты прежде бывалъ? Чѣмъ я предъ тобой провинилась?..

Мельниковъ. В лѣсахъ. …

Ну, вотъ видишь, сказалъ Мининъ, я не пророкъ, а предсказаніе мое сбылось. *Сердце* въ насъ *вѣщунъ*, Юрій Дмитріевичъ. Прощаясь съ тобой въ Нижнемъ, я головой бы моей поручился, что увижу тебя опять на полѣ ратномъ противъ общаго врага нашего…

Загоскинъ. Юрій Милославскій»;

«245. **Сердце надобно!**

Ср. Послѣ тяжкой болѣзни графъ Иванъ Давыдовичъ Деляновъ принялъ меня полулежа въ креслахъ. На вопросъ мой, зачемъ онъ утомлялъ себя, принимая иногда по 300 просителей въ день, тогда какъ у него есть товарищъ, онъ отвѣтилъ: не всѣ дѣла можетъ самостоятельно рѣшать товарищъ. – Такъ передавали бы Вы ему хотя бы ему хотя тѣ дѣла, которые онъ можетъ самъ рѣшать, возразилъ я…

Задумался Иванъ Давыдовичъ на минуту и, поднявъ руку къ губамъ, онъ отвѣтилъ мнѣ: *да вѣдь сердце надобно.*

Михельсонъ. Мои воспоминанія.

Ср. Говорятъ, Аракчевъ съ Клейнмихелемъ изъ Харькова совсѣмъ безъ сердца прикатили… – Знаете ваше сіятельство… здѣсь нельзя было спрашивать сердце. «*Спрашивать сердце всегда и вездѣ должно*».

Лѣсковъ. Захудалый родъ. …»;

«248. **Сердце не лукошко, не прошибешь окошко.**

Ср. Неведомо, какія мысли занимали тогда Акулину, *сердце не лукошко, не прошибешь окошко.*

Д. Б. Григоровичъ. Деревня. …

Ср. Чужая душа потемки»;

«255. **Сердце царево въ руцѣ Божіей**.

Ср. *Сердце царево въ руцѣ Божіей*. Царь есть рабъ исторіи. Наполеонъ …никогда болѣе, какъ теперь (1812 г.), не подлежалъ темъ неизбѣжнымъ законамъ, которые заставляли его дѣлать для общаго дѣла, для исторіи – то, что должно было совершиться.

Гр. Л. Н. Толстой. Война и миръ.

Ср. *Сердце царево въ руцѣ Божіей…* Значитъ Господу, угодно перемѣнить житіе наше, если Царь решилъ нашимъ святымъ больше не быть…

Мельниковъ. Въ лѣсах. …

Ср. О государь, Господь смягчилъ тебя,

Въ рукѣ Его Царево сердце!

Пл. Гр. Ободовскій. Князья Шуйскіе. …

Ср. Сердце царя – въ рукѣ Господа, какъ потоки водъ: куда захочетъ, Онъ направляетъ его.

Притч. 21, 1»;

«252. **Сердце рвется пополамъ**.

Ср. Да, *рвемъ* мы *сердце пополамъ*

Другъ другу…

Некрасовъ. Русскія женщины …

Ср. И облегченья не находитъ

Она (Татьяна) подавленнымъ слезамъ,

И *сердце рвется пополамъ*.

А. С. Пушкинъ. Евг. Онѣг. …

См. Твои рѣчи – будто острый ножъ» [Михельсон 1994, С. 245 – 247].

Помимо этого заслуживает, на наш взгляд, внимания и собственно *способ толкования* устойчивых словосочетаний, избранный М. И. Михельсоном, акцентирующий внимание не только на свойственных фразеологизму семантических особенностях, но и на употреблении его в первую очередь как единицы языка, вобравшей в себя особенности культуры, быта и менталитета носителей лингвокультуры, в условиях которой возник и функционирует фразеологический оборот. Например, входящие во многие лингвистические словари устойчивые выражения *сердце прыгает (запрыгало)* и *сердце кровью обливается* в справочном пособии М. И. Михельсона интерпретируются с явным акцентом на особенностях его функционирования в народной русской культуре (приведённая иллюстрация из народной песни) и в русской классической литературе (привлечённый иллюстративный материал из произведений И. С. Тургенева и М. Ю. Лермонтова; М. Е. Салтыкова-Щедрина, П. И. Мельникова-Печерского и А. Ф. Писемского):

«242. **Сердце запрыгало** (иноск.) сильно забилось (отъ волненія).

Ср. *Сердце* во мнѣ такъ и *прыгало*; мнѣ было очень стыдно и весело; я чувствовалъ небывалое волненіе.

Тургеневъ. Первая любовь. …

Ср. Образъ молодой дѣвушки носился передо мною, *сердце перестало прыгать*, но какъ-то пріятно сжималось.

Тамъ же.

Ср. *Сердце* во мнѣ *прыгаетъ*

«Матушка голубушка». (Пѣсня.)

Ср. Слышу ли голосъ твой

Звонкій и ласковый –

Сердце какъ птичка

Въ клѣткѣ запрыгаетъ.

М. Ю. Лермонтовъ. 1840 г. …

См. Заиграли кости»;

«244. **Сердце кровью обливается** (иноск.) о сильномъ горѣ.

Ср. Вы удивитесь богатству французской литературы и, вздохнувъ, присовокупите: «счастлива ли та страна, в которой процвѣтаетъ литература»?.. Какимъ же образомъ вы приступите к этому «украшенію» съ огнемъ и мечемъ! Не *обольются ли кровью ваши сердца*? не помутится ли въ васъ разсудокъ.

Салтыковъ. Круглый годъ. 1-ое марта.

Ср. Иконы все больше родительскаго благословенія, – и ихъ тамъ тоже, какъ мы наслышаны, не очень хранятъ… *Кровью сердце обливается*, какъ подумаешь о томъ.

Писемскій. Люди сороковыхъ годовъ. …

Ср. Вдругъ нахлынетъ тоска со всего свѣта вольнаго, и запоетъ *сердце кровью обливаючись.*

Мельниковъ. На горахъ.» [Михельсон 1994, С. 245].

Актуализации культурной семантики трактуемых в словаре М. И. Михельсона фразеологизмов способствует и **сопоставление** идиом как элементов культурно-языковой картины носителей русского языка со сходными (прежде всего по значению, но не по лингвокультурным свойствам) устойчивыми единицами из других лингвокультур (такое сопоставление представлено в рассматриваемом источнике достаточно широко; рассчитано оно, безусловно, на лиц, владеющих иностранными языками, прежде всего французским, что для представителей образованного русского общества конца XIX – начала XX века было вполне естественным), ср., например:

«231. **Сердечкинъ** (иноск.) – влюбчивый (съ чувствительнымъ сердечкомъ).

Ср. Вы надо мной подсмѣиваться будете… Вѣроятно, уже теперь … называете меня старымъ сатиромъ… *Сердечкинымъ*?

Боборыкинъ. Василий Теркинъ. …

Ср. Влюбленъ … во всѣхъ. Такой уж ты, братъ, *сердечкинъ*.

Лѣсковъ. Въ провінціи. …

Ср. По натурѣ своей, онъ былъ… то, что называется: «*сердечкинъ*», то-есть, повторяя выраженіе одного изъ его сотрудниковъ: «постоянно носилъ подъ зеленкой тоскующую горлицу»…

Григоровичъ. Не по хорошу милъ, – по милу хорошъ. …

Полиціймейстеръ просилъ меня (преобразить его въ военные)… я думаю, чтобы больше нравиться женщинамъ…. Только этимъ и занимается, больше ничѣм – рѣшительно *Сердечкинъ*, теперь вот влюбленъ в эту молоденькую актрису и цѣлыя дни сидитъ у нея, пишетъ ей стихи…

Писемскій. Люди сороковыхъ годовъ. … …

Ср. **Amourcux des onze mille vierges (de toutes les femmes.).**

Oudin. Curiessités franç» (выделено мною. – Х. Ч.) [Михельсон 1994, С. 244].

Интересующие нас фразеологизмы – фразеологические единицы, имеющие в своём составе компонент *сердце* и в ряде случаев производные этой номинации, – по своим семантико-стилистическим особенностям (т. е. с учётом *значения* и присущей им *стилистической окраски*) могут быть объединены в несколько основных групп:

‘*сердце* как вместилище чувств и переживаний человека’ (*хватать за сердце, трогать сердце, бередить сердце* и т. д.);

‘*сердце* как орган, способный сопереживать’ (*сердце рвётся пополам, сердце сжимается, сердце разрывается* и др.);

‘*сердце* как вместилище любви’ (покорять сердце, владеть сердцем, овладевать сердцем, побеждать сердце и т. д.);

‘*сердце* как показатель определённого нравственного состояния, в том числе и его динамики’ (*словно камень с сердца свалился, отводить сердце, отлегло от сердца, облегчать сердце* и др.);

‘*сердце* как вместилище памяти человека’ – фразеологизмы, обозначающие и характеризующие процесс запоминания либо забывания, а также хранения информации (*западать в сердце, врезаться в сердце; держать на сердце, лежать на сердце; оторвать от сердца, вырвать из сердца, выкинуть из (своего) сердца*);

‘*сердце* как средоточие внутреннего мира человека, его сознания и подсознания – всего того, что скрыто от посторонних глаз’ (*таить в сердце, в глубине сердца* и т. д.).

Помимо перечисленного, фразеологизмы с компонентом *сердце* могут выражать:

отношение человека к окружающему (*от всего сердца, войти в сердце, положа руку на сердце* и др.);

характеристику человека (*золотое сердце, мягкое сердце, каменное сердце, сердце обросло мохом, неукротимое сердце* и т. д.);

поведение человека в обществе (*давать волю сердцу, срывать сердце, находить доступ к сердцу, срывать сердце* и т. д.).

В целом, как можно убедиться, перечисленные значения идиом явно перекликаются со значениями собственно лексемы *сердце*, дополняя и конкретизируя её, а также значительно актуализируя имеющийся культурный потенциал.

2.4. Фразеологизмы с компонентом «сердце» в картинах мира носителей русского и китайского языков: сходства и отличия

Фразеологические единицы, отражая в своей семантике процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки, эталоны, стереотипы. Эти языковые элементы, наряду с паремиями, по общему мнению исследователей, принадлежат к «особо насыщенным знакам языка … , которые словно и существуют для передачи всех планов **культурной информации**, для трансляции культурно значимого ценностного её содержания» [Ковшова 2016, С. 35].

Во фразеологизмах русского языка с компонентом *сердце* при сравнении их с аналогичной группой фразеологических единиц китайского языка можно обнаружить как сходные, так и отличные черты.

Причём значительные совпадения в семантике, а также процессах и способах образования рассматриваемых фразеологических единиц иногда обнаруживаются, невзирая на существующие между русским и китайским языками *типологическими* различиями (общеизвестно, что означенные языки принадлежат к *разным языковым семьям*, между которыми существуют явные типологические отличия).

Например, русскому фразеологизм *всем сердцем* ‘полностью отдавая самого себя, всем существом’ соответствует китайская фразеологическая единица, в переводе звучащая как *всей силой сердца* (буквальный перевод, с учётом иероглифического характера китайского языка: *делать полностью – сердце – сила*).

Возможны случаи, когда существующие в русском и китайском языках фразеологические единицы совпадают по компонентному составу, однако обнаруживают различия в семантике, которые могут проявляться в большей или меньшей степени. Например, фразеологизм *сердце не на месте* в русском языке обозначает ‘о томительном чувстве тревоги, испытываемом кем-либо’; аналогичная по своему компонентному составу фразеологическая единица китайского (*сердце не на месте*) используется для обозначения рассеянного и/или абсолютно безразличного ко всему человека.

Некоторые из русских фразеологических единиц не имеют эквивалентов-фразеологизмов в китайском языке, однако свойственное русским фразеологизмам значение может быть передано на китайском языке выражениями, которые в этом языке не признаются устойчивыми, т. е. не являются фразеологическими единицами. Например: фразеологизму русского языка *большое сердце* (‘о ком-либо отзывчивом, добром, способном горячо чувствовать’) в китайском языке соответствует выражение с в целом аналогичным значением, которое представляет собой свободное словосочетание; подобным же

свободным словосочетанием китайского языка передаётся значение русского фразеологизма *сердце отходит* (‘кто-то перестаёт волноваться, успокаивается’).

Одновременно с этим в китайском языке существуют фразеологические единицы, для которых в русском языке отсутствуют эквиваленты-фразеологизмы семантического свойства, например:

растрогать сердце, развеселить глаза (‘развлекать музыкой, спектаклем’ – обычно об интересных событиях искусства: танце, музыкальном произведении, спектакле);

язык говорит и сердце (одновременно) думает (в буквальной передаче: *язык – читать – сердце – думать*: ‘заниматься серьёзно, не просто читать, а ещё и задумываться, размышлять над смыслом прочитанного’);

мысль – хитрый – плохой (‘иметь злое сердце и хитрые мысли’).

Более подробную информацию о вариантах соотношения русских и китайских фразеологизмов с компонентом *сердце* содержит помещённый в приложении к диссертации «Русско-китайский и китайско-русский фразеологический словарь с компонентами «сердце» и «душа», подготовленный автором [Чжоу 2010].

Таким образом, представленный значительный корпус других примеров свидетельствует, что фразеологические единицы, бесспорно являющиеся в каждом языке одним из наиболее «культуроносных» пластов языковых единиц, в то же время по-разному отражают в себе историю, культуру, особенности мышления и другие национально-специфические черты, свойственные конкретной нации или народности.

Содержание, включающее в том числе и смыслы культурного характера, в одном языке может быть выражено фразеологизмом, в то время как другой язык передаёт аналогичное содержание свободным словосочетанием, а иногда и отдельным словом и т. д. Подобные несовпадения (а иногда и сходные черты) обусловливают значительные трудности для переводчиков с русского языка на китайский и наоборот, поскольку при переводе необходимо выбрать из имеющихся в наличии средств как собственного, так и чужого языка именно те,

которые не исказят сути передаваемого содержания, позволят сберечь не только его смысл, но и свойственную переводимым единицам культурную информацию.

Выводы к разделу II

Данный раздел является ключевым для нашей диссертационной работы – именно в нём содержится большинство принципиально значимых для проводимого исследования выводов.

Обзор лексикографического осмысления лексемы *сердце* в толковых словарях русского языка XIX – XX веков в аспекте её лексико-семантического наполнения и сопутствующих лексическим значениям смыслов позволяет прийти к следующим выводам.

Лексема *сердце* в русском литературном языке, начиная с XIX века, рассматривалась как **многозначное** образование, в составе которого *сосуществуют* несколько **значений** и их оттенков значений. При этом все словари, начиная с «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, занимающего особое место не только в истории отечественной и зарубежной лексикографии, но и в истории лингвистической мысли в принципе, а также в русской и восточнославянской культуре, в качестве *первичного*, прямого значения фиксируют информацию об одном из основных органов человеческого организма (часто – и организма животных), при передаче которой приоритетными являются указания на *телесные* признаки.

Большинство словарей отмечают у этого значения один оттенок – ‘место на левой стороне груди, где находится этот орган’, который в ряде устойчивых выражений реализуется с явными признаками *переносного* (ср., например: *положа руку на сердце* и др.). Судя по приведённому в различных лексикографических источниках иллюстративному материалу, этот оттенок значения функционирует в русском языке охватываемых словарями периодов весьма активно.

В то же время проанализированный материал свидетельствует, что не менее активно функционирующими в различных сферах речевой коммуникации оказываются другие переносные значения лексемы *сердце*, число которых в разных словарях колеблется от **2** до **5**.

Наибольшее разнообразие в плане представленности в оттенках значений, а также сочетаемостных свойств, вхождения в устойчивые словосочетания и т. д. демонстрируют значения, характеризующие *внутренний мир человека* (сферу его эмоций и интуицию), *душевные качества и характер*, *особенности настроения*.

В данном разделе систематизированы имеющиеся в русском языке фразеологические единицы с компонентом *сердце* и образованиями от основы *сердц-* на основе нескольких признаков: *структуры* (модели образования), *семантики*, стилистической окрашенности. Установлено, что большинство фразеологизмов с компонентом *сердце* и его дериватами обладают семантикой, обусловливающей их использование в речевом общении преимущественно для описания и раскрытия сути *внутреннего мира* человека, характеристики его *психологических*, *эмоциональных* и других *душевных* качеств.

Данный раздел содержит ряд наблюдений *сопоставительного* характера, имеющих, на наш взгляд, важное значение для адекватного восприятия и/или понимания культурно-языковых картин мира двух разноструктурных языков: *русского* и *китайского*, а также некоторые предлагаемые автором принципы, на которые, как представляется, целесообразно опираться при переводе имени *сердце* и других языковых единиц с компонентом *сердце* с русского языка на китайский и с китайского на русский.

Продемонстрировано, что, несмотря на типологические отличия, рассматриваемые языки обнаруживают определённое **сходство** как в способах образования исследуемых фразеологических единиц, так и в свойственных фразеологизмам семантике и стилистической окрашенности.

В то же время фразеологические фонды с компонентом *сердце* русского и китайского языков имеют довольно много отличий, обусловленных, с одной

стороны, структурным несходством языков (принадлежностью в разным языковым типам), с другой стороны – разницею собственно в культурно-языковых картинах мира.

Список литературы

1. Бирих А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. СПб.: Фолио-пресс, 1998. 704 с.

2. Валгина Н С. Современный русский язык: учебник / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина / под редакцией Н. С. Валгиной. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Логос, 2002. 528 с.

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т.1 – 4. – М.: Русский язык, 1978 – 1980; Т. I. 699 с.; Т. II. 779 с.; Т. III. 555 с.; Т. IV. 683 с.

4. Ковшова М. Л. Культурная информация в семантике языковых знаков // Лингвокультурологические исследования. Язык лингвокультурологии: теория vs эмпирия. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 27 – 36.

5. Колесов В. В. Словарь русской ментальности: В 2-х тт. Т. 2. П – Я / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.

6. Лексические минимумы современного русского языка / В. В. Морковкин, Ю. А. Сафьян, Е. М. Степанова, И. В. Дорофеева; под ред. В. В. Морковкина. М.: Русский язык, 1985. 608 с.

7. Маслова В. А. Культурно-национальная специфика русской фразеологии // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 69 – 76.

8. Михельсон Мориц Ильич. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1-2: Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). СПб., тип. Ак. наук, 1896—1912. 2208 стр.

9. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое, опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и высказываний: В 2-х т. Т. 2. М.: Русские словари, 1994. 936 с.

10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://search.ruscorpora.ru/search.xml. Дата доступа 11.07.2012.

11. Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын. 3-е изд. М.: Русский путь, 2000. 280 с.

12. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под общ. редакцией Н. И. Толстого. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). М.: Международные отношения, 2009. 656 с.

13. Словарь образных выражений русского языка / под ред. В. Н. Телия. М.: «Отечество», 1995. 368 с.

14. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

15. Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь русского языка. М.: АСТ: Астрель, 2002. 704 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.speakrus.ru/dict/

16. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.

17. Тресиддер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.

18. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13 000 фразеологических единиц. 3-е, изд., испр. М.: Астрель, АСТ, 2008. Т. I. А – М. 391 с.; Т. II. Н – Я. 396 с.

19. Чжоу Х. *Душа* и *сердце* в русской языковой картине мира // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. № 20 (207). Частина II. Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2010. С. 90 – 93.

20. Чжоу Х. Русско-китайский и китайско-русский фразеологический словарь с компонентами «сердце» и «душа». Луганск: Глобус, 2010. 72 с.

21. Шарифьян Ф., Лебедева И. Л. Культурологическая лингвистика и межкультурная коммуникация // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). 2015. Т. 3. С. 80–97.

РАЗДЕЛ III. ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛОВА *СЕРДЦЕ* В СОВРЕМЕННЫХ КОНТЕКСТАХ

3.1. Актуализация лингвокультурного потенциала слова *сердце* и его дериватов в современной речи

Лексема *сердце* в своих лексико-семантических вариантах и в качестве компонента различных устойчивых словосочетаний (прежде всего – фразеологизмов) и контекстов продолжает активно функционировать и в современном русском языке, будучи вводимой в разного рода (по стилевой, жанровой и иной принадлежности) речевые произведения (тексты); это позволяет предположить, что данное понятие в процессе своего употребления в той или иной мере продолжает **аккумулировать** в себе информацию, сопутствующую собственно семантике (в том числе и интересующую нас – **культурно значимую**), либо же **расширять** или **трансформировать** иным образом уже имеющуюся.

Нередко такие процессы находят отражение в различного рода источниках, в том числе словарях и справочниках, не распространённого ранее типа. Так, например, для нашего исследования определённый интерес представляет «Словарь крылатых выражений из области искусства», составленный С. Г. Шулежковой (издан в 2003 году), включающий описание трёх контекстов (крылатых выражений или, точнее, прецедентных текстов, выделенных из различных песенных текстов. Примечательно, что эти песенные тексты принадлежат к различным временным периодам и в настоящее время уже пережили пик своей популярности в обществе; однако, судя по приводимым автором иллюстрациям, и в современном языке весьма активны в использовании. Так, например, крылатая фраза *Сердце красавицы склонно к измене* восходит к переводному (с итальянского языка) произведению искусства, вошедшем в русскую культуру в конце XIX века; однако, судя по приведённым в словарной статье иллюстрациям, оно оказывается весьма востребованным и в настоящий

период, в современной русской лингвокультуре, ср.: «**СЕРДЦЕ КРАСАВИЦЫ СКЛОННО К ИЗМЕНЕ**. *Разг. шутл.* … Восходит к песенке герцога из оперы Дж. Верди. Либретто Ф. М. Пиаве, первая постановка в Венеции в 1851 г., в Петербурге – в 1853 г., на русской сцене – 6 ноября 1878 г. Русский перевод либретто П. И. Калашникова: «**Сердце красавицы склонно к измене** / И к перемене, как ветер мая. / Ласки их любим мы, / Хоть они ложны. / Жить невозможно/ Без наслажденья. / Пусть же смеются, пусть увлекают, / Но изменяют тоже шутя».

Красивые женщины легкомысленны, непостоянны.

Луна – самое близкое к нам и самое изученное небесное тело. Наверное, поэтому без устали воспевают луну поэты, любуются луной прозаики. Да и как не обратить внимания на эту ***красавицу****, когда она вечерней или ночной порой величественно плывёт по небу! Не зря, видимо, поётся о том, что «****сердце красавицы склонно к измене****». Вот и луна, случается, подшучивает над писателями, ставит их в неловкое положение. Луна очень коварна! ЛГ, 2.04.80. – Как новенькая? Начинает привыкать? – Боюсь, упорхнёт. Уж слишком хороша. Сам знаешь,* ***сердце красавицы склонно к измене****… это ведь у них не только по отношению к сильному полу. К науке тоже (Сослуживцы о новой лаборантке). Запись 1987 г.*

Заголовки: ***Сердце красавицы склонно к измене****. А сердце красавца? Рубрика в газете «Спидинфо», 1991, № 5. * Сердце инвестора склонно к измене. Статья В. Вишнякова о финансировании кинематографа. Росс. газета, 8.12.94;* **** Сердце красавицы. Оно было склонно к измене только по указанию Центра****. Интервью, данное коллегой писательницы З. Воскресенской, которая одновременно была полковником КГБ, заместителем резидента советской разведки в Финляндии. КП, 18.01.94; ** ***Сердце «Красотки» склонно к измене****. Статья В. Котикова о знаменитой актрисе Джулии Робертс, которая в очередной раз собралась замуж КП. 30.05.95*» [Шулежкова 2003, С. 285 – 286].

Приведённые контексты, в составе которых употреблено крылатое выражение с компонентом *сердце*, вполне убедительно свидетельствуют и о

востребованности, и о творческом осмыслении этой единицы языка в конце XX столетия: как видим, устойчивое сочетание активно включается в современные публицистические произведения в функции и заголовков, и элементов собственно текста. Примечательно при этом, что данное выражение может функционировать в современном дискурсе и в качестве «готовой» формулы, и в трансформированном виде – ср. приведённые в словарной статье примеры газетных заголовков, где структура устойчивого выражения намеренно разрушается авторами, что приводит и к определённым семантическим изменениям, к иной, нежели в исходном материале, расстановке акцентов и т. д. (например, замена одного из компонентов выражения весьма похожим, но всё же иным в заголовке *Сердце «Красотки» склонно к измене*: нарицательное существительное *красавица* заменено именем собственным «*Красотка*» (название популярного в определённое время кинофильма с участием актрисы, о которой идёт речь в самой публикации), что обусловливает «игру» смыслов в известном выражении, формирует у него дополнительную информацию образного характера.

Не менее, а в определённой степени и более интересной представляется интерпретация крылатого выражения *Сердце Родины моей*, взятого из очевидно **национально-культурно** значимого текста, что отмечено в описании значения языковой единицы и подтверждается имеющейся у выражения стилистической окраской (*высокое*): «**СЕРДЦЕ РОДИНЫ МОЕЙ**. *Высок. публ*. …

Заключительная строка первого куплета песни Дм. и Дан. Я. Покрассов на стихи В. И. Лебедева-Кумача «Москва майская». Инициатором создания и одним из соавторов песни можно считать режиссёра-документалиста М. Я. Слуцкого. Первое исполнение «Москвы майской» – на летней эстраде в саду «Эрмитаж». Песня вошла в фильм «Двадцатый май» (1937) о первомайском военном параде и демонстрации на Красной площади (реж. М. Я. Слуцкий): «Утро красит нежным светом / Стены древнего Кремля,/ Просыпается с рассветом / Вся Советская земля. / Холодок бежит за ворот,/ Шум на улице сильней, / С добрым утром, милый город. / **Сердце Родины моей**!» …

... Я склоняю голову перед светлой памятью тех, кто стоял насмерть, но не пропустил врага к ***сердцу нашей Родины****, её столице, городу-герою Москве. Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления… Начальник С. И. Младенцев сказал им: – Озверелый враг рвётся к сердцу нашей Родины – Москве. Там же.* **** Сердце Родины хотят пересадить****! Заметка В. Устюжанина, в которой говорится, как на встрече лидера украинских ультранационалистов с российским председателем Комитета по геополитике обсуждался вопрос о переносе столицы единого славянского государства из Москвы в Киев. КП.3.03.93*» [Шулежкова 2003, С. 286].

Приводимые в качестве иллюстративного материала текстовые фрагменты подтверждают сформировавшийся у крылатой фразы *образно-стилистический* ореол, обусловливающий её использование преимущественно в речевых произведения *торжественного,* как, к примеру, в первом из приведённых текстов (воспоминания полководца), либо *подчёркнуто гражданского* звучания, как это можно наблюдать во втором из приводимых публицистических фрагментов. Отметим, что во второй текстовой иллюстрации крылатая фраза использована в явно трансформированном виде, – автор **объединяет** в одной фразе два устойчивых выражения с компонентом *сердце*: *сердце Родины моей* и *пересадка сердца* – причём таких, в которых реализованы разные значения лексемы *сердце* (в первом – *переносное*, во втором – *прямое*). Это, безусловно, значительно повышает *образность* (и соответственно – *степень воздействия* на адресата) названия публицистического текста (заметки), в функции которого трансформированное крылатое выражение использовано.

«Словарь крылатых выражений из области искусства» С. Г. Шулежковой содержит ещё одно устойчивое выражение, которое для русской лингвокультуры, по нашему мнению, уже является **прецедентным**: **«СЕРДЦЕ, ТЕБЕ НЕ ХОЧЕТСЯ ПОКОЯ**. …

Восходит к песенке Кости («Сердце»), исполненной Л. О. Утёсовым в кинокомедии Г. В. Александрова «Весёлые ребята» (1934). Слова В. И. Лебедева-Кумача, муз. И. О. Дунаевского: «**Сердце, тебе не хочется покоя!** / Сердце, как

хорошо на свете жить! / Сердце, как хорошо, что ты такое! / Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить!»

… Так характеризуют людей энергичных, беспокойных, живущих активной жизнью (духовной, общественной, трудовой).

Труден был жизненный и рабочий путь товарища Иванова, человека, чьё ***сердце*** *не знает и* ***не хочет покоя****. Этот цех, где мы вручаем ему награду, создавался его руками, его умом и его сердцем… Выступление на торжественном собрании при вручении медали «Ветеран труда». Запись 1986 г.*

Заголовки: * ***Сердцу не хочется покоя****. Статья о физкультурниках-ветеранах. Труд. 9.05.82; заметка в разделе «Вести с предприятий». МР, 8.05.82;* ***Сердце, тебе не хочется покоя****… Сборник песен. – М., 2000»* [Шулежкова 2003, С. 286].

Представляется, что автор словаря сообщает при описании значения крылатого выражения информацию, позволяющую адресату в известной степени «проследить» за формированием у него культурно значимой для носителя русской лингвокультуры информации, опираясь на знаковые для него реалии, – каждое из упомянутых имён – певца **Леонида Утёсова**, режиссёра **Григория Васильевича Александрова**, поэта-песенника **Василия Ивановича Лебедева-Кумача** и композитора **Исаака Осиповича Дунаевского** – прочно вошли в число **прецедентных** имён для русской, прежде всего – советской культуры и для образованного человека значат куда больше, чем просто обозначение той или иной личности; за каждым из них закрепилась довольно обширная **культурно значимая** информация. Примечательно и то, что данная крылатая фраза используется **для характеристики людей** определённого склада характера, душевных качеств («Так характеризуют людей энергичных, беспокойных, живущих активной жизнью (духовной, общественной, трудовой»), позволяя придать подобной характеристике особую образность и экспрессивность, что подтверждают приведённые автором текстовая иллюстрация (из публицистического произведения) и два заголовка – газетной заметки и сборника песен.

3.2. Трансформация лингвокультурного компонента лексемы *сердце* в русском литературном языке XX – XXI веков: основные тенденции и способы их воплощения

Писатели, и в особенности поэты, на протяжении нескольких веков образно осмысливают как собственно **лексему** *сердце*, так и разнообразные производные от корня *сердц-* (*серд-*), а также многочисленные **фразеологические единицы** с компонентом *сердце*. Наиболее распространённым приёмом образного осмысления в подобных случаях, по нашим наблюдениям, является введение **лексической** либо **фразеологической** единицы с компонентом *сердце* **в состав** разнообразных **тропов**.

Материал нашего исследования позволяет выделить определённые семантические *совокупности* таких *тропов*, формирующих в свою очередь определённые образные параллели, рассмотрение которых, как представляется, будет полезным для установления особенностей анализируемой национально-языковой картины мира носителей русского языка (в данном случае исследователь получает информацию об одной из составляющих русской национально-языковой картины мира – о ***поэтической*** национально-языковой картине мира).

Опираясь на научные источники, зафиксировавшие системные группировки поэтических контекстов с компонентом *сердце* [Павлович 1989], рассмотрим наиболее распространённые из выявленных исследователями **образных параллелей** – объединений тропов, в состав которых входит слово *сердце* либо же его поэтический аналог *душа*.

В поэзии XIX века наиболее широко представлена образная параллель, связанная с сопоставлением *сердца* с **музыкальными инструментами** либо извлекаемыми из этих инструментов **звуками**: ***сердце*** (***душа***) ***– струна, скрипка*** или же ***арфа, рояль***. Так, в творчестве поэтов XIX века – М. Ю. Лермонтова, А. Н. Майкова, А. А. Фета и других – функционируют метафоры *струны сердца, струны души*. Эти же метафоры встречаются в стихотворных произведениях

поэтов XX столетия: *Рыдайте, сорванные* ***струны Души*** *моей* (А. Белый); *Дрожит* ***сердечко, как струна У арфы*** *дивной сладкозвучной: Она впервые влюблена;* ***поёт сердечко, как струна***; *Душа – как арфа* (И. Северянин); … ***струны*** *напряжённой,* ***как арфа, души*** (А. Блок) и другие.

Более того, в поэзии XX века наблюдается очевидное развитие приведённого ряда тропов, что подтверждают приводимые далее примеры: *Моя* ***душа****, печальная* ***виола*** (В. Брюсов); ***Душа*** *– семиструнная* ***лира*** (А. Белый); *И нестерпимо и неустанно Сердце* ***гудит, как тугая струна*** (В. Луговской); *И ветры с грустною истомой Всё дуют* ***в дудочку души*** (Б. Окуджава) и другие.

Весьма устойчивый характер имеет в русской поэзии различных периодов уподобление *сердца* ***птице***, находящее выражение в разнообразных по своему характеру тропах: среди таких тропов очень активны, к примеру, **сравнения** с разными **глаголами**: *встрепенуться, трепетать, трепыхаться, метаться, биться, бить, дрожать, прыгать* и т. д.: *И* ***птицей сердце затрепещется****, Чтоб вновь упасть, узнав обман* (Вяч. Иванов); ***Сердце, словно птица раненая****, Так же бьётся, как тогда* (В. Брюсов); ***Сердце бьётся****, как* ***птица*** *в руке* (Н. Гумилёв); *И* ***сердце бьётся*** *раненою* ***птицей****, Когда начну статью свою читать* (В. Высоцкий); *Иль это* ***в груди Словно птица колотится*** *в клетке*? (П. Антокольский); ***Сердце****, взвейся,* ***как лёгкая птица*** (А. Блок); *Возьми, улети, моё* ***сердце, Как птица****, На милый порог* (В. Луговской); ***Сердце*** *бьётся,* ***как птица томится*** *– То вдали закружилась она – В лёгком танце,* ***летящая птица****, Никому, никому не верна…* (А. Блок); ***Как пойманную птицу – сердце*** *Несу к тебе, с одной тревогой: Как бы не отняли мальчишки, Как бы не выбилась – сама!* (М. Цветаева).

В представлении русских поэтов как XIX, так и XX веков *сердце* может уподобляться и *конкретной* **птице** – например, *орлу* или *соколу*: <…> ***сердце*** *сильно* ***забилось, как орёл*** *в железной клетке; Недвижно сердце было в нём,* ***Как сокол*** *на скале морской Сидящий позднею порой* (М. Ю. Лермонтов); ***Твёрже*** *стали,* ***орлиного когтя*** *Безнадёжное* ***сердце*** (И. Бунин); *С сердцем, бьющимся,*

как сокол Во плену, во плену (Вяч. Иванов); ***спускаться на руку****; И,* ***как с небес добывший крови сокол, Спускалось сердце*** *на руку к тебе* (Б. Пастернак).

Иногда же *сердце* в поэтических произведениях сравнивается просто с **птичкой** (птенчиком) – таковы приводимые далее сравнения, в составе которых одним из компонентов является **глагол**: *Везде прекрасен божий свет. Отечества* ***для сердца*** *нет!* ***Оно*** *насилья не боится,* ***Как птичка вырвется, умчится*** (М. Ю. Лермонтов); <…> ***сердце*** *моё* ***встрепенулось, Как птичка навстречу весны*** (Я. Полонский); *И* ***сердце*** *мёртвое, мне данное судьбой, Из рук твоих смиренно принимаю*, ***Как птичку серую****, согретую тобой* (М. Волошин); ***Сердце****, ты –* ***птенчик****; Свой щебет уйми!* (А. Белый).

Одной из самых распространённых в русской поэзии разных периодов образных параллелей является параллель, основанная на сопоставлении сердца с **необычными**, часто **символическими птицами***: сердце – голубь, жар-птица, феникс, ласточка, ястреб, дятел, петух*, *стриж*: *Взглянул – и пылкое навстречу* ***сердце*** *рвётся!* ***Так голубь****, бурею застигнутый,* ***в стекло,*** *Как очарованный,* ***крылом лазурным бьётся*** (А. Фет); *И* ***сердце трепетало, точно голубь*** (И. Бунин); ***В сердце – ласточки*** (М. Цветаева); *Хоть* ***жар-птицей Пылает сердце*** *не шутя* (Вяч. Иванов); *Я помню первый день, младенческое зверство, Истомы и глотка божественную муть, Всю беззаботность рук, всю бессердечность* ***сердца, Что камнем падало – и ястребом*** *– на грудь* (М. Цветаева); *Гори ж, истлей на самозданном, О* ***сердце-феникс****, очаге!* (Вяч. Иванов); ***В сердце*** *твоём* ***оголтелый дятел*** *Не для меня* ***стучит*** *о любви* (И. Сельвинский); *Казалось, что* ***сердце*** *сейчас* ***запоёт петухом*** (А. Белый); ***Как петух*** *недорезанный,* ***сердце колотит*** (И. Сельвинский); *Ты,* ***сердце, – неумолчный стриж****, Кого зовёшь, о чём визжишь?* (А. Белый); *Взвизгни ж,* ***Сердце Моё****, Дикий Вырванный* ***Стриж*** (А. Белый); *Эта ночь бесконечна была, Я не смел, я боялся уснуть:* ***Два мучительных чёрных крыла*** *Тяжело мне* ***ложились на грудь****. На призывы ж тех крыльев в ответ Трепетал, замирая,* ***птенец*** (И. Анненский).

Образ **птицы** в сопоставлении с *сердцем* (*душой*) довольно часто лежит в основе такого поэтического приёма, как **перифраза** (перифраз), весьма распространённого в русской поэзии разных веков: ***Сердце – лёгкая птица забвений*** *В золотой пролетающий час* (А. Блок); *И* ***сердце – обезумевшая птица*** *– В немой мольбе Пусть из груди – разорванной темницы – Летит к тебе* (А. Белый); <…> ***сердце – летящая птица***… (А. Блок).

Довольно часто в русской поэзии *сердце* (*душа*) образно осмысливается в сопоставлении с **тканью**, формируя в результате образную параллель **сердце – ткань**, которая имеет довольно разнообразные речевые воплощения: *И бездыханная,* ***как полотно, Душа висит*** *над бездною проклятой* (О. Мандельштам); *И* ***трепещет сердце, Как лёгкий флаг*** *на мачте корабельной, Между воспоминаньем и надеждой…* (В. Ходасевич) – с одной стороны; ***Сердце изношено, как синие брюки*** *Человека, который носит кирпичи;* ***Душа словно*** *мокрый слинявший* ***чулок*** (С. Чёрный) – с другой.

Для поэзии XIX – начала XX века распространённой является ещё одна образная параллель – сопоставление *сердца* (*души*) с **храмом**; однако с развитием поэтического языка эта параллель вытесняется иными, находящими в поэзии второй половины XX века более частотные проявления.

Чрезвычайно интересно проследить за функционированием ещё одной явно выделяющейся в поэтическом языке образной параллели, связанной с эстетическим осмыслением *сердца* (*души*): *сердце* (*душа*) – **жилище**, – которая, по нашим наблюдениям, достаточно существенно трансформировалась в ходе развития поэтического языка, приобретя очевидные «земные», иногда даже бытовые смыслы: *в моей* ***душе, как келья,*** *душной* (А. Блок); *солнечные* ***сени души*** (Вяч. Иванов); ***Души*** *в нас –* ***залы*** *для редких гостей… Тесные* ***келейки*** *– наши* ***сердца*** (М. Цветаева).

Сердце и *душа* образно конкретизируются как *места обитания не только человека, но и животных и других живых существ*: *Была её* ***душа*** *– Дум грустных* ***улей*** (В. Хлебников); *В* ***берлоге души*** *тебя сохраню* (И. Сельвинский); и наиболее

сниженный из встреченных нами образов: ***души – выгребные ямы**, совмещённый* ***санузел*** (А. Вознесенский).

Неоднозначно осмысливаются *сердце* и *душа* и при уподоблении **сосуду**: с одной стороны, сопоставление с образом, заключённым в явно *книжном*, даже *высоком*, слове ***сосуд***, с другой – с образами, которые обозначаются очевидно бытовыми, характерными для повседневной речи номинациями (**бутылка**, **чайник**, **кувшин**), ср. например: *Как медиум, опорожнив* ***сосуд*** *своей* ***души****, притягивает нежить…*; *И* ***душа выкипает****, как* ***чайник*** *забытый* (М. Волошин).

В поэзии XX века появляются и образные параллели, не свойственные поэзии иных, более ранних, периодов; таково, например, распространённое для минувшего века сопоставление *сердца* (*души*) с **представителями фауны**: *зверями, рыбами, насекомыми*: *А* ***душа*** *моя так же перед самым закатом* ***Прилетела*** *б со стороны сюда,* ***как пчела****, Охмелеть, упиваясь таким ароматом* (А. Фет); *Опять моё* ***сердце*** *упало,* ***как*** *подстреленная* ***белка*** *с высокой сосны* (В. Брюсов); *И* ***душа****, летя на север Золотой* ***пчелой,*** *В алый сон, в медовый клевер Ляжет на покой* (А. Блок); *Тайно из вечности в вечность* ***душа*** *воскресает живая:* ***Вынырнет*** *вольным* ***дельфином*** *в моря верховные* (Вяч. Иванов); *Но,* ***как лань****, Моё* ***трепещет сердце*** (И. Анненский); *И печальна так, и хороша Тёмная* ***звериная душа****…* ***плывёт дельфином*** *молодым По седым пучинам мировым* (О. Мандельштам); ***Сердце скачет****,* ***как белка*** *в хворосте Рёбер* (И. Бродский); *И* ***душа, как домашняя кошка****, Что-то* ***мурлычет*** *ему* (В. Шефнер).

Подводя итоги представленного краткого обзора существующих в языке русской поэзии образных параллелей, одним из компонентов которых является *сердце* (*душа*), можно сделать вывод о **неравномерности** развития этих феноменов поэтического языка.

К основным особенностям этого процесса можно отнести следующие:

- сфера использования устойчивых образных характеристик *продолжает расширяться* в ходе литературного процесса;

- *активизируются* тропы, развивающие смысловые мотивы и связи, которые прежде либо *вообще не проявлялись* в художественной речи, либо *были значительно менее активны*;

- в ряде случаев семантические связи, лишь *намеченные* в поэзии XIX века, в веке XX приобретают гораздо большее, иногда очень широкое, распространение. Это в первую очередь относится к образным мотивам, основанным на ассоциациях с бытовыми реалиями человеческой жизни;

- характер динамики образных параллелей с компонентом *сердце* обнаруживает определённую зависимость от изменений окружающей действительности, в частности от появления новых реалий, так или иначе взаимодействующих с информацией, заключённой в поэтических стихотворных текстах;

- некоторые образные параллели с компонентом *сердце* в процессе развития русской литературы очевидно идут на убыль, *вытесняются* более востребованными поэтами в качестве основы для воплощения поэтического содержания образными сопоставлениями (такова, в частности, достаточно популярная для поэзии XIX века образная параллель *сердце* – **храм**, в XX веке практически исчезнувшая из русского поэтического языка).

В современной поэзии – поэзии рубежа XX – XXI веков – можно выделить ряд авторов, в лирических произведениях которых номинация *сердце* в различном образном осмыслении функционирует достаточно активно. К числу таких авторов можно отнести, в частности, **Новеллу Матвееву**. Так, в её стихотворении «Любовь – игра без правил?» слово *сердце* употреблено дважды:

Игры в Любовь –
Вода в кровь!
Правила есть везде,
На Небе и на Земле.

Не станет ручей серебриться
Без Солнца,

поблекнут краски ситца.

Не станут моря о скалы биться

Без Луны,

онемеют наши лица.

Мы живём в паутине,

не замечая правил в рутине,

Но сердце правила знает,

Даже когда ум их отвергает!

Жизнь только кажется рулеткой,

Если с сердцем общаешься редко.

Земные дороги ткут Боги,

Но по дрогам идут наши ноги! (выделено мною. – Х. Ч.) [Матвеева].

В обоих случаях употребления номинации *сердце*: *сердце правила знает* и *с сердцем общаешься редко* – автор опирается на имеющиеся у лексемы переносные значения (’внутренний мир человека (сфера эмоций, интуиции и т. п.; обычно в противопоставлении рассудку, разуму; душа)’ и ’душевные качества, характер человека (о человеке с такими качествами, характером)’), однако осмысливает их в индивидуально-авторском ключе, вводя в две глагольные олицетворяющие метафоры.

Интересное, хотя и не очень заметное на первый взгляд, индивидуально-авторское преобразование в условиях поэтического текста наблюдаем и в стихотворении Н. Матвеевой «Живой да будет каждая строка…», фрагмент которого приводится далее:

Не хмурь многозначительно бровей,

Не покрывайся складками страданий!

Всего полней (не спорь!), всего живей

Жизнь гения и жизнь его созданий.

А нет, – оспорь Шекспира. Вот где зло!

...За окнами бушует Лондон ярый:

Там с ловлей фактов больше бы везло, –

А он корпит над летописью старой.

Не в жизни взял: с пергамента «списал»!

Но **кто нам сердце глубже потрясал**? (выделено мною. – Х. Ч.) [Матвеева].

По сути, в данном случае использовано довольно широко распространённое значение слова *сердце*, реализуемое в достаточно обширном ряду устойчивых выражений: *задевать зá сердце*, *овладевать сердцем*, *покорять сердце* и др., – в которых фиксируется реакция внутреннего мира человека на те или действия, поступки (в том числе и речевые) других лиц. Однако в сочетании с глаголом **потрясать**, в данном случае имеющим значение ‘сильно, волновать, производить большое впечатление’, а с дополнением данного словосочетания наречием в сравнительной степени **глубже** мера выраженности испытываемых чувств увеличивается до максимальной и безусловно повышает и экспрессию поэтического текста в целом.

Особым вниманием к осмыслению лексемы *сердце* в лирических произведениях отличается и современная поэтесса **Юнна Мориц**. Так, например, нельзя обойти вниманием созданный в её стихотворении «Мой ангел на меня сердит…» образ, где слово *сердце* становится распространителем в трансформированном автором фразеологизме *сидеть в печёнках*; фрагмент из этого стихотворения приводится ниже:

Так дружелюбнее взгляни,

Мой ангел, на амуров лёгких!

Их стрелы – пусть они одни! –

Сидят в печёнках, в сердце, в лёгких, –

Не вынимай, пускай поют

И гнёзда вьют в душе высокой!

Они пусть лучше заклюют,

Чем клювы пошлости жестокой (выделено мною. – Х. Ч.). [Мориц].

Фразеологизм *сидеть в печёнках* имеет в русском языке следующее значение: «**СИДИТ В ПЕЧЁНКАХ** *у кого*. Прост. Презр. Предельно досаждает, раздражает кто-либо или что-либо» [Фёдоров 2008, С. 237]. В стихотворении Ю. Мориц этот фразеологизм, изначально уже обладающий выраженной экспрессией, в результате авторской трансформации (дополнения ещё двумя компонентами – *в сердце, в лёгких*) превращается в центр создания яркого и нестандартного метафорического образа: *их* [амуров] *стрелы сидят в печёнках, в сердце, в лёгких*, – весьма оригинально характеризующего лирического героя. Примечательно, что компонент *сердце* в данном случае функционирует в лирической структуре в нескольких – как минимум в **двух** – значениях (’центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка, находящийся у человека в левой стороне грудной полости’ и ’внутренний мир человека (сфера эмоций, интуиции и т. п.; обычно в противопоставлении рассудку, разуму; душа)’), что, в свою очередь, играет существенную роль в формировании семантической полифонии лирического произведения.

Примечательно употребление слова *сердце* и в стихотворениях Ю. Мориц «Душа отражений», «Ничего ему не простила…» и «Колыбельная» – ср. приводимые далее фрагменты:

1) Зыбью и рябью принежив дыханную суть,
В путь прихватив её образ, а также идею,
Всю эту живность они в своих ритмах пасут,
Не подражая природе, а будучи ею.

Чуткие знают **об этой особой среде,**
Сердце сжимающей, бьющей на совесть всё хлеще.
Не говорите, что это никто и нигде!
Странные вещи случаются, странные вещи («Душа отражений»;

2) Но, когда серебристая цапля
грусть мою, как последняя капля,

переполнит в осенний четверг,

пролетая над полем свекольным...

я каким-то чутьём треугольным

забиваю спасительный клин

в серебристое воспоминанье,

чтобы **сердца последнее знанье**

не опошлить концовкой счастливой.

…..День – недолог,

а путь мой так длин... («Ничего ему не простила…»).

3) Месяц в облаке зевнул,

К небесам щекой прильнул,

Весь калачиком свернулся,

Улыбнулся и уснул.

Я прильну к тебе щекой,

Серебристою рекой,

Абрикосовою веткой...

Помни! Я была такой.

Сердцем к сердцу прислоню,

К ненасытному огню.

И себя люблю, и многих...

А тебе не изменю («Колыбельная») (во всех случаях выделено мною. – Х. Ч.). [Мориц].

Внимание к авторскому осмыслению слова *сердце* демонстрируют и другие современные поэты – в частности, **Лариса Миллер**, фрагмент из произведения которой «Жизнь идёт, не умирает…» приводится далее:

Жизнь идёт, не умирает.

Сердце сладко замирает.

Что там завтра ждёт меня –

Рано утром, среди дня? (выделено мною. – Х. Ч.) [Миллер].

В данном случае автор, как и многие другие поэты, опирается на образное содержание, уже сформированное словом *сердце* в системе языка, о чём свидетельствует его фиксация в лексикографических источниках – ср., в частности, иллюстративный материал к первому из значений лексемы *сердце* в «Большом толковом словаре русского языка»: «*Сердце разрывается, сжимается, ёкает, щемит,* ***замирает*** (о состоянии неожиданной радости, тоски, душевной боли и т. п.). *Слушать с* ***замиранием*** *сердца* (с напряжённым вниманием, особой трепетностью)» (выделено мною. – Х. Ч.) [БТСРЯ, С. 1177]. Следовательно, функционирующая в стихотворении Л. Миллер метафора создана на основе метафоры *языковой* (*стёртой*) путём добавления к ней распространителя *сладко*: *сердце сладко замирает*, – в результате чего возникает новый, нестандартный образ, посредством которого автору удаётся более точно передать внутреннее состояние лирического героя.

Таким образом, наши наблюдения подтверждают высказываемые многими исследователями мысли о том, что художественный текст способен не только полно и разнообразно продемонстрировать разного рода характеристики слова, приобретённые им в системе языка, но и сформировать – в результате образного осмысления в русле индивидуально-авторского подхода – ряд его новых качеств, обогащающих тем самым и язык, «представителем» которого данное слово является.

Выводы к разделу III

Проведённые наблюдения позволяют сделать вывод о том, что наиболее востребованными художественно-изобразительными способами при индивидуально-авторском осмыслении лексемы *сердце* и её производных в современных дискрусах (преимущественно это *публицистические* и *словесно-художественные* структуры) является создание тропов (в первую очередь – *метафор* и *эпитетов*) с явными элементами индивидуальности, а также приёмы авторской трансформации значений существующих фразеологических единиц с

компонентом *сердце*: намеренное «разрушение» структуры фразеологизма; замена одного из компонентов и т. д., – результатом чего становится *актуализация* определённых семантических компонентов (сем) и, как следствие, привлечение внимания адресата к данному участку речевого произведения (текста).

Пронализированные факты функционирования лексемы *сердце* (не только имеющихся у неё значений, но и их оттенков, а также идиом с компонентом *сердце*) в современной речевой практике позволяют сделать вывод, что присущая номинации *сердце* достаточно объёмная семантико-стилистическая информация, включающая и ряд культурно-значимых характеристик, будучи введённой в разные по стилевым, жанровым и другим особенностям тексты, может быть **актуализирована** либо **трансформирована** в русле решаемых в речевом произведении *авторских задач*.

Особенно широкие возможности, в связи с преобладанием эстетической функции, открываются в подобных случаях в пространстве *словесно-художественных* произведений разной литературно-родовой и жанровой принадлежности, где *актуализация* и/или *трансформация* семантико-стилистических свойств употребляемых языковых единиц может «поддерживаться» смысловой двуплановостью или полифонией текста, его повышенной – в соответствии с законами жанра – ассоциативностью и другими конструктивными параметрами художественной речи.

Список литературы

1. Матвеева Н. Стихи [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://libverse.ru/matveyeva/list.html. Дата последнего обращения 12.06.2017.

2. Миллер Л. Стихи [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vestnik.com/issues/2004/0204/win/miller.htm. Дата последнего обращения 12.06.2017.

3. Мориц Ю. Стихи [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://stihi-russkih-poetov.ru/authors/yunna-moric. Дата последнего обращения 12.06.2017.

4. Павлович Н. В. Парадигмы образов в языке русской поэзии XX века // Язык русской поэзии XX века. М.: Наука, 1989. С. 116 – 130.

5. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13 000 фразеологических единиц. 3-е, изд., испр. М.: Астрель, АСТ, 2008. Т. I. А – М. 391 с.; Т. II. Н – Я. 396 с.

6. Шулежкова С. Г. Словарь крылатых слов и выражений из области искусства. Более 1000 крылатых выражений. М.: «Азбуковник», Издательство «Русские словари», 2003. 430 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На рубеже XX – XXI веков палитра лингвистического знания была расширена рядом междисциплинарных направлений, открывших возможности для существенного дополнения, а в некоторых случаях – для качественно нового взгляда на традиционно выделяемые признаки многих языковых единиц.

Одним из наиболее значимых таких направлений является **лингвокультурология** – область пограничного, «стыкового» с лингвистикой знания, которая в своей основной проблематике сосредоточена на выявлении способов и средств воплощения «языка» культуры в единицах и структурах языка и на последующем их анализе, а также на исследовании культурно-языковой состоятельности (компетенции) представителя определённого лингвокультурного сообщества, которая проявляется им в различных коммуникативно-речевых процессах.

К числу основных понятийных категорий, которыми лингвокультурология оперирует в процессе исследования, принадлежат ***лингвокультурологический подход***, ***культурно значимая информация***, ***культурная коннотация***, ***код культуры*** и другие, которые явились ключевыми для нашей диссертационной работы.

Принципиально важным для нашей диссертационной работы оказалось междисциплинарное понятие **языковой картины мира**, которое в рамках линвгокультурологии, по мнению В. В. Красных и других исследователей, целесообразно уточнить, обозначив термином **национально-языковая картина мира**; мы полностью разделяем эту позицию, считая её исследовательски плодотворной и перспективной.

Ментально-языковой опыт носителей русского языка, как и большинства других национальных лингвокультур, традиционно находит закрепление в лингвистических, прежде всего толковых, словарях. Анализ представленности прежде всего лексико-семантических и некоторых других особенностей номинации *сердце* в этих лексикографических источниках, созданных на протяжении XIX – XXI веков, позволил не только аналитически

систематизировать накопленную о лексеме *сердце* информацию, но и сделать ряд принципиально значимых выводов.

Номинация *сердце*, семантический объём которой формировался на протяжении длительного времени (в словарях содержатся убедительные аргументы *общеславянского* происхождения корня *серд-*), на всех этапах функционирования в общенациональном русском языке всегда отличалась разветвлённой семантической структурой: проанализированные словари фиксируют не менее **5** значений, а также ряд их оттенков; у ряда значений число оттенков колеблется в диапазоне от **2** до **5**, причём у сходных значений в разных источниках может отличаться, иногда довольно существенно.

Фиксируемые у лексемы *сердце* значения представлены следующими группами признаков: *телесные, вещественные, духовно-нравственные, эмоционально-чувственные, ценностно-эстетические, этнографические, культурно-ценностные*. Авторитетные толковые словари русского языка в целом сходны в интерпретации разных групп признаков толкуемой лексемы, относя к наиболее приоритетным из них:

- *телесные*, формирующие основное (первичное) значение;

- *эмоционально-чувственные*, лежащие в основе как минимум одного *переносного* значения (‘внутренний мир человека (сфера эмоций, интуиции и т. п.; обычно в противопоставлении рассудку, разуму; душа’); в ряде словарей эта информация представлена двумя переносными значениями;

- *духовно-нравственные*, нашедшие воплощение в фиксируемом всеми словарями переносном значении (‘душевные качества, характер человека (о человеке с такими качествами, характером’);

- *ценностно-эстетические*, которые со-присутствуют в значениях, характеризующих душевный мир и эмоционально-нравственную сферу человека, а также во многих устойчивых выражениях с компонентом *сердце* (идиомах, паремиях, афоризмах и т. д.);

- *этнографические*, на которые обращают внимание лишь некоторые словари (в частности, словарь В. И. Даля и БАС); этнографические и/или

этнолингвистические характеристики лексемы *сердце* чрезвычайно важны для описания её *культурного* «облика» как элемента национально-языковой картины мира носителей русского языка;

- *ценностно-культурные*, или *лингвокультурные* (фиксирующие накопленную лексемой *сердце* в процессе функционирования культурно значимую информацию, которая чаще всего присутствует в описании некоторых значений, однако в несколько «размытом» виде; в концентрированном виде эту информацию подают лишь некоторые словари, являющиеся лексикографическими источниками *комплексного* (в частности, БУСРЯ) либо *лингво-энциклопедического* (например, «Словарь русской ментальности») или сугубо *энциклопедического* характера (к примеру, «Словари символов»).

Сколько-нибудь полная характеристика лингвокультурных особенностей лексемы *сердце* не представляется возможной без учёта семантики значительного корпуса фразеологизированных выражений с аналогичным компонентом, получившего отчасти отражение в толковых словарях, а также собранных и систематизированных в специальных – *фразеологических* – лексикографических источниках. Именно фразеологизмы, по общему мнению исследователей, принадлежат к наиболее «культуроносным» единицам языка и играют существенную роль в формировании национально-культурного своеобразия картины мира носителей русского языка.

В современной речевой практике лексема *сердце* в большинстве своих семантико-стилистических вариантах продолжает активно функционировать и, как следствие, расширять свой не только смысловой, но и культурный потенциал, в том числе и в результате *актуализации* тех качеств, которые были актуальны на более ранних этапах существования русского языка (ср., к примеру, переосмысление в настоящее время значения слова *милосердие*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Архетипы / Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х тт. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 110 – 111.

2. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. М.: Флинта, 2010. 224 с.

3. Алпатов В. М. История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2001. 367 с.

4. Аникин Е. Е. Дискуссия о русской языковой картине мира: абсолютный универсализм и крайний релятивизм (неогумбольдтианство) / Е. Е. Аникин, А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 11 – 14.

5. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика и И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.

6. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2006. Т. 3. 381 с.

7. Апресян Ю. Д. Избранные труды. В 2-х тт. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.

8. Апресян Ю. Д. Коннотация как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. В 2-х тт. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 156 – 177.

9. Арнаутова Ю. А. Культура воспоминания и история памяти // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. С. 47 – 55. URL:http://www.ec-deja-vu.net/c-2/Cultural_Memory.html. Дата последнего обращения – 04.09.2016.

10. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.

11. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.

12. Байбурин А К. Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые функции культуры. М.: Наука, 1991. С. 13 – 38.

13. Байрамова Л. К. Ценность и антиценность во фразеологии // Живодействующая связь языка и культуры. Материалы конференции, посвящённой юбилею В. Н. Телия. В 2-х тт. Т. 1. Тула: изд-во ТПГУ им. Л. Н. Толстого, 2010. С. 67 – 71.

14. Баранов А. Н. Основы фразеологии / А. Н Баранов, Д. О. Добровольский. М.: Флинта, 2013. 312 с.

15. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Рипол Классик, 1989. 616 с.

16. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 528 с.

17. Беляевская Е. Г. Язык в контексте культуры или культурологическая информация в языке? // Живодействующая связь языка и культуры. Материалы конференции, посвящённой юбилею В. Н. Телия. В 2-х тт. Т. 1. Тула: изд-во ТПГУ им. Л. Н. Толстого, 2010. С. 35 – 40.

18. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под редакцией, со вступительной статьей и комментариями Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

19. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.

20. Бирих А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. СПб.: Фолио-пресс, 1998. 704 с.

21. Богданович Г. Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии. Симферополь: ДОЛЯ, 2002. 392 с.

22. Большой толковый словарь русского языка; сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 1998. 1536 с.

23. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Авторы-составители Брилева И. С., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Зыкова И. В., Кабакова С. В., Ковшова М. Л., Красных В. В., Телия В. Н. / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС, 2006. 784 с.

24. Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. 520 с.

25. Брагина Н. Г. Речевые фразеологизмы как объект культурного комментирования // Славянская фразеология и прагматика. Zagreb, Knjigra, 2007. С. 254 – 259.

26. Брагина Н. Г. Лингвокультурный анализ: области применения // Лингвокультурологические исследования. Язык лингвокультурологии: теория vs эмпирия. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 59 – 64.

27. Брагина Н. Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С.131 – 138.

28. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, Д. Н. Шмелёв. М.: Языки русской культуры, 1997. 572 с.

29. Валгина Н С. Современный русский язык: учебник / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина / под редакцией Н. С. Валгиной. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Логос, 2002. 528 с.

30. Введенова Е. Г. Архетипы коллективного бессознательного // Эволюция. Язык. Познание. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 113 – 133.

31. Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. М., 2002. № 2 (4). С. 6 – 34. URL: philology.ru›linguistics2/wierzbicka-02.htm. Дата последнего обращения – 02.03.2017.

32. Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифических контекстах // «Thesis». Мир человека. Международный альманах. М., 1993. С. 185 – 206.

33. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2001. 568 с.

34. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 326 с.

35. Вежбицкая А. Язык, культура, познание: пер. с англ. / отв. ред. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1997. 416 с.

36. Верещагин Е. М. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепця *логоэпистемы* / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. М.: ИКАР, 2000. 124 с.

37. Верещагин Е. М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 1999. 156 с.

38. Верещагин Е.М. Миросознание вне и посредством языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: гипотеза (лого)эпистемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. М.: ИКАР, 2002. 168 с.

39. Виноградов В. В. История слов. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 1999. 1140 с.

40. Волобуева Е. П. Функционирование культурно-прессуппозиционального компонента в американском рекламном дискурсе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. С. 141 – 152.

41. Воркачёв С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64 – 72.

42. Воробьёв В. В. Культурологическая парадигма русского языка: Теория описания языка и культуры во взаимодействии. М.: Ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 1994. 75 с.

43. Воробьёв В. В. Лингвокультурология: теория и методы. М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.

44. Вышеславцев Б. П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 112 – 114.

45. Вышеславцев Б. П. Сердце в христианской и индийской мифологии // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 62 – 86.

46. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.

47. Гирц К. Влияние концепции культуры на концепцию человека // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. СПб., 2006. С. 115 – 138.

48. Го Нин. Лингвокультурные аспекты китайской фразеологии // Живодействующая связь языка и культуры. Материалы конференции, посвящённой юбилею В. Н. Телия. В 2-х тт. Т. 1. Тула: изд-во ТПГУ им. Л. Н. Толстого, 2010. С. 145 – 149.

49. Гудков Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация. Сборник научных статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Вып. 26. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 39 – 50.

50. Гумбольдт В. фон. Природа и свойства языка вообще // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1984. 398 с.

51. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т.1 – 4. – М.: Русский язык, 1978 – 1980; Т. I. 699 с.; Т. II. 779 с.; Т. III. 555 с.; Т. IV. 683 с.

52. Дронов П. С. Послесловие. Так ли уж несовместимы точки зрения Д. Эверетта и генеративистов? // Д. Эверетт. Не спи – кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. С. 309 – 324.

53. Душенко К. В. Словарь современных цитат. М.: Аграф, 2002. 632 с.

54. Дядечко Л. П. «Крылатый слова звук», или Русская эптология: учебное пособие. Киев: КНУ, 2006. 336 с.

55. Елистратов В. С. Современные русские «лингвокультура» и «лингвоцивилизация» // Пространство языка – пространство культуры. Материалы региональной научно-практической конференции. М.: МАРХИ, 2013. С. 62 – 63.

56. Живодействующая связь языка и культуры. Материалы конференции, посвящённой юбилею В. Н. Телия / под ред. М. Л. Ковшовой и Г. В. Токарева. В 2-х тт. Тула: изд-во ТПГУ им. Л. Н. Толстого, 2010; Т. 1. 288 с.; Т. 2. 291 с.

57. Зализняк Анна А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелёв. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

58. Зализняк Анна А. Языковая картина мира. [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html?page=0,0 Дата последнего обращения – 08.10.2017

59. Захаренко И. В. Архетипическая оппозиция «свой – чужой» в пространственном коде культуры // Язык, сознание, коммуникация. Сборник научных статей / ред. кол. М. Л. Ковшова, В. В. Красных, А. И. Изотов, И. В. Зыкова. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 46. С. 82 – 103.

60. Зыкова И. В. Концептосфера культуры и фразеология: теория и методы лингвокультурологического исследования. М.: ЛЕНАНД, 2015. 380 с.

61. Зыкова И. В. Культура как информационная система: Духовное, ментальное, материально-знаковое. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 368 с.

62. Зыкова И. В. Символизм речевой соматики в процессе фразеологической номинации (лингвокультурологический подход) // Живодействующая связь языка и культуры. Материалы конференции, посвящённой юбилею В. Н. Телия. В 2-х тт. Т. 1. Тула: изд-во ТПГУ им. Л. Н. Толстого, 2010. С. 47 – 53.

63. Зыкова И. В. Формирование метаязыка лингвокультурологии: принципы междисциплинарного трансфера понятийного аппарата // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Коллективная монография / отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. С. 181 – 202.

64. Иванова С. В. Лингвокультурный код как инструмент распредмечивания ценностных смыслов // Лингвокультурологические исследования. Язык лингвокультурологии: теория vs эмпирия. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 309 – 312.

65. Иванова С. В. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения. Монография / С. В. Иванова, З. З. Чанышева. Уфа: РИУ БашГУ, 2010. 366 с.

66. Исаев М. И. Словарь этнолингвистических терминов. М.: Флинта; Наука, 2001. 199 с.

67. Кабакова С. В. Механизмы культурной интерпретации образного основания идиом. Результаты направленного ассоциативного эксперимента // Культурные

слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 77 – 85.

68. Кабакова С. В. Образное основание идиом: психолингвокультурологические аспекты. Munhen: Verlag Otto Sagner, 2002. 124 с.

69. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

70. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.

71. Караулов Ю. Н. Что же такое «языковая личность»? // Этническое и языковое самосознание: Материалы конференции. М.: ТОО ФИАНфонд, 1995. С. 63 – 65.

72. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учебное пособие. М.: Едиториал УРСС, 2000. 352 с.

73. Ковшова М. Л. Культурная информация в семантике языковых знаков // Лингвокультурологические исследования. Язык лингвокультурологии: теория vs эмпирия. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 27 – 36.

74. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: ЛЕНАНД, 2012. 456 с.

75. Ковшова М. Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. М.: Гнозис, 2015. 368 с.

76. Колесов В. В. Словарь русской ментальности: В 2-х тт. Т. 2. П – Я / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.

77. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.

78. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 107 с.

79. Костомаров В. Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В. Г Костомаров, Н. Д. Бурвикова. СПб.: Златоуст, 2001. 72 с.

80. Красных В. В. Грамматика лингвокультуры: система координат, система таксонов, система ментефактов // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России. СПб., 2008. С. 333 – 344.

81. Красных В. В. Единицы языка vs. единицы дискурса и лингвокультуры (к вопросу о статусе прецедентных феноменов и стереотипов) // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 53 – 58.

82. Красных В. В. Лингвокультурология в ряду новых наук. О человеке говорящем: сегодня и завтра // Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей, посвящённых памяти В. Н. Телия / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 53. С. 181 – 193.

83. Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с.

84. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.

85. Красных В. В. Воспроизводимость как феномен лингвокультуры // Языковое сознание: парадигмы исследования / под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М. Калуга: «Эйдос», 2007. С. 79 – 90.

86. Красных В. В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // Respectus philologicus. 2005. № 7 (12). С. 10 – 24.

87. Красных В. В. Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии // Русский язык за рубежом. 2011. № 4. С. 60 – 66.

88. Красных В. В. Понятие как предмет изучения лингвокультурологии: постановка проблемы (на примере понятия «государство») // Русское слово в русском мире-2005: Государство и государственность в языковом сознании россиян. Сб. научных статей. М., 2006. С. 118 – 125.

89. Красных В. В. Теоретические положения. Принципы описания / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко // Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И. С. Брилёва, Н. П. Вольская, Д. Б. Губков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. М.: «Гнозис», 2004. С. 7 – 54.

90. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.; под общ. редакцией Е. С. Кубряковой. М., 1996. 248 с.

91. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. С. 141 – 172.

92. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

93. Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. 344 с.

94. Культурология. XX век: словарь. СПб. : Университетская книга, 1997. 640 с.

95. Левкиевская Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 334 с.

96. Лексические минимумы современного русского языка / В. В. Морковкин, Ю. А. Сафьян, Е. М. Степанова, И. В. Дорофеева; под ред. В. В. Морковкина. М.: Русский язык, 1985. 608 с.

97. Леонтьев А. Н. Человек и культура. М., 1961. 115 с.

98. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

99. Лингвокультурологические исследования. Язык лингвокультурологии: теория vs эмпирия. М.: ЛЕНАНД, 2016. 400 с.

100. Лич Э. Р. Введение. [Структурное исследование мифа и тотемизма] // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. СПб., 2006. С. 591 – 602.

101. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. URL: http://www.gumer.info?bibliotek_Buks/History/Lotman/index.php. Дата последнего обращения – 25.06.2017.

102. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992. URL: http://www.classes.ru/philology/lotman-92f.htm. Дата последнего обращения – 25.06.2017

103. Лотман Ю.М. О семиотическом механизма культуры / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Труды по знаковым системам V. Уч. записки ТГУ. Вып. 284. Тарту, 1971.

104. Малиновский Б. Научные принципы и методы исследования культурного изменения // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. СПб., 2006. С. 371 – 384.

105. Малишевская Д. Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции *Мужчина/Женщина*) // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 180 – 184.

106. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 436 с.

107. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004. 266 с.

108. Маслова В. А. Культурно-национальная специфика русской фразеологии // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 69 – 76.

109. Маслова В. А. Homo lingualis в культуре. М.: Гнозис, 2007. 320 с.

110. Маслова В. А. Культурный символ и его роль в создании национальных ценностей // Живодействующая связь языка и культуры. Материалы конференции, посвящённой юбилею В. Н. Телия. В 2-х тт. Т. 1. Тула: изд-во ТПГУ им. Л. Н. Толстого, 2010. С. 65 – 67.

111. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

112. Маслова В. А. Поэтическая лингвистика как «стирание границ между наукой и искусством» (Ю. С. Степанов) // Критика и семиотика. Вып. 17. 2012. С. 138 – 148.

113. Маслова В. А. Роль коннотации в отображении национальной языковой картины мира // Национально-культурный компонент в тексте и в языке: Тезисы докладов Международной научной конференции: В 2-х ч. Ч. I. Минск: «Універсітэцкае», 1994. С. 39.

114. Маслова В. А. Связь мифа и языка // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 159– 163.

115. Матвеева Н. Стихи [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://libverse.ru/matveyeva/list.html. Дата последнего обращения 12.06.2017.

116. Мечковская Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. Курс лекций / Н. Б. Мечковская. – М.: Academia, 2004. – 432 с.

117. Миллер Л. Стихи [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vestnik.com/issues/2004/0204/win/miller.htm. Дата последнего обращения 12.06.2017.

118. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.

119. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое, опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и высказываний: В 2-х т. Т. 2. М.: Русские словари, 1994. 936 с.

120. Многоязычный словарь современной фразеологии / под ред. Д. Пуччо. М.: ФЛИНТА, 2012. 432 с.

121. Мокиенко В. М. Устойчивые сравнения в системе фразеологии // Устойчивые сравнения в системе фразеологии. СПб. Грайфсвальд, 2016. С. 37 – 55.

122. Мокиенко В. М. Фразеология в контексте субкультуры (фразеология в жаргоне и жаргон во фразеологии) / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 80 – 85.

123. Мориц Ю. Стихи [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://stihi-russkih-poetov.ru/authors/yunna-moric. Дата последнего обращения 12.06.2017.

124. Морковкин В. В. Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; под ред. В. В. Морковкина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА; Словари XXI века, 2016. 1456 с.

125. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://search.ruscorpora.ru/search.xml. Дата доступа 11.07.2012.

126. Неклюдов С. Ю. Люди и нелюди в недружелюбном мире (о некоторых стратегиях конструирования мифологического образа) // Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij. A cura di Sergio Bertolissi e Roberta Salvatore. Napoli: M. D'auria editore, 2010. Vol. II. P. 101 – 120.

127. Новейший философский словарь: 2-е изд., перераб. и дополн. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. 1280 с.

128. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: ИТИ Технологии, 2003. 944 с.

129. Опарина Е. О. Лингвокультурология; методологические основания и базовые понятия // Язык и культура. Вып. 2. Сборник обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1999. С. 139 – 144.

130. Опарина Е. О. Роль культурного компонента в семантике метафоры // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 91 – 94.

131. Очерки по истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация / отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1995. 262 с.

132. Очерки по истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль / отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1990. 304 с.

133. Павлович Н. В. Парадигмы образов в языке русской поэзии XX века // Язык русской поэзии XX века. М.: Наука, 1989. С. 116 – 130.

134. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

135. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова, В. Н. Телия, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1988. С. 8 – 69.

136. Постовалова В. И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 25 – 33.

137. Постовалова В. И. Язык и духовный мир человека. Религиозные концепты в антропологическом представлении // Живодействующая связь языка и культуры. Материалы конференции, посвящённой юбилею В. Н. Телия. В 2-х тт. Т. 1. Тула: изд-во ТПГУ им. Л. Н. Толстого, 2010. С. 266 – 280.

138. Прохоров Ю. Е. Действительность, текст, дискурс: уч. пособие. М.: Флинта; Наука, 2006. 224 с.

139. Радбиль Т. Б. Имплицитная культурно-значимая информация в естественном языке // Лингвокультурологические исследования. Язык лингвокультурологии: теория vs эмпирия. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 18 – 26.

140. Рождественский Ю. В. Введение в культуроведение. М.: ЧеРо, 1996. 288 с.

141. Рождественский Ю. В. Словарь терминов (Общеобразовательный тезаурус): Мораль. Нравственность. Этика. М.: Флинта; Наука, 2002. 88 с.

142. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова, В. Н. Телия, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1988. 216 с.

143. Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. М.: «Аграф», 2001. 608 с.

144. Рузин И. Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // Вопросы языкознания. 1996. № 5. С.39 – 50.

145. Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын. 3-е изд. М.: Русский путь, 2000. 280 с.

146. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. М.: «Советская энциклопедия», 1979. 432 с.

147. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. 704 с.

148. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И. С. Брилёва, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. М.: «Гнозис», 2004. 318 с.

149. Савенкова Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурный аспекты. Ростов н/Дону: Изд-во Ростовского университета, 2002. 240 с.

150. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. Полтава: Довкілля-К, 2006. 716 с.

151. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 242 с.

152. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под общ. редакцией Н. И. Толстого. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). М.: Международные отношения, 2009. 656 с.

153. Словарь лингвокультурологических терминов / авторы-составители Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. / отв. ред. М. Л. Ковшова. Москва: Гнозис, 2017. 192 с.

154. Словарь образных выражений русского языка / под ред. В. Н. Телия. М.: «Отечество», 1995. 368 с.

155. Словарь русского языка XI – XVII вв.: вып. 1 – 28 / гл. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1975 – 2008. Вып. 9. 358 с.

156. Словарь русского языка XI – XVII вв.: вып. 1 – 28 / гл. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1975 – 2008. Вып. 24. 254 с.

157. Словарь русского языка: В 4-х т. /АН СССР, Ин-т рус. яз., под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. А – Й. М.: Русский язык, 1981. 698 с.; Т. 2. К – О. М.: Русский язык, 1983. 736 с; Т. 3. П – Р. М.: Русский язык, 1984. 752 с.; Т. 4. С – Я. М.: Русский язык, 1984. 794 с.

158. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / под ред. В. И. Чернышёва. М.: Изд-во АН СССР, 1948 – 1965. Т. 6. 840 с.

159. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / РАН, Ин-т рус. языка; гл. ред. К. С. Горбачевич. М.: Русский язык, 1989 – 1991.

160. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михайличенко. М., 2006. 312 с.

161. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.

162. Солженицын А. И. Русский словарь языкового расширения. М.: Русский путь, 2000. 426 с.

163. Степанов Ю. С. «Слова», «понятия», «вещи». К новому синтезу в науке и культуре // Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 5 – 25.

164. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.

165. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта; Наука, 2006. 696 с.

166. Сычёва Е. Н. Культурно значимые смыслы во фразеологии и афористике Ф. И. Тютчева // Лингвокультурологические исследования. Язык лингвокультурологии: теория vs эмпирия. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 342 – 348.

167. Тарасов Е. Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 34 – 47.

168. Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция: её высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19 – 31.

169. Телия В. Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. Сборник научных статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Вып. 26. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 4 – 42.

170. Телия В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 302 – 314.

171. Телия В. Н. Лингвокультурология – ключ к новой реальности феномена воспроизводимости несколькословных образований / В. Н. Телия, А. В. Дорошенко // Язык. Культура. Общение: Сборник научных трудов в честь юбилея С. Г. Тер-Минасовой. М.: Гнозис, 2008. С. 207 – 216.

172. Телия В. Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке: Тезисы докладов Международной научной конференции: В 2-х ч. Ч. I. Минск: «Універсітэцкае», 1994. С. 13 – 15.

173. Телия В. Н. О методических основаниях лингвокультурологии // Логика, методология, философия науки. Тезисы докладов. М.: Обнинск, 1995. С. 102 – 104.

174. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13 – 24.

175. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

176. Телия В. Н. Фразеологизм // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. С. 608 – 609.

177. Теоретические и прикладные проблемы лингвокультурологии / под ред. В. Т. Бондаренко и Г. В. Токарева. Сб. статей. Тула: Тульский полиграфист, 2009. 200 с.

178. Теория метафоры / общ. ред.: Н. Д. Арутюнова, М. А. Журинская. М.: Прогресс, 1990. 512 с.

179. Токарев Г. В. Лингвокультурология. Учебное пособие. Тула: Изд-во ТПГУ им. Л. Н. Толстого, 2009. 135 с.

180. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Скляревской. Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. СПб.: Изд-во «Фолио-Пресс», 1999. 704 с.

181. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.

182. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. проф. Д. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996. Т. I 824 с.; Т. III 520 с.; Т. III 712 с.; Т. IV 752 с.

183. Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 112 – 127.

184. Толстая С. М. Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010. 368 с.

185. Толстая С.М. (отв. ред.) Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е, доп. М.: «Международные отношения», 2011. 512 с.

186. Толстой Н. И. О предмете этнолингвистики, о её роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Язык и этнос). М.: Наука, 1983. С. 181 – 190.

187. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Обряд. Исследования в области мифопоэтического. М.: Языки славянской культуры, 1995. 624 с.

188. Топоров В. Н. Модель мира // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х тт. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 161 – 164.

189. Тресиддер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.

190. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: «Прогресс», 1995. 800 с.

191. Уайт Л. А. Наука о культуре // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. СПб., 2006. С. 141 – 156.

192. Уайт Л. А. Понятие культуры // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. СПб., 2006. С. 17 – 48.

193. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.

194. Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б. А. Избранные труды: В 2-х тт. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 67 – 161.

195. Устин А. К. Текст. Интертекст. Культура. СПб.: SuperMax, 1995. 112 с.

196. Уфимцева Н. В. Сопоставительный анализ языкового сознания: этнические и культурные стереотипы // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 90 – 96.

197. Уфимцева Н. В. Теоретические основы изучения картины мира в психолингвистике // Межкультурное общение: контексты и конфликты. Материалы конференции. Москва, 21 – 13 октября 2015 года. М., 2015. С. 18.

198. Уфимцева Н. В. Человек и его сознание: проблемы формирования // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 59 – 75.

199. Уфимцева Н. В. Языковое сознание и образ мира славян. URL: http://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/ html_204/4-2.html. Дата последнего обращения – 25.06.2017

200. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13 000 фразеологических единиц. 3-е, изд., испр. М.: Астрель, АСТ, 2008. Т. I. А – М. 391 с.; Т. II. Н – Я. 396 с.

201. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология: Учебник. 4-е изд., испр. М.: Высшая школа, 2001. 415 с.

202. Фразеологизмы в русской речи: словарь-справочник / сост. Н. В. Баско. 3-е изд. М.: Флинта; Наука, 2009. 272 с.

203. Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. 336 с.

204. Фрумкина Р. М. Константы культуры – продолжение темы // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю. С. Степанова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 167 – 177.

205. Фурашова Н. В. Лингвокультурная коннотация в семантической структуре глаголов (на материале немецкого языка) // Лингвокультурологические исследования. Язык лингвокультурологии: теория vs эмпирия. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 283 – 286.

206. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. М.: Флинта; Наука, 2005. 184 с.

207. Хухуни Г. Т. Межкультурная адаптация художественного текста. М.: Прометей, 2003. 141 с.

208. Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 208 с.

209. Черданцева Т. З. Идиоматика и культура (Постановка вопроса) // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 58 – 70.

210. Черданцева Т. З. Метафора и символ во фразеологических единицах // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 78 – 92.

211. Чернейко Л. О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 30. М., 2005. С. 43 – 73.

212. Чжоу Х. *Душа* и *сердце* в русской языковой картине мира // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. № 20 (207). Частина II. Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2010. С. 90 – 93.

213. Чжоу Х. Образные употребления слов *душа* и *сердце* в русской поэзии XIX – XX веков / Х. Чжоу // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. – Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2011. – № 22 (233). – С. 69 – 72.

214. Чжоу Х. Русско-китайский и китайско-русский фразеологический словарь с компонентами «сердце» и «душа». Луганск: Глобус, 2010. 72 с.

215. Чжоу Х. Слово «Сердце» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету: збірник наукових праць. Серія: Філологія. Вип. 11. Т. 1. Одеса, 2014. С. 75 – 77.

216. Чжоу Х. Слово *милосердие*: семантика и употребление // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: VII Международная научная конференция (Днепропетровск, ДНУ имени Олеся Гончара, 2 – 4 апреля 2015 г.): материалы / составитель Т. С. Пристайко. Днепропетровск: Нова ідеологія, 2015. С. 190 – 194.

217. Чжоу Х. Фразеологизмы со словом *сердце* в русском языке // Наукові записки Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Серія «Філологічні науки». Науковий простір дискурсології: ретроспективно-проспективний вимір: зб. наукових праць. № 2 (34). Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2011. С. 371 – 375.

218. Шаховский В. И. Лингвокультурология эмоций. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. университета, 2004. 300 с.

219. Шеина И. М. Межкультурная коммуникация как проявление лингвистического культурного опыта: автореф. дисс. … докт. филол. наук. Москва. 2009. 53 с.

220. Шмелёв А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

221. Шулежкова С. Г. Словарь крылатых слов и выражений из области искусства. Более 1000 крылатых выражений. М.: «Азбуковник», Издательство «Русские словари», 2003. 430 с.

222. Энциклопедический словарь по культурологии / под общей редакцией докт. фил. наук, проф. А. А. Радугина. М.: Издательство «Центр», 1997. 478 с.

223. Эстетика: Словарь / под общ. ред. А. А. Беляева и др. М.: Политиздат, 1989. 447 с.

224. Этнокультурная специфика языкового сознания / под ред. Н. В. Уфимцевой. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. 227 с.

225. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Port-Royal, 1996. 384 с.

226. Юнг К. Г. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 1998. 368 с.

227. Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2006. 912 с.

228. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

229. Ясинская М. В. Визуализация невидимого: способы контакта с иным миром // Славянский и балканский фольклор. К юбилею Л.Н.Виноградовой. М., 2011. С. 109 – 120.

230. Bartmiński J. Definicja Kognitiwna jako narzedrie opisu konotacji // Konotacja. Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1988. S. 169 – 183.

231. Bartmiński J. O “Slowniku stereotipów i simboli ludowych” // Slownik stereotipów i simboli ludowych. Koncepcja całości I redacja: J. Bartmiński, T. I. Kosmos. Lublin, 1996. S. 9 – 34.

232. Eismann W. Русские фразеологизмы в иноязычном тексте. Выражение и описание обычае при формировании стереотипа о “русских” в описаниях немецких путешественников XVI – XVII вв. // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 41 – 51.

233. Foley W. A. Anthropological linguistics: an introduction. Oxford: Blackwell, 1997. 514 p.

234. Kardela H. Tak zwana gramatyka kognitiwna a problem stereotypz // Ethnolingwistika. T. 1. Lublin, 1988. S 35 – 46.

235. Pietrzyk I. Symbolica barw w świadomosci językowej polaków // t 2005.

236. Sapir E. The status of linguistics as a science // Selected writing of Edward Sapir / ed. by D. Manselbaum. Berkley – Los Angeles: Univ. of California Press, 1949.

237. Święcicka M. Bydgoszcz – przestrzeń miejska zróżnicowana kulturowo // Miasto – przestrzeń zróżnicowana językowo, kulturowo i społecznie. Red. M. Święcicka. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, 2006. S. 129 –140.

238. Tokarski R. Semantyka barw we wspoółczesnei polszczyźnie. Lublin, 1995. 230 s.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Публикации по теме исследования

1. Чжоу Х. *Душа* и *сердце* в русской языковой картине мира // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. № 20 (207). Частина II. Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2010. С. 90 – 93.

2. Чжоу Х. Фразеологизмы со словом *сердце* в русском языке // Наукові записки Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Серія «Філологічні науки». Науковий простір дискурсології: ретроспективно-проспективний вимір: зб. наукових праць. № 2 (34). Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2011. С. 371 – 375.

3. Чжоу Х. Образные употребления слов *душа* и *сердце* в русской поэзии XIX – XX века // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2011. № 22 (233). С. 69 – 72.

4. Чжоу Х. Слово «Сердце» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету: збірник наукових праць. Серія: Філологія. Вип. 11. Т. 1. Одеса, 2014. С. 75 – 77.

5. Чжоу Х. Слово *милосердие*: семантика и употребление // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: VII Международная научная конференция (Днепропетровск, ДНУ имени Олеся Гончара, 2 – 4 апреля 2015 г.): материалы / составитель Т. С. Пристайко. Днепропетровск: Нова ідеологія, 2015. С. 190 – 194.

6. Чжоу Х. Осмысление лингвокультурного потенциала лексемы *сердце* современной лирикой // Мова і культура. (Науковий журнал). Вип. 20. Т. III (188). К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2017. С. 235 – 241.

7. Чжоу Х. О лингвокультурном потенциале лексемы *сердце* в современном культурном контексте // XI Машеровские чтения : материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, Витебск, 18 октября 2017 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. С. 262 – 263.

8. Чжоу Х. Русско-китайский и китайско-русский фразеологический словарь с компонентами «сердце» и «душа». Луганск: Глобус, 2010. 72 с.

Приложение 2

Апробация результатов исследования

1. X Міжнародна наукова конференція «Науковий простір дискурсології: ретроспективно-проспективний вимір» (Луганськ, 19 - 21 травня 2011 року);
2. VII Міжнародна конференція «Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках» (Дніпропетровськ, 2 - 4 квітня 2015 року);
3. XXVI Міжнародна наукова конференція «Мова і культура» пам'яті професора Сергія Бураго (Київ, 25 - 27 червень 2017 року);
4. Міжнародна науково-практична конференція студентів, аспірантів і молодих учених «XI Машеровские чтения» (18 жовтня 2017 року, Вітебськ, Вітебський державний університет імені П. М. Машерова, Республіка Білорусь).

Приложение 3

I. РУССКО-КИТАЙСКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ С КОМПОНЕНТАМИ «СЕРДЦЕ» И «ДУША»

Ад кромешный на душе (на сердце) у кого.

Кому-либо мучительно тяжело.

无法忍受的环境：形容痛苦 艰难。

Без мыла в душу лезть. Без мыла в душу влезть.

Прост. Лестью, хитростью и т. п. добиваться расположения, доверия со стороны кого- либо.

溜进……心中：使用奉承狡猾等办法，使某人信任。

Бередить душу кого, чью, в ком.

Вызывать тягостные воспоминания; волновать, тревожить, беспокоить.

触痛心灵：激起难过的回忆而使内心激动不安，惊慌，担忧。

Болеть душой (сердцем) за кого, за что, о ком, о чём.

Разг. Испытывать тревогу, беспокоиться, страдать, переживать и т. п. за кого-либо.

Испытывать тревогу за что-либо.

替……..担心；为…….操心 ： （口）因感觉恐慌焦急担心困苦等，而感到担忧。

Большого сердца.

Отзывчивый, добрый, душевной щедрый. О ком-либо.

很强烈的愿望： 富有同情心，友好，亲切，慷慨的人。

Большое сердце.

1. Кто-либо способен горячо любить и сильно чувствовать, быть отзывчивым, добрым.

2. Кто-либо способен быть сердечным, отзывчивым, беспредельно добрым человеком.

在……. 有很强烈的愿望 1 形容能够热爱并有很强的同情心及助人为乐的心愿。 2 非常喜爱，特别同情，富有同情心，愿意帮助人。

Брать, взять (или хватать) за душу.

Волновать, возбуждать, вызывая глубокие переживания.

扣人心弦：动人心弦 指激动不安，激动人心。

Брать (или взять, хватать) за сердце.

Волновать, производить сильное впечатление.

Брать грех на душу.

1. Нести моральную ответственность за предосудительные поступки, действия, совершаемые по принуждению или по своей воле.

2. Совершать какой-либо предосудительный поступок, грешить.
犯了罪 ：做了不道德的事情。

1.**指在道德**责任上强迫地进行或按自己的意愿做不道德不体面的行为态度及行动
2. 做出不道德不体面的举止，违反道德尊则。

В глубине души (сердца).

Внутренне, втайне, подсознательно.

在内心里：暗自地 不自主地 潜意识地。

Вдохнуть душу во что-либо.

Оживить, возродить что-либо.

恢复心情：（转意）使消失淡薄的思想感情等恢复活力，重新唤起 再生。

В душе.

1. Внутренне, мысленно.

2. По своим склонностям.
在心里：暗自地 从性格爱好方面上的想法。2 按自己的喜爱，爱好。

Взять, брать (или принять) что-либо *на душу*.

Принять на себя ответственность за что-либо.

负起责任：承担自己的责任。

Вкладывать душу чью, кому.

внушать, вызывать какие-либо чувства, мысли и т. п.

灌入…….心中：唤起某种感情，思想，想法等。

Вкладывать душу во что.

Целиком, полностью отдаваться чему-либо, делать что-либо с любовью, увлечением, старанием.

贯注; 贯穿；一心 把全部精力花在某事上 以心中的激情，热情做某事。

Влезать (влезть, залезть) в душу кому, чью.

Неодобр. Выведывать чьи-либо чувства и мысли, вторгаться в чей-либо внутренний мир, в самое сокровенное путём назойливых расспросов проникать в личную, интимную жизнь кого-либо.

骗取….的好感 ： 取得…..的信任；指探听出心情，思想，主意，攻入内心最

隐私的地方。利用各种问题及纠结不修的方式深入到某人的私生活中。

Вложить душу во что.

Отдать все силы всю энергию чему-либо.

一心扑在….上：为某事献出全部的力量及精力。

Войти в душу кого, чью.

Глубоко затрагивать, волновать, становиться предметом постоянных раздумий, размышлений и т. п.

走入……心中： 深深地触及到内心，使其激动不安。泛指有价值的沉思，思考。

Воробьиное сердце.

О ничтожном человеке, кипучий нрав (В. И. Даль).

麻雀般的心：指人人小但却有着热情洋溢的性格。

Воспарять душой.

Устар. Воодушевляться, вдохновляться.

精神焕发：情绪高涨 鼓舞 振作 感召之意。

(*Всей*) *душой*; *всеми фибрами души*; *от всей души*

Искренне, горячо, всем существом.

诚心诚意：（非常诚恳；衷心地；真心实意）：真诚 坦率地 全意地。

Всей (*всею*) *душой* (*всем сердцем*).

Разг. 1. Очень сильно (хотеть, стремиться, ожидать и т. п.).

2. Безгранично, беспредельно, искренне (верить, быть преданным и т. п.)

3. Целиком, полностью, всем существом быть на стороне кого-либо, сочувствовать и т. п.

全心全意地：非常诚恳；衷心地 （口）1表示强烈地（想.渴望 盼望等）。2

表示无限的及其的 诚恳的（相信 忠诚）等。

表示完全 全身心地（同情 支持 赞同之意等）

Всем сердцем.

1. Безгранично, беспредельно, искренне, горячо (верить, любить и т. п.)

2. Целиком, полностью, всем существом быть на стороне кого-либо сочувствовать кому-либо и т. п.).

全心全意：十分真诚地信任和喜爱。2 完全的投入或赞同支持。

В сердцах.

В порыве раздражения, сильно рассердившись.

火冒三丈：冲动 十分激动 非常生气 及 气愤。

Входить в душу (*в сердце*)

Глубоко затрагивать волновать, становиться предметом постоянных раздумий, размышлений и т. п.

走入….. 心中：深深地触及到内心 使其激动不安。

泛指有价值的沉思，思考。

В чём (*только*) *душа держится*.

Хилый, слабый, едва живой. О человеке.

虚弱得不得了：形容人虚弱 体弱 勉强活着。

Выворачивать душу кого, чью.

Сильно тревожить, волновать, мучить.

剜心;十分地担忧 不安 痛苦。

Выкладывать душу кому.

Откровенно делиться мыслями, переживаниями с кем-либо; чистосердечно рассказывать о себе всё.

说出心声：坦白地表达自己的感情 真诚的素食自己的一切。

Выматывать (*вымотать*) *душу* (*вымотать всю душу*) кому.

Неодобр. Мучить настойчивыми просьбами, невыполнением чего-либо, крайне надоедать. Надоесть до последней степени.

厌倦之极：难以忍受的问题。因无法完成事情而使人急躁 苦恼到极点。

Вырывать из души (*из сердца*) кого, что.

Заставлять себя совсем забыть кого-либо или что-либо.

忘掉 迫使自己完全忘记

Вытрясти душу из кого.

Измучить угрозами, домогательствами и т. п.

疲倦不堪：在威胁恐吓等条件下折磨到极点，及其疲倦。

Вытягивать (*всю*) *душу*.

Изводить, терзать кого-либо надоедать, досаждать чем-либо неприятным, нудным и т. п.

使受……折磨：形容不快乐 烦闷的事情 使人受尽折磨 懊恼 烦恼 难以忍受。

Вышибать душу из кого.

Убивать ударом.

打死： 指撞死。

Давать волю сердцу.

Устар. Позволять себе расчувствоваться.

打动人心：指自己的心肠软下来 深受感动。

Дама сердца чья.

Разг., *фам*., *устар*. Возлюбленная.

情人：情妇 心上人。

Держать сердце на кого.

Прост. Сердиться, гневаться, таить обиду, злобу.

心在…..身上：提心吊胆：指生气 怀有委屈 遗憾 愤恨。

Для души.

Для удовлетворения внутренних духовных запросова, потребностей делать что-либо.

为了满足个人精神上的需求：为了满足内心的兴趣需求（而做某事）

До глубины души (*сердца*).

Очень сильно (волновать, потрясать, поражать и т. п.).

深深地 内心深处： 非常强烈地 感到激动不安，震惊，惊奇等）。

До души.

Устар Очень сильно волновать (потрясать, поражать и т. п.)

内心：（旧）指很强烈地激动不安等）

Душа (*сердце*) *болит*.

1. кого, чья, у кого. Кто-либо испытывает тревогу, беспокойство, душевные страдания.

2. за кого, за что. Кто-либо беспокоится, страдает, переживает и т. п. за кого-либо, испытывает тревогу за что-либо.

心寒： 1.感到焦急烦恼及精神上的痛苦。

2 为了…..感到担心焦急不安及痛苦。

Душа замирает.

Без чувств, памяти, теряя сознание.

不知所与： 心情及其紧张，失去知觉。

Душа в душу.

В полном согласии, дружно (жить, прожить и т. п.)

心心相通：完全同意友好和睦地生活

Душа вон.

Прост. 1. Умереть; умереть скоропостижно, внезапно, мгновенно.

2. Выражение крайней необходимости непреклонного, настойчивого требования сделать что-либо

死了：1 突然地 瞬间地死亡

2 最后必要性的一种强调方式 强制要求做某种事情。

Душа (*сердце*) *горит* чья, у кого.

Кто-либо сильно взволнован, возбужден, взвинчен.

十分激动; 某人强烈的不安 紧张及兴奋。

Душа меру знает: ешь и пей сколько хочется

Душа (*сердце*) *надрывается* кого, чья, у кого.

Прост. Кто либо испытывает чувство тоски, душевные страдания,

伤心欲绝：十分痛苦及惋惜。

Душа нараспашку.

Разг. Чистосердечный, прямодушный, откровенный. О человеке.

襟不坦白：（口） 形容人的真诚 心胸坦白 直言不讳。

Душа (*сердце*) *не лежит* к кому к чему.

Нет интереса, склонности, желания, симпатии, доверия к кому-либо или к чему-либо.

对….. 不中意：无兴趣 不感兴趣 不喜欢 没有好感。

Душа (сердце) *не на месте* у кого.

Кто-либо встревожен, чувствует себя очень неспокойно.

心神不定： 坎坷不安 惊恐不安 担忧 不能安心。

Душа не принимает.

Совсем нет желания, не хочется или противно есть, пить что-либо.

对…厌烦极了：完全没有心情 不想做某事情或反对吃喝某种东西。

Душа (*сердце*) *переболела* за кого, за что.

饱受忧伤：为了某人某事伤心痛苦。

Душа (*сердце*) *перевёртывается* у кого, в ком.

Душа (*сердце*) *перевернулась* у кого, в ком. *Сердце перевёртывается.*

Кто-либо испытывает острое чувство жалости, сострадания и т. п. к кому-либо.

(因怜悯 同情) …… 心酸：在心里感到非常的惋惜。

Душа (*сердце*) *радуется* у кого.

Разг. Кого-либо охватывает радостное волнение по поводу чего-либо.

对…..内心感到高兴： 某人由某事而感到高兴。

Душа (*сердце*) *разрывается* (*рвётся*) от чего.

由于…..难过的心碎了。

Душа (*сердце*) *разрывается* (*рвётся*) *на части*.

Кто-либо испытывает глубокую скорбь, печаль, тяжело переживает что-либо.

难过的心碎：感到深深的悲伤 不幸或艰难的经历。

Душа уходит в пятки у кого. *Душа ушла в пятки* у кого.

Кто-либо испытывает сильный страх.

魂不守舍：感到非常害怕恐惧。

Души не чает в ком.

Очень сильно, безгранично любить кого-либо.

非常宠爱：十分喜爱。

Души прекрасные порывы.

Высок. О благородных, устремлениях.

美丽心灵 ：充满理想的心，关于崇高 优美 高尚的思想意向。

Душой и телом.

Целиком, всем существом; совершенно, во всех отношениях.

完完全全：整个地 全部地 在各个方面。

Душу мутит.

Разг. Заботит, гнетёт.

糊涂 （口）不清醒的意思

Еле-еле душа в теле.

Прост. Едва чуть жив. О слабом, больном или уставшем человеке.

气息奄奄：只剩一口气 身体虚弱有病或疲劳不堪的人。

Жить (с кем) *душа в душу*

Жить мирно, дружно любовно (В. И. Даль).

生活和睦：安定 和气 友好地生活。

Загадочная русская душа.

О непостижимости русского национального характера.

神秘的俄罗斯热情 ：神奇的俄罗斯民族特点。

Заглянуть в душу кому.

Разобраться во внутреннем мире, чувствах кого-либо.

窥视：详细分析内心世界的情感及思想活动。

Заглядывать в сердце кого, чье, кому.

Пытаться разобраться в чьих-либо сокровенных мыслях, чувствах

窥探 内心 ：企图弄清某人的心情情感。

Загубить (*свою*) *душу*.

Прост. Отягчить совесть, сознание преступлением, тяжким проступками, совершить непоправимый грех.

戕害良心：形容违背良心，以有害的行为，做出不良，犯罪行为。

За душой у кого *есть* (*имеется*)

О наличии у кого-либо чего-либо.

有心：存在 具备。

За душой у кого *нет* чего.

Об отсутствии у кого-либо чего-либо.

完全没有：缺乏 没有。

За душой ничего (*гроша*, *ни копейки*, *копейки*) *нет* у кого.

Разг. 1. О бедном, безденежном человеке.

2. Об абсолютно бездуховном человеке, духовном ничтожестве.

分文皆无： 贫穷 不幸 没有钱的人。2 精神空虚 精神贫乏。

Закрадываться в душу кого, чью, к кому.

Незаметно, исподволь, непроизвольно появляться, возникать. О чувствах, мыслях.

不知不觉产生好感：关于感情思想 渐渐地 不自主地出现 产生。

Закрадываться в сердце кого, чье, к кону.

Незаметно, исподволь, непроизвольно появляться, возникать. О чувствах.

情不自禁：感情不知不觉地产生 随意地出现。

Закрывать душу на замок.

Становиться замкнутым, скрытным.

孤僻的心 ： 指封闭地 不坦诚地 沉浮很深地。

За милую душу.

1. С большим удовольствием, желанием, весьма охотно.

2. Не задумываясь, без долгих размышлений.

3. Вне всякого сомнения, наверняка.

乐意地 1 非常高兴 希望 完全自愿。2 不用想 不用长时间的思考。3没有一点的怀疑困惑 十分确定。

Заячья душа.

1. Трусливый, робкий человек.

2. у кого. Кто-либо труслив, робок.

胆小鬼：1 胆小 羞愧的人 2 形容胆小。

Избранник (*избранница*) *сердца*.

Книжн., *ритор*., *разг*. Возлюбленный (возлюбленная).

心上人：指男（女）情人。

Изливать душу кому, перед кем.

Откровенно рассказывать кому-либо о том, что волнует, что наболело.

倾吐真情：坦率地讲述心中的不安及更多的事。

Иметь сердце на кого.

Прост. Сердиться, быть недовольным кем-либо.

对 不满：形容生气不满。

Как бог на душу (*на сердце*) *положит* кому.

Как вздумается, захочется.

回想： 想起 想到。

Как душе угодно.

Как только хочется, как нравится.

随心所欲：像自己想的那样 跟喜爱的一样。

Как маслом по сердцу.

Очень приятно, доставляет большое удовольствие, наслаждение.

心满意足：形容非常高兴 得到很大的满足 快乐。

Каменное сердце.

«Бесчувственный и жестокосердый человек» (В. И. Даль).

心如磐石：无同情心 无怜悯心 冷酷无情的人。

Камень на душе (*на сердце*) у кого.

Кто-либо испытывает тяжёлое, гнетущее чувство.

心情沉重：感到艰难 痛苦 沉重 悲伤。

Камень с души (*с сердца*) *свалился* у кого.

Кто-либо испытывает чувство душевного облегчения, избавления от чего-то гнетущего, тягостного, неприятного.

心里的石头落下： 放心 感到内心轻松 摆脱悲伤 不快乐 痛苦。

Класть душу на что, во что.

Целиком, полностью отдаваться чему-либо; делать что-либо с любовью увлечением, старанием.

用心在 上： 指完全地 全心的投入并且怀有很大的激情和兴致做某事。

Кошки скребут на душе (*на сердце*) у кого; *кошки заскребли на душе* (*на сердце*) у кого.

Кому-либо грустно, тоскливо, беспокойно, тревожно.

心如猫抓：指人忧郁 烦乱 不安。

Кривить душой (*покривить душой*).

Быть неискренним, лицемерить, намеренно говорить неправду; поступать против совести.

心怀不满：虚伪地 有意的说假话

Лежит на душе.

Разг. Заботит, гнетёт.

压在心头：形容担心 苦恼。

Мёртвые души.

Книжн. или *публ*., *неодобр*. Люди, формально числящиеся где-либо.

虚伪：不友善 不真实。

Муж голова, жена душа (В. И. Даль). Пословица.

夫唱妇随

Муж да жена одна душа (В. И. Даль). Пословица.

夫妻同心

Надрывать сердце.

Вызывать душевные страдания, муки.

令人心碎：引发精神上的痛苦折磨。

На душе у кого.

Кто-либо испытывает то или иное душевное состояние.

在心上：指感受到 体验到或 某种精神状态。

Надрывать душу.

Вызывать душевные страдания, муки.

撕心裂肺：指精神上的痛苦 苦难 受罪。

На душе легко.

Спокоен и весел (В. И. Даль).

心情愉快：安详 快乐 高兴。

На душе тяжело.

Озабочен и грустен (В. И. Даль).

心情沉重： 操心 忧虑 悲伤。

На пропой души.

На выпивку.

喝两盅：指喝酒。

Находить (*найти*) *доступ к сердцу* кого, чьём.

Добиваться, вызывать чьё-либо расположение, любовь, симпатию и т. п.

获得 的同情：形容获得某种好感 同情等。

Не лежит сердце к кому-чему.

Разг. Нет расположения, симпатии к кому-чему-нибудь.

兴致全无：（口）无心思 不中意 没有好感。

Не по душе кому, кто что.

Не нравится.

不合心意：不喜欢 不喜爱。

Не чаять души в ком.

Устар. Очень сильно, безгранично любить кого-либо.

不由心思：形容非常强烈 极其的喜欢。

Ни душой, ни телом.

Нисколько, совсем (не виноват, не причастен к чему-либо и т. п.).

一点也不：完全没有错 没有参与某事。

Ни (*одной*) *души*.

Никого, ни одного человека.

无人：任何人也没有 没有一个人。

Нож в сердце кому.

Кто-либо причиняет острую душевную боль, страдание (иногда душевный удар) сопернику, противнику.

心如刀绞：形容给对手 敌人 竞争者造成了强烈的精神伤痛痛苦(有时指精神上的打击)。

Отводить (*отвести*) *душу*.

1. Кому, с кем. Рассказывать кому-либо абсолютно всё о своих несчастьях, бедствиях.

2. Срывать зло на ком-либо, чём-либо.

诉说苦衷：1倾诉自己的不幸。2发泄气愤烦恼。

От всего сердца (*от всей души*).

Совершенно искренне; с полной откровенностью, непосредственностью.

Ср. *от* (*всей*) *души*.

非常诚恳：完全坦然 十分真诚 直率。

Отдавать богу душу.

Устар. Умирать.

见上帝 （旧）指死。

Отдавать сердце кому.

Любить кого-нибудь.

因挚爱而愿意把心献给某人 ：喜爱 爱上。

От доброго сердца.

Из добрых побуждений, без злого умысла.

情愿地：发自友好善良的的意愿及动机 没有恶意的意图。

Отдыхать душой (*сердцем*); *отдохнуть душой* (*сердцем*).

Обретать душевный покой.

养养精神：找到心理上的安静。

Открывать душу кому.

Откровенно рассказывать о своих заветных мыслях, переживаниях, чувствах.

敞开心扉：表露真情 真诚而坦白地讲述自己内心的想法 感受 情感。

Отлегло от сердца у кого.

Кто-либо испытывает чувство облегчения, успокоения.

Ср. *отлегло на душе* у кого.

放心 ：觉得轻松 安心。

Отрывается от сердца у кого.

Устар. Внезапно появляется состояние тревоги, предчувствие беды, несчастья и т. п.

心惊胆战：（旧）突然出现的不安 担忧 恐慌等 不祥的预感 等等。

От полной души.

От избытка чувств.

满怀热情：感情充沛

Отпусти душу на покаяние.

Устар. 1. Пощади, смилуйся, не убивай и т. п.

2. Не трогай, не приставай, оставь в покое.

勿打扰：（旧）怜悯 宽恕 不折磨 2 不要碰 保持安静。

От чистого сердца.

1. Совершенно искренне, откровенно, простодушно.

2. Из самых добрых побуждений, искренне

坦诚的心： 十分真诚 朴实 2 来自于最真诚的愿望动机。

Падать (*упасть*, *пасть*) *духом*.

Унывать, отчаиваться. О тяжёлом, депрессивном душевном состоянии.

使 胆寒：感觉害怕惊恐到绝望的程度或意外的感到害怕惊恐。

Пасть на сердце.

Устар.1. Возникнуть, появиться. О чувствах, настроениях, мыслях.

2. Понравиться, полюбиться.

称心：（旧）1 关于感觉情绪想法的产生 2 喜欢中意

Перевёртывать (*всю*) *душу* кого, чью, кому.

Очень сильно, глубоко волновать, потрясать.

震撼人心: 十分不安 对内心震动很大。

Писать кровью сердца.

Книжн. С глубокой искренностью, с глубоким чувством, убеждением, пережив, выстрадав написанное.

沥血创作：非常真诚地 极为热情地饱经痛苦地创作。

Плевать в душу кому.

Оскорблять самое дорогое для кого-либо, самое сокровенное в ком-либо.

心里看不起：藐视 在内心中开不起。

По душам.

1. Искренно, чистосердечно, откровенно (поговорить, побеседовать и т. п.).

2. Искренний, чистосердечный, откровенный (разговор, беседа и т. п.).

推心置腹：开诚布公地 1 坦率地 真诚地 毫无顾忌地 交换意见 2 真诚坦然的谈话等。

По душе.

Разг. Кому, чему нравится, по вкусу.

令….. 新欢：中意 喜爱 有兴趣符合爱好

Покорить (*покорять*) *сердце* чьё.

Устар. Добиться чьей-нибудь любви, привязанности, овладеть чьим-нибудь доверием.

征服….心（旧）泛指真诚地 坦率地 毫无顾忌地诚恳地交换意见 交谈等 2 真诚的坦率的谈话交谈等。

Положа (*положив*, *положивши*) *руку на сердце*.

Разг. Чистосердечно, откровенно, искренне (говорить, советовать, отвечать, заявлять и т. д.)

非常率直：(口) 形容某人的爱 或 得到某人的信任。

Положить душу за кого-либо.

Отдать жизнь, пожертвовать жизнью.

为……牺牲生命：献出生命 牺牲生命。

Положить душу на что.

Затратить много усилий, приложить много стараний.

全部心血倾注：花费很多精力做某事。

По сердцу кому.

Разг. Нравится, соответствует желанию, по нраву.

顺心如意：令….. 喜欢 （口）符合心愿爱好 十分喜爱。

Предложить руку и сердце.

Предложить выйти замуж.

向……表爱：向女人求婚。

Принимать (*близко*) *к сердцу*.

1. Воспринимать что-либо с повышенной чувствительностью, придавая сильно большое значение чему-либо; сильно переживать за что-либо.

2. Относиться к чему-либо с большой заинтересованностью.

对……非常关切 1. 极大的敏感性看待某事使其具有很大的意义。2 有很大的兴趣。

Рад душой.

От души, искренно, сердечно (В. И. Даль).

很高兴：发自内心的真诚 亲切。

Разбитое сердце.

Символ страдания от несчастной любви в русских романсах.

Разбить сердце чьё.

Сделать несчастным кого-либо.

心碎：指发生了不幸。

心碎：俄罗斯及浪漫歌曲和抒情诗中，不幸的爱情标准。

Разговор (*беседа*) *по душам*.

Разг. Искренний, откровенный, задушевный разговор (обычно между двумя собеседниками) о самом главном, иногда очень тайном.

交心（口）真心真意地交谈（通常是两人之间的交谈）非常重要的事情，有时还非常地秘密。

Раскрывать душу кому, перед кем.

Откровенно рассказывать о своих чувствах, заветных мыслях, переживаниях, Ср. *открывать душу* кому, *открывать сердце* кому.

向…交心：真诚地叙述自己内心的思想 心情 感受。

Распахивать душу перед кем.

Откровенно, чистосердечно делиться мыслями, переживаниями с кем-либо; рассказывать о себе всё.

开垦心田：毫无顾忌地交流思想 心情坦率地讲述自己的一切。

Робкая душа.

Об очень робком, боязливом человеке.

胆怯的心：非常胆小 懦夫的人。

Русская душа.

Представление о русских со всеми их противоречивыми свойствами (особенно духовными ценностями).

俄罗斯之心：俄罗斯人民本质的概念。

С души воротит (*рвёт*, *тянет*).

1. Тошнит . 2. Противно, нет сил терпеть, выносить и т. п.

恶心死 1.吐。2. 反对 无法容忍 忍受不了 受不了。

С душой.

С увлечением, подъёмом делать что-либо.

热情地： 满怀激情：非常高兴及情绪高涨地做某事。

Сердце кровью обливается чьё, у кого. *Сердце кровью облилось* чьё, у кого. Кому-либо невыносимо тяжело от душевной боли, чувства сострадания, жалости, щемящей тоски и т. п.

心在流血：伤心，表示非常悲伤难过 并十分惋惜同情等

Сердце моё – употребляется как ласковое, нежное обращение к кому-либо.

我的心肝：适用于亲爱的人温情的交流。

Сердце надрывается кого, чьё, у кого.

Прост. Кто-либо испытывает душевные страдания, чувство тоски, жалости.

心碎：感觉精神上的痛苦惋惜。

Сердце не на месте у кого.

Кто-либо встревожен, чувствует себя очень неспокойно.

心神不安： 坎坷不安 激动不安 难以平静。

Сердце ноет.

Грустно (В. И. Даль).

痛心： 心寒 感到忧虑 忧愁。

Сердце оборвалось (или *упало* и т. п.) у кого.

О внезапном ощущении сильной тревоги или испуга.

心中一愣 ： 突然感到不安 惊恐 担忧 焦急

Сердце обросло мохом чьё, у кого.

Кто-либо стал бездушным, неотзывчивым, чёрствым.

变野 ：堕落 （指人）形容变得冷酷无情 没有同情心

Сердце сжалось, ёкнуло.

Страх, испуг (В. И. Даль).

心一愣：紧张 害怕 惊吓 恐惧。

Сердцем, *от сердца*, *сердечно*.

С любовью (В. И. Даль).

发自内心：诚挚地指衷心亲切地

Сердце отходит у кого.

Кто-либо перестаёт волноваться, раздражаться, успокаивается.

消气：不在生气烦恼 而感觉到放心

Сердце падает (*отрывается*, *обрывается*) у кого.

Сердце упало (*оторвалось*, *оборвалось*) у кого.

Кто-либо испытывает страх, тревогу, приходит в отчаяние. О внезапном ощущении тревоги, испуга и т. п.

胆寒：魂飞魄散：
感觉到害怕惊恐到了绝望的程度以及意外的感觉到害怕惊恐恐惧

Сердце разрывается (*на части*).

Кто-либо испытывает глубокую скорбь, печаль, тяжело переживает что-либо.

难过的心要碎了：感觉到深深的悲痛 愁伤及强烈的不安和担心

Сердце чует (*слышит*).

情不自禁地

С замиранием сердца.

Разг. 1. Испытывая сильное волнение, беспокойство, тревогу.

2. Испытывая испуг, страх, ужас.

坎坷不安：因为不安或惊恐心随之起起落落（口）1. 感觉到很强的不安惊恐惊慌。 2. 感觉到惊恐 凄惨 悲惨。

Скрепя сердце.

С большой неохотой, принуждая себя, вопреки желанию (делать что-либо).

勉强地 不得已 硬着头皮： 非常不情愿迫使自己去做 某事，违背自己的心愿

С лёгким сердцем.

Без всякой тревоги, без каких-либо опасений.

Антоним: *с тяжёлым сердцем*.

无忧无虑：形容不担忧 不焦急 不担心。 反义词： 怀着沉重的心情

С открытой душой (*сердцем*).

Без предубеждений; искренне, доверчиво, откровенно (относиться к кому-либо, делать что-либо и т. п.).

赤诚地：一片 诚心地， 没有成见 真诚地对待某人和做某事。

С сердцем.

Разг. 1. Сердито, в сильном раздражении (сказать или сделать что-либо).

2. Возмущаясь, негодуя, в гневе (сказать или сделать что-либо).

怒气冲冲 气愤（口） 1 生气 非常气愤说或做某事。 2 愤怒地说某事做某事.

Скажи по душе – по правде (В. И. Даль). Пословица.

交心： 说实话 说真话。

Сколько душе угодно.

Вволю, вдоволь, без каких-либо ограничений.

要多少有多少： 充足地 丰富地 无限地。

Скребёт на душе (*на сердце*) у кого.

Кому-либо грустно, тоскливо, беспокойно, тревожно.

心乱如麻： 焦急不安 感到忧郁 惊恐不安 坎坷不安。

Сорвать сердце на ком, чём.

Разг. Излить свою злобу на кого-, что-нибудь.

向.....泄愤：（口）倾吐出自己的愤恨 愤怒

С открытым или чистым сердцем

С полной откровенностью, без хитрости, с сердцем, искренне.

一寸丹心： 一片诚心： 完全坦白 坦率 真心真意。

Срывать (*сорвать*) *сердце* на ком.

Прост. Изливать злобу. Значение компонента *сердце* в этом обороте «гнев, злоба».

向.....泄愤： （口）倾吐愤恨 仇恨。“心” 一词在这一形势中意义为“愤怒 怒气”。

Стоять (*торчать*, *сидеть*) *над душой* чьей, у кого.

Надоедать своим присутствием, докучать своей назойливостью.

老在....跟前碍眼：死乞白赖地恳求，由于纠缠不休厌烦而感到讨厌

С тяжёлым сердцем.

В подавленном состоянии, в беспокойстве, предчувствуя недоброе.

Антоним: *с лёгким сердцем*.

怀着沉重的心情： 形容心情压抑 有种不祥的预感。 反义词：无忧无虑。

С упавшим сердцем.

Испугавшись, испытывая страх, ужас.

心情低落：泛指畏惧害怕畏惧 可怕 恐惧。

Тянуть душу (за душу).

Мучить, терзать, причинять страдание, душевную боль кому-либо; изводить кого-либо ожиданием чего-либо (ответа, решения, какого-либо сообщения и т. п).

把.....折磨的痛苦不堪：把.....纠缠的筋疲力尽：指折磨 虐待 痛苦 精神上的痛苦及痛苦期待

Тянуть за душу кого.

Изводить чем-либо нудным, неприятным и т. п.

把.....纠缠的筋疲力尽：指折磨 虐待 痛苦 精神上的痛苦及痛苦期待

Укрепить сердце чьё.

Сделаться духовно стойким спокойным, выдержанным.

安抚人心：使精神保持稳定 安静 镇静。

У меня дело это на душе лежит.

«Совесть упрекает или забота не даёт покою» (В. И. Даль).

心事重重：受到良心的谴责或因惦念忧虑而不能安心。

У меня душа не на месте

«Боюсь, тревожусь» (В. И. Даль).

我心中坎坷不安：指害怕 惊恐 焦虑。

Хватить греха на душу.

Совершить какой-либо предосудительный поступок, согрешить.

做出不道德的事：犯了罪 做出不道德 不体面的行为 及犯罪行为

(*Человек*) *большой души*.

Книжн., *одобр*. О человеке высоких моральных качеств, благородном, нравственном, чутком.

宽阔的心怀： 人有高尚的道德品质（高尚 道德 富有同情心）

Чёрная душа.

Презр. О коварном, способном на низкие, предосудительные поступки человеке.

黑心： 阴险 狡诈 卑鄙 行为不道德的人

Чернильная (*бумажная*) *душа*

Бюрократ, чиновник, формалист.

官僚主义：指官僚 官员 官吏 形式主义。

Чистая душа.

Одобр. Об очень честном, добросердечном неиспорченном и безгрешном человеке.

纯洁的心灵：非常真诚 有同情心 没有罪过 纯洁无邪的人

Читать в душе (*в сердце*) у кого.

Угадывать чьи-либо мысли, желания, настроения и т. п.

猜透心意：猜出心思 想法 心意等。

Что душе угодно.

Всё, что хочется, что нравится.

要什么有什么：想要及喜爱的一切。

Чужая душа потёмки. Пословица.

Невозможно понять, разгадать мысли, чувства, намерения другого, узнать человека.

人心难测： 指人的内心难以探测（ 很难猜出别人的思想 情感 意图）。

На душе.

Это на твоей душе.

«Ты виноват: дашь за это ответ» (В. И. Даль).

随你的心意了： 都是你的错 予以结果的回答。

II. КИТАЙСКО-РУССКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ С КОМПОНЕНТАМИ «СЕРДЦЕ» И «ДУША»

包藏祸心：bao cang huo xin 释义：包藏：隐藏 包含；祸心：害人之心。心里怀着害人的恶意。

Задумать (замышлять) злое дело.

На душе плохая мысль, которая губит людей.

示例：看他总是笑眯眯的，谁知他包藏祸心 骗了这么多人的钱。

Например Он всегда с милой улыбкой, но никто не знает, что он задумал злое дело и обманет много людей.

碧血丹心bi xue dan xin 释义：丹心：忠心。碧血：血化为碧玉。形容满腔正义的热血 一颗赤诚的红心 十分忠诚 坚定。

Отдавать богу душу (умереть)

示例：十几年来，他金忠报国 碧血丹心 却被坏人害死。

Например: Настолько был предан государству, не бояся смерти, но умер от руки плохого человека.

别出心裁bie chu xin cai 释义：别 另外。心裁 心中的设计 筹划。另有一种构思或设计。指想出的办法与众不同。

Проявить самобытную изобретательность; прибегнуть к оригинальной выдумке.

Продумывать варианты, которые очень оригинальны.

示例：即～，又实事求是，这是设计师特有的风格。

Например: Проявлять самобытную изобретательность и в то же время подходить к делу реально и практично – характерный стиль, свойственный конструкторам.

别有用心bie you yong xin 释义：用心：居心打算。心中另有算计。指言论或行动别有不可告人的企图。

Тенденциозный; умышленный.

Делать что-то по плану (с тайной мыслью)

示例：这是～的挑衅。

Например: Это умышленная провокация.

不得人心bu de ren xin释义：心：心愿。得不到群众的支持拥护得不到众人的好评。

Не пользоваться авторитетом; потерять доверие народа.

示例：沙皇干了很多坏事 已经～了。

Например: Царь совершил множество злодейств и уже потерял доверие народа.

不到黄河心不死 bu dao huang he xin bu si 释义：比喻不达到目标心不罢休。也比喻不到实在无路可走的境地不肯死心。

Пока в тупик не упрется, назад не повернёт (не образумится не опомнится); пока гром не грянет; выдать себя с головой.

Пока что-то не случится, ничего не сделает.

示例：我看你是～她都已经结婚了 你还在等他。

Например: Я считаю, что ты пока в тупик не упрёшься, назад не повернёшь. Она уже замужем, а ты всё ещё ждёшь её.

财迷心窍 cai mi xin qiao 译义：指由于一心爱财而心中糊涂。

Быть одержимым алчностью.

Любить только богатство.

Буквально: бестолковость в душе.

示例：他的眼里只有钱 真可谓是~。

Например: У него в голове только деньги, он одержим алчностью.

称心如意cheng xin ru yi 释义：形容心满意足 事情的发展完全符合心意。

Полностью удовлетворить свои желания.

Делать так, как хочется.

示例：他终于找到了一个～的妻子。

Например: Он наконец нашел жену, которая полностью удовлетворяет его желаниям.

诚心诚意cheng xin cheng yi 释义：形容十分真挚诚恳。

Чистое сердце.

Об очень искреннем и честном человеке.

Например: Он с чистым сердцем помогает своему другу

示例：他～地帮助自己的朋友。

Строить (создавать) себе иллюзии.

Думать о несбыточном.

示例：你想当车间主任那是～。

Например: Ты строишь себе иллюзии, если хочешь быть начальником цеха.

赤子之心 chi zi zhi xin 释义：赤子，初生的婴儿。比喻人心地纯洁善良。

Чистое, доброе сердце.

Невинность души.

示例：伟大的诗人普希金对祖国有一颗～。

Например: У великого поэта А. С. Пушкина невинная душа.

赤胆忠心 chi dan zhong xin 释义：报国~为国家效劳。

Беззаветно верный; преданный; со всей правдой преданностью души; верой и и правдой (служить); беззаветно преданный родине.

示例：为祖国 他赤胆忠心 服役多年 从不计较个人的利益。

Например: Много лет он служил верой и правдой государству, без всякой личной выгоды.

粗心大意cu xin da yi 释义：粗 粗疏 之做事马虎 不细心。

Небрежный.

Делать что-л. халатно, невнимательно.

示例：我总是～忘记带东西。

Например: Я бываю небрежным и забываю некоторые вещи.

存心不良cun xin bu liang 释义：存心 怀着某种心思或打算。指存着坏心眼。

Замышлять злое; вынашивать злые планы.

В душе иметь плохие мысли, намерения.

示例：他说这话 就是～, 想把责任推给别人。

Например: Он замыслил злое и сказал эти слова, чтобы свалить вину на других.

处心积虑chu xin ji lv 释义：处心 存心。积虑 经过长时间的考虑 形容蓄谋已久。

Вынашивать злые планы, замышлять злое.

示例：他们～， 企图实现他们的阴谋。

Например: Они вынашивают злые планы, чтобы осуществить свои коварные замыслы.

怵目惊心chu mu jing xin 释义：看到某种严重情况 心里感到震惊。

Ошеломляющий; ужасный.

Вызывающий чувство сильного страха.

示例：飞机坠毁的场面让人～。

Например: Падение самолета ошеломило людей.

从心所欲 cong xin suo yu 释义：按照自己的意思想怎么样便怎么样。

Поступить по-своему.

示例：他这样的年纪 这样的地位还有什么不能～呢？

Например: Он такой взрослый, у него такой (высокий) статус, что он млжет поступать как хочет, по-своему.

促膝谈心cu xi tan xin 释义：促 靠近 促膝 膝碰膝 坐得很近。形容亲密地谈心里话。

Беседовать по душам; вести интимную беседу.

示例：爸爸经常和儿子～。

Например: Папа с сыном часто беседуют по душам.

大快人心 da kuan ren xin 释义：快 痛快。指坏人坏事受到惩罚或打击。使大家非常痛快。

Вызвать всеобщее ликование; полное удовлетворение.

Делать так, чтобы все радовались.

示例：这一带的海盗被消灭了，真是~ 啊！

Например: Истребление пиратов в этой местности вызвало всеобщее ликование.

胆大心细 dan da xin xi 释义：形容办事果断 考虑周密。

Смелость вместе с осторожностью: быть храбрым, но осторожным.

Вести дело решительно, твёрдо, обдуманно, тщательно.

示例：他是个很有见识的小伙子，工作起来~，我们都很喜欢。

Например: Он очень толковый парень и работает смело и осторожно. Нам всё очень нравится.

胆战心惊dan zhan xin jing 释义：战 通“颤”。发抖。形容十分害怕。

Паника; панический ужас (страх); поджилки трясутся.

Сильно испугать, бояться.

示例：看到他满脸是血 我~ 地问：“是谁把你打成这样的”。

Например: У меня был панический ужас, когда я увидел кровь на его лице. Я спросил: «Кто ударил тебя?»

得心应手de xin ying shou 释义：得 得到 想到。应 反应，配合。心里怎么想手就能怎么做。比喻技艺纯熟或做事情非常顺利。

Работа спорится – всё происходит так, как хочется.

Очень хорошо и свободно использовать что-либо.

示例：这个工人非常能干，干什么活都是 ~ 的。

Например: А работник-то какой! Так всё у него и горит в руках.

吊胆提心 diao dan ti xin 释义：形容非常担心或害怕。

С замиранием сердца; с тревогой; быть сильно встревоженнным.

Очень бояться.

示例：姥姥的病让他~了十多天。

Например: Видя, бчто абушке становится всё хуже, он тревожился за неё.

掉以轻心diaoyiqingxin 释义：掉 摆动 轻轻率。对事情采取轻率的漫不经心的态度。

Подходить к делу небрежно; не уделять должного внимания.

示例：这次和我们比赛的是支强队，所以我们千万不能 ~。

Например: В этот раз с нами играет команда, поэтому нам не надо подходить к делу небрежно.

动人心弦 dong ren xin xuan 释义：把心比作琴，拔动了心中的琴弦。形容事物激动人心。

Трогать струны человеческого сердца; волновать душу.

Кого-либо охватывает волнение по поводу чего-либо.

示例：这是一曲 ~的歌。

Например: Эта песня трогает струны человеческого сердца.

独出心裁 du chu xin cai 释义：原指诗文的构思有独到的地方泛指想出的办法与众不同。

Оригинальный.

Кто-либо проявляет изобретательность.

示例：这个设计独出心裁 而且成本很低 非常吸引人。

Например: Это оригинальный проект, себестоимость низкая, очень привлекательная для людей.

独具匠心 du ju jing xin
释义：匠心：巧妙的心思。具有独到的灵巧的心思。指在技巧和艺术方面的创造性。

Оригинальный и исключительный.

Проявлять своеобразный ум, творческую инициативу.

示例： ~的设计 吸引了无数的观众前来观看。

Например: Оригинальный и исключительный проект привлекает много зрителей.

佛心蛇口 fou xin she kou 译义：比如话虽说得好听，心肠却极狠毒。

Мягко стелет, да жестко спать; слова святые, а на сердце яд змеиный.

Хотя говорит добрые слова, душа очень злая.

示例：那是一个~的人 你们千万要小心。

Например: У человека слова святые, а на сердце яд змеиный. Будьте осторожны.

攻心为上gong xin wei shang 从思想上瓦解敌人的斗志为上策。

Сокрушить дух врага – это лучшая стратегия.

两军交战~。打仗是这样，商场也是这样。

Например: В битве (между двумя армиями) главное – сокрушить дух врага, так же и бизнесе – это лучшая стратегия.

钩心斗角gou xin dou jiao 释义：心：宫室中心角：檐角。原指宫室建筑结构的交错和精巧 后比喻用尽心机 明争暗斗。

Грызня и интриги; строить козни друг против друга; вести против кого-нибудь интригу, взаимное подсиживание.

Выжать из себя последние силы; явная и скрытая борьба.

示例：在争夺原料市场方面 这些国家~互相倾轧。

Например: В борьбе за захват источников сырья и рынков сбыта эти страны ведут интригу друг против друга, вытесняют друг друга.

归心似箭gui xin si jian 释义：想回家的心情射出的箭一样快。形容回家心切。

Рваться домой; ехать домой, сгорая от нетерпения; стремиться всей душой на родину; сердце стрелою несётся домой.

示例：他已经两年没回家了。所以~ 呢。

Например: Он уже два года не был дома и поэтому рвётся домой.

鬼迷心窍 gui mi xin qiao 释义：鬼怪迷惑住心窍，指对问题认识不清。

Бес попутал; обворожённый духами; наваждение, утрачивать трезвость мысли.

示例：老人家已经 ~，谁都不认识了。

Например: Старик уже утратил трезвость мысли.

灰心丧气hui xin sang qi 释义：灰心：心如熄灭了的死灰，丧失去。形容因失败或不顺利而失去信心 意志消沉。

Полный упадок души; совершенно пасть духом.

Совершенно пасть духом из-за неудачи или неблагополучия

示例：他~地说："完了，我什么都没有了"。

Например: Он совершенно упал духом и сказал. «Всё, у меня ничего нет».

回心转意hui xin zhuan yi 释义：心 意 心思。回 转 掉转。重新考虑改变原来的想法和态度。

Изменить своё отношение: сменить гнев на милость.

Изменить прежние идеи и поведение.

江心补漏 zhang xin bu lou
释义：船到江心才补漏洞。比喻补救不及时，对事情毫无帮助。

Запоздалые меры; запоздалая помощь; заделывать течь в лодке, когда она уже на середине реки.

Не вовремя поправить, исправить; не помогать делу.

示例：你到现在才想到这个问题？ 可惜，来不及了。

Например: Ты только узнал об этом вопросе? Верно говорят, что заделывать течь в лодке, когда она уже на середине реки, поздно.

将心比心 jiang xin bi xin 释义：设身处地为别人着想。

Поставить себя на место другого.

爸爸捡到了一个钱包 他说；“～”。丢了钱包的人一定很着急 我们快去找失主吧。

Например: Папа подобрал кошелёк и сказал «Поставь себя на место человека, который потерял кошелек Нам надо быстрее найти его».

尽心尽力 jinx in jin li 释义：指费尽心力。

Отдавать все духовные и физические силы.

Прилагать все силы.

示例：无论做什么事都要～。

Например: Каким бы делом мы ни занимались, надо отдавать ему все духовные и физические силы.

做工作 就要~，不能偷懒耍滑。

Работе надо отдавать все духовные и физические силы, нельзя лентяйничать и финтить.

惊心动魄jing xing dong po 释义：使人神魂震惊。原指文辞优雅 意境深远 使人感受极深 震动极大 形容使人十分惊骇紧张到极点。

Потрясающе (захватывает дух).

Кто-то удивлён до последней степени.

示例：火山爆发那一刻真是~啊！

Например: Когда вулкан извергается, это действительно потрясающее зрелище.

居心不良 ju xin bu liang 释义：居心：存心；良善。存心不善。指内心存在着恶意或阴谋。

Замышлять злое.

Иметь в душе неблаговидные намерения против кого-нибудь.

示例：他~ 地说："姑娘 你跟我一起去好吗？"

Например: Он замыслил злое и сказал: «Девушка, поехали вместе со мной, хорошо?»

刻骨铭心ke gu ming xin 释义：铭 刻在心灵深处。形容记忆深刻 永远不忘。

Век не забыть; запасть глубоко в душу.

Постоянно помнить, никогда не забывать

示例：这是一段~的感情。

Например: Это любовь запала глубоко в душу.

口是心非 kou shi xin fei 释义：嘴里说的很好，心里想的却是另一套。

На языке одно, а на сердце другое; двуличие: на словах одобрять, а в душе отвергать.

示例：阳奉阴违 ~， 当面说得好听，背后又在捣鬼 这就是两面派行为的表现。

Например: Формально подчиняться, а по существу противиться; на словах одобрять, а в душе отвергать; в душе отвергать, а в глаза говорить nриятные вещи а за спиной творить подлые дела – таковы проявления двурушничества.

扣人心弦kou ren xin xuan 释义：形容事情激动人心。

Брать за душу; взять за душу.

Приводить в волнение, в тревожное (беспокойное) состояние.

示例：这个故事非常 ~ 。

Например: Этот рассказ сильно берёт за душу.

苦心孤诣 ku xin gu yi 释义：指苦心钻研到了别人所达不到的地步。也指为寻求解决问题的方案而煞费苦心。

Отдать все свои силы и знания; вложить душу.

示例： 这个学科，是老教授一辈子 ~ 才建立起来的。

Например: Этот профессор отдал все свои силы и знания созданию этой науки.

苦心积虑 ku xin ji lv 释义：积虑长期地或一再地思考。指费尽心思长时间的思考问题。

Всемерно пытаться (стремиться).

示例：他 ~ ,要破坏两个公司之间的关系，以达到自己的目的。

Например: Он стремится нарушить отношения между двумя компаниями и добиться своей цели.

Приложить огромные усилия; вложить душу в дело.

苦心经营 ku xin jing ying 释义：经营 筹划管理。指用尽心思去筹划安排。

Например: Пришёл экономический кризис, он вспомнил время, когда он вложил душу в эту компанию

狼心狗肺lang xin gou fei 释义：形容心肠像狼和狗一样凶恶狠毒。

Волчья душа (натура); чёрная неблагодарность; жестокий, бесчеловечный.

Душа алчная и гнусная, как волк.

示例：早知道他是个～的人 我就不会帮他。

Например: Зная, что у него волчья душа (натура), я не буду ему помогать.

狼子野心lang zi ye xin 释义：比喻凶暴的人居心狠毒，习性难改。

Волчья натура; алчность хищника; дикий; буйный; с волчьими повадками.

О человеке, который имеет звериные качества.

示例：匪徒们的～ 这个时候才暴露出来，他们要杀掉全部人质。

Например: Алчные бандиты взяли заложников и хотят их убить.

离心离德 li xin li de 释义：形容思想信念不统一，行动不一致。指不一条心。

Отсутствие единства и единодушия; идейный разброд.

示例：兄弟两人～， 因此他们企图经营不好。

Например: У братьев отсутствуют единство и единодушие, поэтому их компания плохо развивается

力不从心li bu cong xin 释义：心里想要，可是力量够不上。

При всём желании не в силах (не в состоянии); хочется, да не можется; желание есть, да сил нет; сила не поспевает за желанием.

Желать в душе, но сил не хватает.

示例：他越来越老，真有点～了。

Например: Жизнь его близится к закату и при всем желании он уже не в силах продолжать свою работу.

路遥知马力　日久见人心ri yao zhi ma li, ri jiu jian ren xin
释义：路途遥远才能知道马的力气大小 日子长了才能看出人心的好坏。

Человека узнаёшь, когда с ним пуд соли съешь.

Буквально: Сила коня познаётся дальней дорогой, а сердце человека – временем.

示例：~ 经过这么多年，他终于知道老王对他的真情实意了。

Например: Человека узнаёшь, когда с ним пуд соли съешь – через много лет он узнал истинное чувство Лао Ван к нему.

瞒心昧己 man xin mei ji 释义：昧 欺瞒 违背良心干坏事。

Кривить душой; потерять совесть и совершать дурные дела.

示例：他是个~ 不明道德的人。

Например: Кривящий душой и не знающий добродетели человек.

漫不经心mang bu jing xin释义：漫 随意。随随便便，不放在心上。

Рассеянность; крайняя небрежность; небрежно; спустя рукава; кое-как, безразлично; как бог на душу положит.

Не дорожить кем, чем-либо.

示例：他微笑着，~ 地摇着头。

Например: Он улыбнулся, с безразличным видом покачал головой.

扪心无愧 men xin wu kui 释义：扪 摸 愧 惭愧。摸着胸口自问 毫无惭愧之处。

Сделать что-то, за что не стыдно.

Буквально: Бить себя в грудь.

示例：我自问~，对得起所以人。

Например: Я говорю себе, что моя совесть чиста, я сделал что-то, за что не стыдно.

扪心自问 men xin zi wen 释义：摸着胸口 自己问自己怎么样。指自己反省。

Спросить самого себя; спросить свою совесть; наедине со своей совестью; оглядываться на себя и спрашивать мысленно, положа руку на сердце.

Буквально: Бить себя в грудь.

示例：他时常~， 他所作的一切是否得当。

Например: Он часто как бы оглядывался на себя, спрашивал мысленно, так ли он всё делает.

漠不关心mo bu guan xin 释义：漠 冷淡。态度冷淡 毫不关心。

Полная безучастность; относиться безразлично.

Безучастное отношение; не заботиться.

示例：官长必须爱护士兵 不能~。

Например: Командиры должны заботиться о солдатах, не относиться к ним бездушно.

呕心沥血 ou xin li xue 释义：呕吐 沥 一滴一滴 。比喻用尽心思。多形容为事业工作 文艺创作等用心的艰苦。

Иссушить свой ум и сердце; выжать из себя последие (все) силы;

вкладывать всю душу во что-либо; все силы отдавать чему-либо;

С трудом что-то делать; отдавать все силы.

示例：父亲~， 日夜从事自己的作品。如果没有你父亲的 ~ ， 公司绝不会有今天的成绩。

Например: Если бы твой отец не отдавал все силы, компания не имела бы нынешнего успеха.

齐心协力qi xin xie li 释义：形容认识一致 共同努力。

В полном единодушии; дружно.

示例：我们要 ~ 地建设自己的国家。

Например: Нам надо строить свою страну в полном единодушии.

倾心吐胆qing xin tu dan 释义：比喻痛快地说出了心里话。

Сорвать сердце.

Сразу высказать слова, затаённые в сердце.

示例：对父亲一番~后 我觉得心里轻松了很多。

Например: Сорвал сердце на отце, но на душе стало легче.

清耳悦心 qing er yue xin 释义：耳为之情宁 心为之欢喜。形容乐曲美妙动人。

Прекрасный.

Музыка играет восхитительно и прекрасно.

示例：迈克尔杰克逊的音乐~。

Например: Музыка Майкла Джексона прекрасна.

那位姑娘~的笑声，给他留下了深刻的印象。

Например: Восхитительный смех этой девушки оставил у меня сильное впечатление.

清夜扪心qing ye men xin 释义：清 清静 扪 按摸。指深夜不眠 进行反省。

Тихой ночью остаться наедине со своей совестью (душой).

示例：他若~，当有点儿羞愧。

Например: Оставшись наедине со своей совестью, он должен будет почувствовать стыд.

全心全意quan xin quan yi 释义：投入全部精力，一点没有保留。

От всей души

Полностью; целиком

示例：雷锋~ 为人民服务。

Например : Лэй Фэн от всей души и всеми помыслами служит народу.

人心不古 ren xin bu gu 释义：旧指人心奸诈 刻薄 没有古人淳厚。

Душа не такая, как раньше; люди мыслят иначе, чем в былые времена; теперь люди не такие добрые, как в старые времена.

示例：近来 ~ 。

Например: Наши дни люди мыслит иначе, чем в былые времена.

老人摇摇头说；“唉 真是世风日下，~ 啊”。

Например: Старик качал головой и говорил: «Падение нравов! Люди мыслят иначе, чем в былые времена».

人心惶惶ren xin huang huang 释义：惶 惊恐。人们心中惊惶不安。

Смятение умов

Кто-либо очень встреожен, обеспокоен.

示例：听说老板要裁减人员 公司里一片 ~ 。

Например: В компании все обеспокоены, узнав, что владелец будет сокращать штат работников.

人心难测 ren xin nan ce 释义：谓人的内心难以探测。

Душу трудно понять.

示例：~！你的行为还是小心些好。

Например: Душу трудно понять! Ты поступай поосторожнее

人心叵测 ren xin po ce 释义：叵 不可。人的心地不可探测。形容人心险恶。

Чужая душа – потёмки.

Понять сердце человека трудно.

我怎么都没想到他会对我做出这种事，真是~ 啊！

Например: Я никак не мог подумать, что он мне сделает такое плохое дело, действительно, чужая душа – потёмки.

人心向背ren xin xiang bei 释义：向 归向，指拥护； 背，背离 指反对。指人民大众的拥护或反对。

Симпатии и антипатии народа.

Народы поддерживают кого-, что-либо или возражают против кого-, чего-либо.

今年大选 到底哪个党派会获胜 完全取决于~ 的较量。

Например: Какая партия в выборах этого года выиграет, зависит от симпатии и антипатии народа.

人面兽心ren mian shou xin 释义：形容为人凶残卑鄙。

Зверь в образе человека; зверь (кровожадное чудовище) в человеческом облике; волк в овечьей шкуре; с виду человек, а душой зверь.

О злом и жестоком человеке.

示例：他是个~ 的东西 卖国的汉奸。

Например: Он зверь в человеческом обличье, изменник Родины.

人心所向 ren xin suo xiang 释义：向 归向，向往。指人民群众所拥护的向往的。

Общие чаяния людей; стремление народа; симпатии народа на чьей-либо стороне.

Народы массы поддерживают кого-, что-либо.

示例：反对分裂 实现国家的统一 这是~的大事。

Например: Единение страны – это забота (общее дело, стремление) всего народа.

忍心害理 ren xin hai li 释义：忍 残忍 心地残忍 丧尽天良。

Терять всякую совесть; совершать жестокость, беспощадный.

示例：他不能 ~ 至此。

Например: Он не смог бы совершить подобную жестокость.

三心二意san xin er yi 释义：又想这样又想那样 犹豫不定。常指不安心 不专一。

То одно, то другое на уме. Семь пятниц на неделе.

Часто менять свои мысли, желания быть в нерешительности.

示例： 他这个人做事总是~ 。

Например: он из тех, у кого семь пятниц на неделе.

丧心病狂sang xin bing kuang 释义：丧失理智 像发了疯一样。形容言行混乱而荒缪 或残忍可恶了极点。

Без зазрения совести; потерять последнюю каплю совести.

Потерять ум; как безумный.

示例：叛徒~ 地出卖了民族利益。

Например: Изменник без всякого зазрения совести продавал национальные интересы.

伤心惨目 shang xin can mu 释义：伤心，使人心痛 惨目：惨不忍睹。形容非常悲惨 使人不忍心看。

Страшный.

Бесчеловечная жестокость.

示例：飞机失事现场，一片~的景象。

Например: На месте аварии самолета всё выглядит страшно.

赏心悦目shang xin yue mu释义：悦目 看了舒服。指看到美好的景色而心情愉悦。

Испытывать эстетическое наслаждение; получать эстетическое наслаждение, радовать душу и глаз.

Душа радуется от красоты и гармонии.

示例：此处风景优美 给游人以~ 之感

Например: Здесь красивый пейзаж, радующий души и глаза экскурсантов.

身心交病 shen xing jiao bing 释义：交 一齐

同时；病困乏。身体和精神很困乏。

Устать душой и телом: быть утомлённым физически и умственно; здоровье и настроение отвратительны; физическое и душевное утомление.

示例：再这样紧张地工作下去 你会~的。

Например: Если мы будешь продолжать так напряженно работать, то это приведет к физическому и умственному истощению.

深入人心shen ru ren xin 释义：指理论 学说 政策等为人们深切了解和信服。

Глубоко войти в сознание (в сердца) людей.

Овладевать умами и сердцами людей.

示例：这个政党的竞选纲领已经 ~ 。

Например: Программа предвыборной борьбы этой партии глубоко вошла в сознание (в сердца) людей.

神醉心往shen zui xin wang 释义：心神陶醉向往。

Очаровательный и мечтательный

О человеке, который мечтает о ком-, чём-нибудь.

示例：谈到去美国后的生活 他不禁～。

Например: Этот мечтательный человек разговаривал о жизни в США, хотя он там не был.

世上无难事只怕有心人 shi shang wu nan shi. zhi pa you xin ren 释义：指只要肯下决心去做 任何困难都能客服。

Терпение и труд все перетрут: в мире нет трудных дел для настойчивых людей; трудности, встречающиеся в жизни, убежденного человека боятся.

示例：～。我相信，我们的道路会越走越宽。

Например: Трудности, встречающиеся в жизни убеждённого человека, боятся. Я уверен, что наша дорога дальше, тем шире.

实心实意 shi xin shi yi 释义：指真诚实在的心意。

Чистая (открытая) душа.

Искренний человек.

示例：老王总是~ 地为大伙儿办事。

Например: Лао Ван всегда с чистой душой помогает оформлять дела.

事与心违shi yu xin wei 释义：事实与愿望相违背。

Не по душе.

О том, что не соответствует желанию человека.

示例：这段时间我的运气真不好 每件事都是~。

Например: На это время моя участь плохая, все дела не по душе.

司马昭之心，路人皆知si ma zhao zhi xin lu ren jie zhi 释义：路人 路上的人 指所有的人。比喻人所共知的野心。

Душа Сы Мачжао.

(Сы Мачжао – воин, ставший императором.)

Стремиться к известности.

示例：他想吞我们的公司，这是~ 的事。

Например: Эта идея («душа Сы Мачжао») поглотила нашу компанию.

死心塌地 si xin ta di 释义：形容打定了主意 决不改变。

Решительно (окончательно) и бесповоротно.

Задумать что-то, изменить план.

示例：萨沙已经~地爱上了纳达莎。

Например: Саша уже решительно и бесповоротно влюбился в Наташу.

推心置腹tui xin zhi fu 释义：把赤城的心交给人家。比喻真心待人。

С открытым сердцем (раскрыть свою душу).

С чистым сердцем принимать кого-нибудь, всеми помыслами (искренне).

示例：经过~的谈话，老李和老王的关系更好了。

Например: После разговора с открытым сердцем отношения между Лао Ли и Лао Ван стали лучше.

同心同德tong xin tong de 释义：同德 为同一目的而努力。指思想统一 信念一致。

Единодушие и сплоёенность; идейное единство.

Совпадение мнений.

示例：我们要~， 建设我们的国家。

Например: Нам надо быть единодушными и строить нашу страну.

同心协济tong xin xie ji 释义：指齐心协力 克服困难。

Общность судьбы диктует необходимость совместных действий.

示例：危难时,大家要~, 共度难关。

Например: В момент серьёзной опасности (больших трудностей) общность судьбы диктует необходимость совместных действий

同心协力 tong xin xie li 释义：心 思想。协 合。团结一致，共同努力。

В полном единодушии; рука об руку.

童心未泯 tong xin wei mian 释义：形容成年人还有着孩子的天真。

Детская душа.

О человеке, который ысё ещё имеет детскую душу.

天下归心tian xia gui xin 释义： 形容天下老百姓心悦诚服。

Единодушие под небом (во всём мире).

铁石心肠 tie shi xin chan 释义：心肠硬得像铁和石头一样。

形容心肠很硬 不为感情所动。

Камень, а не человек; каменное (твердокаменное) сердце; бесчувственный; железный человек; сердце как камень; сердце и внутренности из железа и камня.

Сердце очень твёрдое, человек не может растрогаться.

示例：他从来不是这样~的。

Например: Прежде ты не была такой бесчувственной

天理良心tian li liang xin 释义：天理 自然之理 上天主持的公理。良心 旧指人类纯真善良之心。指人的天性善良。

Милосердие.

По природе человек добр.

提心吊胆 ti xin diao dan 释义：形容十分担心或害怕。

С замиранием сердца (с тревогой, сильно встревоженный).

Очень испугаться.

示例：妻子对丈夫说："你去向警察自首吧，我不喜欢~地过日子"。

Например: жена сказала мужу: «Ты заявишь о себе в милицию. Мне не нравится жить в тревоге (с замиранием сердца)».

挖空心思wa kong Xin Si 释义：比喻费尽心思，想尽一切办法。

Перепробовать мысленно все способы; ломать голову; рыться в пустой голове.

示例：不管敌人怎样~，他们的图谋是不可能得逞的。

Например: Как бы враги ни ломали голову, их замысел никогда не удастся.

万箭穿心wan jian chuan xin 释义：形容万分伤痛。

На душе (на сердце) кошки скребут.

Кто-либо испытывает тяжёлое, гнетущее чувство

万众一心 wan zhong yi xin 释义：千万人一条心。形容团结一致。

Все как один: единодушно; полное единодушие.

Сплочённость, солидарность.

示例~，势不可当。

Например: Когда тысячи людей объединены общим стремлением, им противостоять невозможно.

枉费心机wang fei xin ji 释义：枉 白白地 徒然 指白费心思。

Напрасные (тщетные) старания (усилия); напрасно усердствовать; зря стараться; толочь воду в ступе.

示例：你不用~了，你的阴谋已被我看破了。

Например: Не усердствуй напрасно, я уже раскусил все твои тёмные замыслы и коварные планы.

违心之论wei xin zhi lun 释义：与内心相违背的话。

Говорить не то, что думать.

Грешить против совести (души)

示例：很显然 他刚才的话是~。

Например: Совершенно очевидно, что он говорит не то, что думает.

问心无愧wen xin wu kui 释义：问心 问问自己。扪心自问 毫无愧色。

С чистой (со спокойной) совестью.

Со спокойной душой.

无所用心 wu suo yong xin 释义：没有地方用他的心。

指不动脑筋什么事情都不关心。

Сидеть без дела; быть беспечным; ни о чем не заботиться; жить, как у Христа за пазухой.

Не думать, не беспокоиться.

示例：他整体~的 无聊极了。

Например: Весь день они ни о чём не заботятся, им очень скучно

洗心革面xi xin ge mian 释义：清除旧思想 改变旧面貌。比喻彻底悔改。

Глубоко раскаяться и перемениться к лучшему: морально переродиться.

Полностью раскаяться и исправиться.

示例：小李从监狱出来后，决心～， 重新做人。

Например: Сяо Ли вышел из тюрьмы. Он глубоко раскаивался и решил измениться к лучшему, стать новым человеком.

小心谨慎xiao xin jin shen 释义：形容言行谨慎 不敢疏忽。

Держать ухо востро.

Быть осторожным и осмотрительным

示例：他刚学会驾驶，总是~地开车。

Например: Он только начался водить машину и всегда держит ухо востро, когда это делает.

小心翼翼xiao xin yi yi 释义：翼翼 严肃 谨慎。现形容谨慎小心 一点不敢疏忽。

Чрезвычайно (крайне) осторожно со всеми предосторожностями. Быть осторожным и осмотрительным.

示例：我~ 地走进房间，看看有没有人。

Например: Я крайне осторожно зашёл в комнату и увидел, что никого нет.

心安理得xin an li de 释义：得 适合。自以为做的事情合乎道理 心里很坦然。

Со спокойной душой; с сознанием выполненного долга с чувством морального удовлетворения; покой на душе.

示例：工人不能~地生产废品。

Например: Работники не должны со спокойной душой выпускать брак.

心病还需心药医 xin bing hai xu xin yao yi 释义：心里的忧虑或恋念成了精神负担必须消除造成这种负担的因素。

Испытывать душевную боль, нуждаться в лекарстве для души.

Испытывать беспокойство или скучать в душе.

示例：常言道："心病还需心药医"。若病源自于七情心理，则应首先选用心理治疗方法。

Например: Если исток болезни эмоциональный, сначала надо выбрать психологический метод лечения.

心不在焉xin bu zai yan 释义：心思不在这里。指思想不集中。

Делать без души; с отсутвующим видом.

С полным безразличием.

示例：看他那~的样子，就知道他什么都没听见。

Например: Человек с отсутвующим видом – он не понимает, что происходит.

心长力短xin chang li duan释义：心里很想做，但力量够不上。

Хочется, но не можется; сильное желание что-либо сделать, но сил мало (не хватает); в душе хочется делать, но сил не хватает.

示例：这件事，我是~ 帮不了你。

Например: У меня сильное желание помочь тебе, но у меня сил мало, поэтому я не могу тебе помочь.

心潮澎湃xin chao peng pai 释义：澎湃 波涛冲击的声音。心里像浪潮翻腾。形容心情十分激动 不能平静。

Испытывать огромный душевный подъём.

Очень волноваться.

示例：胜利纪念日上，想起往事，老军人们~，热泪盈眶。

Например: На юбилей победы вспомнили о прошлом, старые солдаты со слезами на глазах испытывали огромный душевный подъём.

心驰神往xin chi shen wan 释义：驰 奔驰。心神奔向所向往的事物。形容一心向往。

Иметь сильное (глубокое) стремление.

Мысли стремятся к мечте.

示例：远涉重洋大海 探索自然奥秘 这些都使年青人 ~。

Например: Пересечение океанов морей, разведывание тайн природы – всё это манит молодежь

心诚则灵 xin cheng ze ling 释义：强调的是心里暗示给人行为的指导作用。

Искренность творит чудеса.

示例：进庙求佛 说的是~。你不信菩萨，态度不真诚 自然就不灵验。

Например: Если входишь в Храм и искренне поклоняешься Будде, значит твоё обращение сбудется; если ты обращаешься неискренне, желание само собой не сбудется.

心慈面软 xin ci mian ruan 释义：形容为人和善。

Душевная мягкость и доброта; добрая и мягкая натура.

О добром и ласковом человеке.

心慈手软 xin ci shou ruan 释义：心怀恻隐而不忍下手。

Отзывчивый.

Испытывающий чувство сострадания.

示例：对于敌人 绝不能~。

Например: К врагу никогда не надо испытывать сострадание.

心胆俱裂xin dan ju lie：俱 都。吓破了心和胆。形容受到极大的惊吓。

Охваченный ужасом.

Испытывать страх.

示例：小偷被从天而降的警察吓得。

Например: Милиционеры нежданно-негаданно оказались перед вором, что привело его в ужас.

Добрая душа.

Об отзывчивом человеке, который помогает другим.

示例：我奶奶是~的老人 她会帮助你的。

Например: У моей бабушки добрая душа, она может помочь тебе.

心烦意乱xin fan yi luan 释义：心思烦乱 不知怎样才好。

Нервничать; муторно на душе; беспокойно на сердце; все чувства помутились.

О человеке, который испытывает нервное раздражение.

示例：现在大家都~

Например: Всем сейчас треплют нервы.

示例：巨大的工作压力，弄得大家都~，情绪焦躁。

Например: сильное давление на работе, которое заставляет его нервничать.

心腹之交 xin fu zhi jiao 释义：指最知心的好朋友。

Близкий друг.

Самый хороший приятель

示例：我和他是~。

Например: Мы с ним близкие друзья.

心服口服 xin fu kou fu 释义：心里嘴上都信服。指真心信服。

Принимать не только на словах, но и в душе; поверить (согласиться) не только на словах, но и в душе; окончательно убедиться.

В душе убеждаться; принять сердцем.

示例：老张一番话，说得几个年轻人~，连连称是。

Например: Речь Лао Чжан молодежь принимала не только на словах, но и в душе и соглашалась с ним.

心浮气躁 xin fu qi zao 释义：形容人性情浮躁 做事不踏实。

Непостоянный и нетерпеливый.

Характер легкомысленный.

示例：年轻人做科学研究 得脚踏实地 决不能~。

Например: Молодому человеку, который занимается науками, надо быть серьёзным, нельзя быть непостоянным и нетерпеливым.

心腹之患xin fu zhi huan 释义：比喻隐藏在内部的严重祸害。也泛指最大的隐患。

Невидимая (скрытая) опасность: внутренний враг; недуг, который подтачивает сердце; все чувства помутились; серьёзная угроза; внутренняя язва; беда, грозящая изнутри.

Серьёзная опасность.

示例：这些恐怖分子，三天两天在边境作乱 已成了当地政府的~。

Например: Эти террористы часто поднимают бунт в пограничном районе, что уже стало серьезной проблемой для местного правительства

心甘情愿xin gan qing yuan 释义：心里完全愿意没有一点勉强。多指自愿做出某种牺牲。

Готов всей душой.

О человеке, который готов что-то делать.

示例：米莎~ 为阿丽娜跑前跑后 毫无怨言。

Например: Миша готов на все для Алины – он никогда не отказывает ей в помощи.

心高气傲xin gao qi ao 释义：心比天高气性骄傲。形容态度傲慢，自以为高人一等。

Гордый и заносчивый; много гордости и зазнайства.

Душа выше неба; о человеке, который считает себя выше других.

示例：~ 的阿丽娜怎么会看上相貌平平的米莎呢？

Например: Как может гордая и заносчивая Алина влюбиться в Мишу, у которого обычная внешность?

心广体胖 xin guang ti pan 释义：用来指心情愉快 无所牵挂 因而人也发胖。

Раздобреть от привольного житья, от вольготной жизни.

Буквально: Когда душа спокойна, человек полнеет.

示例：她着实是~，结实得像一头小牛。

Например: Эта раздобревшая особа напоминает коробку.

心狠手辣 xin hen shou la 释义：心肠凶狠 手段毒辣。

Жестокосердечен и беспощаден; жесток; рука не дрогнет.

О жестокосердном и беспощадном человеке; злой и коварный;

жестокосердный, жестокий и беспощадный; такой жестокий, что рука не дрогнет.

Злобное (ядовитое) сердце

示例：他~， 需要提防。

Например: Он жесток и беспощаден, его нужно остерегаться.

心花怒放xin hua nu fang 释义：心里高兴得像花儿一样。形容极其高兴

Душа радуется; душа расцвела от радости, радоваться всей душой;

расцвести сердцем, радоваться, внутри все поет от радости, в сердце от радости распускаются цветы.

示例： 听到他们这样谈论 我乐得～。

Например: Когда я слышал их разговоры, у меня внутри всё пело от радости.

心怀鬼胎 xin huai gui tai 释义：比喻藏着不可告人的心事。

Замышлять злые козни.

Иметь в душе злые намерения, умысел.

示例：我知道他～， 就说："你少来这一套，有话直说吧。"

Например: Я знаю, что он замышляет злые козни. Тебе не надо так говорить, если слова неискренние.

心怀叵测 xin huai po ce 释义： 心怀，存心，叵 不可。 指心存险恶，不可推测。

Вынашивать в душе недобрые намерения.

Замышлять за спиной злые козни; держать камень за пазухой.

示例：对于～的人 我们一定要提防。

Например: Нам надо остерегаться человека, который вынашивает в душе недобрые намерения.

心慌意乱 xin huang yi luan释义： 心里着慌 乱了主意。

Растеряться; быть не в себе; тревожно на душе; на душе сильная тревога и полная сумятица, душа не на месте; прийти в полное замешательство

示例：自从接了电报之后，他就开始～。

Например: После того как я получил телеграмму, я растерялся.

心灰意冷 xin hui yi leng 释义： 灰心失望，意志消沉。

Апатичный.

Совершенно пасть духом, бояться чего-то.

示例：失恋后，他～， 再也提不起精神了。

Например: После неудачи любви он стал апатичным и находился в упадочном настроении.

心急火燎 xin ji huo liao 释义： 燎 火烧，形容非常焦急。

Спешный; требующий быстрого исполнения.

Сердце побуждает человека делать что-либо быстрее

示例：看你一副～的样子，出什么事了。

Например: Ты торопишься? Что случилось?

心急如焚xin ji ru fen 释义：心里急得像着火一样。形容非常着急。

Спешный; требующий быстрого исполнения.

Сердце побуждает человека делать что-либо быстрее.

示例：老刘听到这个消息后～，恨不得一下飞回家里。

Например: Лао Ли услышал эту новость и спешно хочет улететь домой.

心急如火xin ji ru huo 释义：心里急得像着火一样。形容着急。

Сердце будто огнем объято.

Сердце побуждает человека делать что-либо быстрее.

心惊胆战xin jing dan zhan 释义：战，通“颤”，发抖。形容十分害怕。也做“胆战心惊”。

Трепетать от ужаса; быть в тревоге и страхе.

Приводить в сильное волнение.

示例：我～地问：“我妈 她没事吧？”

Например: Я с тревогой и страхом спросил: «С моей мамой всё хорошо?»

心惊肉跳xin jing rou tiao释义：形容担心灾祸临头，恐慌不安。

Поджилки трясутся; трепетать от ужаса; быть в страшной тревоге; сердце колотится от страха; весь дрожит, а сердце трепещет; сердце тревожно забилось.

示例：我看见他就～。

Например: При виде его у меня сердце колотится страха.

心口如一xin kou ru yi 释义： 心里想的和嘴里说的一样。形容诚实直爽。

Что на уме (на сердце), то и на языке; что в мыслях, то и на словах; чистосердечный; прямодушный; прямой и откровенный.

О честном и прямодушном человеке.

示例： 我深知他大公无私～。

Например: Я хорошо знаю, что он человек бескорыстный и прямодушный.

心宽体胖xin kuan ti fei 释义：指心情愉快 无所牵挂 因而人也发胖。

Радость переполняет душу.

Испытывать большое душевное удовлетворение.

示例：看他那～的模样，就知道他生活得不错。

Например: Радость переполняет его душу; понятно, что он живёт неплохо.

心旷神怡xin kuang shen yi 释义：旷 开阔。怡，愉快。心境开阔，精神愉快。

Душа радуется.

Чувствовать себя на седьмом небе; испытывать приятные чувства; на душе легко и приятно; душа наполняется сладостным чувством блаженства.

示例： 眼前景色新奇，令人～。

Например: Передо мной удивительная картина, на душе у меня легко и приятно.

深秋的景色，让人~。

Например: Людям легко и приятно на душе от созерцания пейзажа глубокой осени.

心劳日拙xin lao ri zhuo释义：现多指做坏事的人 虽然使尽坏心眼 到头来不但捞不到好处 处境反而一天比一天糟。

Напрасные потуги; тщетные усилия.

О неудачных усилиях сделать что-либо.

示例：他们～， 并不能达到他们的目的。

Например: Все их усилия остались тщетными, и они не смогли добиться своей цели.

心力交瘁 xin li jiao cui 释义： 瘁 疲劳。 形容精神和体力都极疲劳累。

Смертельно устать (уставать); быть в изнеможении; подорвать силы; переутомляться; уставать и физически, и душевно

示例：可是为工作而～的人还少吗？

Например: А разве мало людей, уставших и физически, и душевно на своей работе?

心灵手巧xin ling shou qiao 释义：心思灵敏 手艺巧妙（多用女子）。

Светлая душа и золотые руки; мастер на все руки; сообразительность и мастерство.

Ясная, проницательная душа и умелые руки (обычно о женщинах).

示例：做这种工作要～。

Например: Для такой работы требуются сообразительность и мастерство.

心领神会 xin ling shen hui 释义： 指对方没有明说心里已经领会。又做“心领意会”。

Сердцем понимать.

Догадаться без слов; понять и постигнуть истинный смысл и дух слов.

示例： 妈妈说了一半，女儿就～了。

Например: Дочь понимает с полуслова – сердцем.

心乱如麻 xin lun ru ma 释义：心里乱得像一团乱麻。形容心里非常烦乱。

На сердце скребёт; душевный разброд; кошки скребут на душе; сердце в смятении; мысли путаются, как волокна конопли.

На душе очень тревожно.

示例：我此刻～什么主意都没有。

Например: Сейчас моё сердце в смятении – у меня нет никакой идеи.

心满意足 xin man yi zu 释义： 形容心中非常满意。

В душе радость (полное удовлетворение).

Чувство полного удовлетворения; быть чрезвычайно довольным.

示例：他摸着肚子～地说："这顿饭吃得太好了"。

Например: он с полным удовлетворением погладил живот и сказал: «Я очень хорошо поел»

心明眼亮xin ming yan lian 释义：形容看问题敏锐 能辨别是非。

Трезвый и проницательный ум; обладать трезвым умом; ум становится ясным, а взор – проницательным.

Иметь ясное представление, уметь отличить правду от лжи.

示例：在大是大非的问题面前,你一定要～， 不要迷失方向。

Например: Чтобы решить этот очень принципиальный вопрос и не потерять страну, нужно иметь трезвый и проницательный ум.

心慕手追 xin mu shou zhui 释义：心头羡慕，手上模仿。形容竭力模仿。

Брать пример, подражать

示例：现在的年轻人 看到明星就～。

Например: Сейчас молодой человек видит звёзд кино и пытается подражать им.

心平气和 xin ping qi he 释义：心情平静 态度温和。指不急躁 不生气。

Тихо и мирно; с полным спокойствием

Спокойно на душе, мирное состояние.

示例：张培是那样的沉静温和 连最急躁的人见了他也会～。

Например: Чжан Пэй такой спокойный; и самый вспыльчивый человек увидев его, тоже становится тихим и мирным.

心如刀割xin ru dao ge 释义：内心痛苦得像刀割一样。

Как ножом по сердце; душа разрывается на части; сердце кровью обливается; будто нож вонзили в сердце.

Кто-либо причиняет острую душевную боль, страдание.

示例：我一想到他的苦难，就～。

Например: У меня сердце кровью обливается, когда я думаю о том, как он страдает.

心如刀绞 xin ru dao jiao 释义：内心痛苦得像刀割一样。

Испытывать тягость от чего-н.

心如古井xin ru gu jing 释义：形容心里十分平静或一点也不动情。

Душа как колодец.

На душе очень спокойно (пусто), нет волнения, переживаний.

示例：这些年来 他～， 不问世事，一心搞自己的学问。

Например: В его душе очень спокойно, и он не тревожится о житейских делах, а всей душой занимается своей наукой.

心如死灰 xin ru si hui 释义：死灰已冷的灰烬。原指心境淡漠毫无情感。现形容意志消沉 态度冷漠到极点。

Душа как зола.

Совершенно пасть духом; впадать в полное уныние; сердце мертво, как остывший пепел; о бесчувственном человеке.

示例：他此时已～。

Например: В это время сердце его было как остывший пепел.

心如铁石 xin ru te shi 释义： 比喻心肠硬或意志十分坚决。

Камень, а не человек; железная воля; сердце твёрдое, как камень.

Душа совсем не знает сочувствия.

示例：他从我于患难，~，非富贵所能动摇也。

在那患难的岁月中，他便跟随我~， 不会为钱动摇的。

Например: Он вместе со мной прошел все беды и трудности, сердце его твёрдо, как камень, его не поколеблют ни богатство, ни почести!

心如止水xin ru zhi shui释义：形容心境平静，毫无杂念。

Спокойствие; «тихо» на душе; ничего не хочется.

示例：对金钱美女，老和尚 ~， 眼睛都不抬一下。

Например: Старый монах очень спокойный; он не смотрит на деньги и на красивых девушек.

心上心下 xin shang xin xia 释义：形容心神不安。

Неспокойно на душе.

Испытывать волнение.

示例：这几天，她老觉得 ~， 好像有什么事要发生似的。

Например: В эти дни случилось что-то, что вызвало волнение в её душе.

心神不定 xin shen bu ding 释义：定，安定。心里烦躁，精神不安。

Неспокойно на душе; беспокойно на сердце, душа (сердце) не на месте; душа не на месте; беспокоиться и не находить себе места.

Беспокоиться, тревожиться, волноваться в душе

示例：开会回来，他觉得～。

Например: Придя с собрания, он не находил себе месте;

心神恍惚 xin shen huang hu 释义：形容精神不集中或甚至不清楚。

Душа не на месте.

Отсуствие внимания, сосредоточенности.

示例：自从儿子丢失以后，她就总是这么~的。

Например: После потери сына у неё душа не на месте.

心事重重 xin shi chong chong 释义：心里挂着很多沉重的顾虑。

Испытывать беспокойство.

О тревожном состоянии на душе

示例：他每天都是一脸的~，看上去很不快乐。

Например: Каждый день его лицо выглядит беспокойно, смотреть на это очень неприятно.

心手相应xin shou xiang ying 释义：形容手段熟练 心里怎么想 手就怎么做。

Сердце и руки «перекликаются», «согласуются».

Делать что-либо умело и удачно, в соответствии с замыслом; делать по душе, по сердцу.

示例：这位书法家的字写得太漂亮了～， 如行云流水

Например: Этот каллиграф пишет прекрасно, его сердце и руки

«перекликаются», находятся в гармонии.

心术不正xin shu bu zheng 释义：指人用心不忠厚，不正派。

Чёрная душа; неискренний, нечестный человек.

О непорядочных людях.

示例： ~的人是无法在科学研究上有很深的造诣的。

Например: Неискренний человек не может добиться большого успеха в науке.

心无二用 xin wu er yong 释义：指做事要专心，注意力必须集中。

Надо с головой погрузиться (окунуться, уйти) во что (нельзя разбрасываться); надо всецело отдаться чему-либо; нужно сосредоточить внимание на одном; нельзя делать одно, а думать о другом.

示例：读书写字，都要专心致志，就是说要~。

Например: При чтении и письме нужно быть сосредоточенным, не забывать, что всякому делу необходимо отдаваться целиком.

心细如发 xin xi ru fa 释义：极言小心谨慎 考虑周密。

Обдумывать; быть осторожным и осмотрительным, учитывать всё.

示例：这位侦探~， 什么蛛丝马迹都逃不过他的眼睛。

Например: Этот сыщик всё учитывает, ничто не может обмануть его глаза.

心向往之 xin xiang wang zhi 释义：对某个人或事物心里很向往。

Зависть берет; стремиться к чему-либо; мечтать (мечта); испытывать зависть.

Мечтать в душе о ком-нибудь или о чём-нибудь.

示例：我对这位诗人的才华很是~。

Например: Меня зависть берёт при наблюдении за талантливостью этого поэта.

心心念念 xin xin nian nian 释义：心里老是想着。指想做某件事或得到某种东西。

Всем сердцем (всей душой) стремиться к чему-нибудь; мысль крепко засела в голову.

Всем сердцем.

示例：妈妈答应圣诞节给伊拉买个洋娃娃，整个星期伊拉～就是这件事。

Например: Мама согласилась купить куклу Ире на Рождество. Целую неделю Ира всем сердцем ждала этот день.

心心相印xin xin xiang yin
释义：彼此的心不用说出，就可以相互了解。形容彼此思想感情完全一致。

Душа в душу

Хорошо понимать друг друга сердечная привязанность понимать друг друга без слов; душа одного человека может быть отражением души другого.

示例：他们~ 地过得挺美满。

Например: Они живут дружно, душа в душу.

袭胸狭窄 xin xiong xia zhai 释义：形容人气量小。

Узкая душа.

О человеке, у которого слабая (маленькая) выдержка.

示例：《红楼梦》里，凤姐是~的女人。

Например: В книге «Сон в красном тереме» сестра Фэна – девушка с узкой душой.

心绪不宁 xin xu bu ning 释义：形容心情杂乱。

Неспокойно на душе.

В душе беспорядок.

示例：论文写不好，一个假期我都是～的。

Например: Диссертацию написал плохо, на каникулах у меня было неспокойно на душе.

心血来潮 xin xue lai chao 释义：来潮 潮水上涨。指心里突然或偶然起了一个念头。

Минутное возбуждение; по наитию; поддаваться минутному настроению блеснула мысль; быть вдруг осенённым мыслью.

отдаваться минутному порыву.

示例：我们不应该~，轻率行动。

Например: Мы не должны поддаваться минутному настроению и действовать опрометчиво.

心痒难挠 xin yang nan nao译义：内心某种想法难以平静。

Необычайно рад.

Об очень счастливом человеке, который не может сдержать своих чувств.

示例：一想到我可以去法国进修学习，可以到香榭写大街购物 我不禁~起来。

Например: Я очень счастлив, что могу учиться во Франции.

心慵意懒 xin yong yi lan译义：情思倦怠 精神萎靡。

Падать духом.

Быть в упадочном настроении.

示例：那女子被她的男友拒绝后 一副～的神情。

Например: Этой девушке отказал её парень, она упала духом.

心有灵犀一点通 xin you ling xi yi dian

Понимать друг друга сердцем, понимать друг друга с полуслова.

О парне и девушке в любви, понимать друг друга очень хорошо.

示例：真是~，我才说一个字你就明白了我的心意 太神奇了。

Например: мы действительно понимаем друг друга сердцем. Я сказал только одно слово, а ты уже понимаешь мою мысль, просто чудо!

心有余而力不足xin you yu er li bu zu译义：心里非常想做 但是力量不够。

Хочется, да не можется.

Очень хотел бы сделать, да сил не хватает.

示例：对这件事 我可是~，想帮也帮不了你。

Например: Решить это дело хочется, да не можется. Я хочу тебе помочь, но не могу.

心有余悸 xin you yu ji译义：危险的事情虽然过去但是想起来还是害怕。

Не полностью оправиться от испуга.

Беда уже прошла, а сердце (душа) еще боится.

示例：大地震过后 很多~人，有一点动静就会惊吓得跳起来。

Например: После сильного землетрясения многие люди не полностью оправились от испуга. Малейший звук – и всё пугаются.

心余力绌 xin yu li chu译义：心里想做但力量不够。

И хотел бы сделать, да сил не хватает.

Очень хочется делать, но сил не хватает.

心猿意马xin yuan yi ma译义：心里好像猴子跳，马奔跑一样控制不住。

心里东想西想 安静不下来。

Мятежная душа; мысли (думы) чьи (в это время) были далеко; голова была занята совсем другим.

示例：老师批评小明说："学习的时候就是学习",

不要～的 眼睛老看着窗外。

Например: Учитель ругает Сяо Мин и говорит: «Когда учёба,и … надо учиться, голова не может быть занята другим, если твои глаза всегда смотрят в окно.

心悦诚服 xin yue cheng fu译义：指真心地服气或佩服。

Искренне признать кого, что (согласиться с кем, чем; преклоняться перед кем, чем).

Всем сердцем и умом подчиниться.

示例：对他的法语水平和交际能力，我是～

Например: Я искренне признаю его уровень французского языка общения.

心照不宣 xin zhao bu xuan译义：照 知道 宣 说出来 彼此心里明白

而不公开说出来。

Понять друг друга без слов; полное взаимопонимание.

示例：这件事 咱们就～, 谁也不要提起。

Например: В этом деле мы понимаем друг друга без слов и никому не надо повторять ничего дважды.

心直口快xin zhi kou kuai译义：性情直爽 有话就说。

Прямо и откровенно ничего в себе не держит; что на уме, то и на языке;

быстрый на язык прямодушный; резкий и несдержанный.

Прямой характер; что есть, то и говорит.

示例：他性情豪爽～。

Например: Характер у него открытый: что на уме, то и на языке.

心中无数 xin zhong wu shu译义：对情况了解不清楚 心里没有底。

Не иметь ясного представления; быть не в курсе дела не держать «цифры» в голове.

示例：他～， 结果就不能不犯错误。

Например: Он не держит никаких «цифр» в своей голове и в результате не может избежать ошибок.

心中有数 xin zhong you shu译义：对情况和问题有基本的了解 处理事情有一定把握。

Иметь определённое представление (мнение); знать, что к чему; что на уме; отдавать себе отчёт, иметь ясное представление; держать в голове «цифры».

示例：对于这项任务的性质及其解决办法 我们要～。

Например: Мы должны отдавать себе ясный отчёт в размерах этой задачи и способах её решения.

雄心勃勃xiong xin bo bo译义：勃勃 旺盛的样子。形容雄心很大 很有理想。

Целеустремленный, очень амбициозный.

示例：叶莆盖尼刚从大学毕业 一副～样子，他渴望能马上大展宏图。

Например: Евгений только закончил институт; он выглядит целеустремленным и жаждет сразу заниматься грандиозными делами.

雄心壮志 xiong xin zhuang zhi 译义：伟大的理想 宏伟的志愿。

Ставить большие цели и задачи.

Великие мечты, великие желания.

示例：彼得大帝的～就是称霸世界海洋。

Например: Царь Пётр ставит большие цели и задачи и хочет господствовать на море.

言为心声 yan wei xin sheng译义：语言是思想的反映 从一个人的话里可以知道他的思想感情。

Слова суть отражения мыслей человека; в словах звучит голос сердца;

Язык – голос сердца.

Слова отражают сердце, душу; по ним можно узнать мысли и чувства человека.

示例： ~这封信充分反映了他内心世界。

Например: Слова – суть отражения мыслей человека. Это письмо целиком и полностью отражает его внутрении мир.

眼不见心不烦 yan bu jian xin bu fan 译义：比喻只要不看见或不在眼前，也就不会为这操心或烦恼。

Не видеть и не раздражать.

Если нет перед глазами, то не будет и досады, недовольства.

示例：他离开这里了~， 我就不为他烦恼了。

Например: Это хорошо, что он уехал отсюда. Я его не вижу, и он не раздражает меня, я и не беспокоюсь за него.

杨花心性 yang hua xin xing译义：比如轻薄浪漫 用情不专。

Ветреная душа.

О женщине легкого поведения.

示例：那是个~女人 千万别受她的骗。

Например: У той женщины ветреная душа, во что бы то ни стало не дай ей себя обмануть.

野心勃勃 ye xin bo bo译义：勃勃：旺盛的样子。形容野心非常大。

Целеустремленный; честолюбивый; алчный; властолюбивый;

ненасытный. Склонный к честолюбию.

示例：这一位大帝～，就想把世界各国尽归他的宇下。

Например: Этот император был властолюбив, он думал прибрать к рукам все страны мира.

以已之心 度人之腹 yi ji zhi xin du ren zhi fu 译义：用自己的想法去推测别人的心思。

Судить по себе.

Своим подходом, взглядом, воззрениями предполагать мысли других.

示例：不好意思 我这是～呢。

Например: Извините, это я сужу по себе.

一见倾心 yi jian qing xin 译义：倾心：爱慕。初次见面就十分爱慕。

Полюбить с первого взгляда.

Почувствовать любовь при первый встрече.

示例：她是一个很可爱的姑娘。难怪他对她～。

Например: Славная она девушка. Неудивительно, что он в неё с первого взгляда влюбился.

以小人之心度君子腹 yi xiao ren zhi xin du jun zi zhi fu译义：用卑劣的心意去猜测品行高尚的人。

Карлик мерит своей меркой поступки исполина.

Мерить на свой аршин. Судить о ком-либо или о чём-либо по своим представлениям, согласно только своим требованиям.

示例：你这是 ~ ， 我根本就没这个意思 我是为你好！

Например: Ты это меришь на свой аршин. Я плохо не скажу, это для тебя хорошо!

疑心生暗鬼yi xin sheng an gui译义：因为多疑而产生各种幻觉和错误判断。

Подозревать дьявола (плохое дело) в душе.

Подозрительность, недоверие

示例：你别整天 ~ 的，搞得大家都不得安宁。

Например: Ты подозреваешь дьявола в душе каждого.

一心一德 yi xin yi de 译义：大家一条心 为一个共同的目标。

Единодушно.

Едины душой; общность цели.

一心一意 yi xin yi yi 译义：只有一个心眼儿 没有别的考虑。

Всей душой, всем сердцем; всеми помыслами.

С удовольствием, с полной силой делать что-то.

示例：贾宝玉 ~ 地待林黛玉。

Например: Цзя Баоой всей душой относится к Линь Дайюйю.

有口无心 you kou wu xin
译义：嘴上说了但心里可没有那么想，指不是有心说的。

Болтливый; на язык злой, а сердцем отходчив; язык у кого-либо острый, но говорит он без умысла; молоть языком без всякой «задней» мысли.

示例：他是~ , 你别见怪。

Например: У него язык острый, но говорит он без умысла – вы не обижайтесь на него.

宅心仁厚zhai xin ren hou 译义：忠心而纯厚。

Доброе сердце.

Об отзывчивом человеке.

示例：他是个 ~的人。

Например: У него доброе сердце.

真心诚意 zhen xin cheng yi 译义：心意真实诚恳 没有虚很。

Всем сердцем и умом, искренне.

示例：你为什么要拒绝我~ 的帮助呢？

Например: Зачем ты отказался от моей искренней помощи?

振奋人心zhen fen ren xin. 译义：使人振作奋发。

Прийти в возбужденное состояние.

О человеке, у которого возникли чувства.

示例：胜利的消息如此 ~。

Например: Эта новость о победе привела в возбуждение состояние.

震撼人心zhen han ren xin 译义：某事对人的内心震动很大。

Потрясающий и необычайный возбуждать умы людей; волновать всех.

Какое-то большое потрясение в сердце человека.

示例： ~ 的鼓声想起来了, 军队就要出发了。

Например: Армии выступают под потрясающий и необычайный бой барабанов.

知人知面不知心zhi ren zhi mian bu zhi xin 译义：认识一个人容易，但是想了解一个人的心却很困难。

Узнать человека легко, а понять сердце труднее.

Узнать кого-либо легко, а понять мысли и намерения трудно.

示例：谁也不知道他是一个坏人，真是~。

Например: Никто не знает, что он такой плохой человек.

Действительно, человека узнать легко, а понять егосердце труднее.

忠心耿耿zhong xin geng geng 译义： 耿耿：正直。形容非常忠诚。

Беспредельная преданность.

О человеке, который исполнен любви и верности кому-, чему-нибудь.

示例：谢尔盖是个对革命事业~ 的战士。

Например: Сергей – воин с беспредельной преданностью революции.

众心成城zhong xin cheng cheng 译义：指万众一心，如坚固城堡。

Воля коллектива – великая сила (единение города берёт).

Все как один (единодушно)

示例：我们团结起来~， 我就能打败侵略者。

Например: Нам только нужно объединиться. Воля коллектива – великая сила, мы обязательно победим агрессора.

专心致志 zhuan xin zhi zhi 译义： 形容一心一意 聚精会神。

Сосредоточенно целеустремленно: всецело отдаваться чему-либо, окунаться с головой во что-либо, по уши.

Сосредоточить внимание, уйти с головой.

Например: Максим Горький всегда всецело отдавался работе.

嘴甜心哭zui tian xin ku：译义：说话和善 居心不良。

Сладкая речь, а плохие намерения.

Красиво говорить, но замышлять злое.

示例：她是个~ 的人 别理她

Например: Она человек, у которого сладкая речь, но плохие намерения, её не надо принимать во внимание.

嘴直心快 zui zhi xin kuai译义：性情直爽 有话就说。

Что на сердце, то на языке.

Буквально: рот (язык) – прямо – сердце – быстро.

示例：达莎是个~ 的姑娘。

Например: Даша такая девушка, у которой что на сердце, то на языке.

做贼心虚zuo zei Xin Xu 译义：虚 怕。指做了坏事怕人知道 心里老是不安。

На воре шапка горит, совесть не чиста.

О человеке, который сделал что-то плохое и боится, что люди узнают; душевная тревога.

示例：他 ~ 他说“我没有来个这里 没有见过任何人”。

Например: У него совесть не чиста. Он говорил: «Я не был здесь, никого не видел».